

Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
№ 4 (24) 2009
ISSN 1996-0522

Учредители

ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель

Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

Редакционный совет

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
С.С.Загребин – д.и.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент
С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
А.В. Понделков – д. полит. н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
Р.А. Сабитов – д.ю.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Главный редактор

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

С.Г. Зырянов – зам. главного редактора,
зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный за
международные контакты
Т.Ю.Савченко – зав. рубрикой
экономики и менеджмента
А.Л. Фартыгин – зав. рубрикой
государства и права

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
А.А. Сафуллина

В соответствии с решением президиума
Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки РФ (ВАК)
журнал «Социум и власть» включен
в перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук
по политологии

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 14.12.2009 г.
Формат 70×108^{1/16}.
Усл. п. л. 10,85. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3646.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано
в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

Цена свободная

СОЦИУМ**В.К. Шрейбер**

Гражданское общество:
понятие и некоторые проблемы 4

А.В. Семенов

Переосмысливая гражданское общество:
нормативная концепция публичной сферы
Ю. Хабермаса 9

А.Д. Трахтенберг

Информационная революция в зеркале
обыденного сознания: компьютеры и Интернет
в дискурсе повседневности 14

Е.Ю. Руденко

Интегративная функция коммуникации
в бытии социума 20

Е.В. Грунт, О.В. Хрущев

Факторы формирования информационной
культуры профсоюзных работников 26

В.В. Рудой

Актуальные вопросы подготовки
кадрового резерва органов государственной
власти и местного самоуправления 32

ВЛАСТЬ**О.Ф. Русакова**

Шоу-политика: особенности дискурса..... 36

В.А. Дубовцев

Либерально-западнические трактовки русской
истории и современной России 40

И.А. Ветренко

Методологические особенности изучения
политических процессов 45

А.С. Чесноков

Участие иммигрантов-неграждан
в политических процессах в принимающих
странах 49

Е.П. Соколова

Приемы политической манипуляции в период
выборов президента Российской Федерации
1996 года (по материалам региональной прессы) 55

В.Б. Брозовский

Методологические проблемы исследования
региональных элит 60

**В.В. Рудой, А.В. Понделков,
А.М. Старостин, В.Д. Лысенко**

Социологический профиль
региональных политических элит Юга России..... 65

О.В. Осипов

Русская Православная Церковь и гражданское
общество в России: историко-
политологический ракурс 69

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента и предпринимательства, философии управления, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

Требования к рукописям научных статей, предоставляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 136.

Рукописи рецензируются

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции

(351) 771-42-30

E-mail: saa@urags-chel.ru

Адрес в Интернет

<http://urags-chel.ru>

Редакция журнала не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

О.И. Печерских

Российская парадигма международной безопасности 75

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**М.С. Норекиян**

Европолитики и регулирование финансового рынка 80

КУЛЬТУРА**С.В. Борисов**

Что такое философия? Или пропедевтика ко всякой прошлой и будущей метафизике...
Основания философской рефлексии 85

Л.А. Липская, А.В. Гурвич

Инновационная политика в сфере высшего образования 90

К.А. Тухватулина

Культурная политика в сфере театрального искусства в 1917–1932 гг. 94

ИСТОРИЯ**М.В. Гришкина**

«Этика выживания» во взаимоотношениях удмуртской общины с властью в XVIII – первой половине XIX в. 98

Е.М. Есикова

Открытие и деятельность Богодуховского миссионерского стана в Оренбургской епархии (1901–1917 гг.) 103

Л.В. Шубарина

Историография изучения проблемы интеграции танковой индустрии в оборонно-промышленный комплекс Урала (1945–1965 гг.) 107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

20-летие Уральской школы политологии: испытание кризисами (Материалы выступлений участников заседания Клуба уральских политологов) 113

Возможен ли инновационный шаг в развитии России? (Итоги Седьмой Всероссийской научно-практической конференции) 122

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию С.В. Любичанковского. «Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II» 125

SOCIUM

V.K. Shreiber
Civil society: the notion and the problems 4

A.V. Semenov
Rethinking civil society: J.Habermas' normative conception of the public sphere 9

A.D. Trakhtenberg
Information revolution in the mirror of common sense: computers and the Internet in day-to-day discourse 14

E.Yu. Rudenko
The integrative function of the communication in the existence of society 20

E.V. Grunt, O.V. Hrushev
The factors of forming the information culture of trade-unionists 26

V.V. Rudoy
Significant issues of the preparation and the usage of the bodies of state power and local selfgovernment..... 32

POWER

O.F. Rusakova
Show-politics: features of the discourse 36

V.A. Dubovtsev
Liberal and western-oriented interpretations of the Russian history and modern Russia 40

I.A. Vetrenko
Methodological peculiarities of political processes analysis 45

A.S. Chesnokov
Participation of the immigrants (non-citizens) in political processes in receiving countries 49

E.P. Sokolova
Political manipulation techniques within the format of Russia's Presidential Election campaign in 1996 (on the basis of the regional press) 55

V.P. Brozovsky
Methodological issues of the regional elite's study..... 60

V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, A.M. Starostin, V.D. Lysenko
Sociological profile of the regional political elites in the South Russia..... 65

O.V. Osipov
Russian Orthodox Church and Russian civil society: historical and political aspect 69

O.I. Pecherskih
Russian paradigm of the international safety 75

ECONOMIC POLICY

M.S. Norekian
Europoliticians and the regulation of the financial market 80

CULTURE

S.V. Borisov
What is philosophy? Or propaedeutics to any last and future metaphysics... The basis of the philosophical reflection 85

L.A. Lipskaya, A.V. Gurvich
Innovational politics in the sphere of higher education..... 90

K.A. Tukhvatulina
Cultural Policy in the sphere of theatrical art in 1917–1932 94

HISTORY

M.V. Grishkina
Survival ethics in the relationship of the Udmurt community with the authorities in XVIII – first half of XIX centuries 98

E.M. Yesikova
The opening and activities of the Bogodukhovskiy missionary camp in Orenburg Diocese (1901–1917) 103

L.V. Shubarina
Historiography of the problem study of the tank industry integration into the defense-industrial complex of the Ural in 1945–1965 107

SCIENCE

The 20th Anniversary of the Ural School of Political Science: Problems in the Times of the Crisis (shorthand record) 113

Is the innovative step in the development of Russia possible? 122

CRITICS AND REVIEWS

S.V. Lubichansky's monography review. Reparable vertical: the province reform in the reign of Nicholas II..... 125

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 323.2

В.К. ШРЕЙБЕР

Очень немногие концепты политико-правового характера употребляются столь же интенсивно, как понятие гражданского общества. Есть что-то тревожное и вместе с тем волнительное в словах «гражданин», «сограждане», «гражданственность». Скрытый в них эмоциональный заряд обнаруживает себя в самых разных ситуациях и контекстах и апелляция к нему позволяет выразить самые разные оттенки отношений от официального и отчужденного до высокой патетики. Это обилие ценностных коннотаций означает, что понятие гражданского общества связано с действительными потребностями современной жизни. Оно, иными словами, имеет некую прагматику и эмпирическую основу. Однако для практической эффективности оно должно быть подхвачено и развито наукой. Хорошая социальная теория обладает объяснительной силой: она открывает людям глаза, на что сегодня делается ставка и каковы перспективы для социального действия. Цель данной статьи – способствовать формированию этого понимания.

Я хотел бы, следуя лингвистической, если угодно, – позитивистской традиции, абстрагироваться от ценностного аспекта идеи гражданского общества и выделить её концептуальный план с тем, чтобы определить эпистемические возможности данного концепта применительно к современному состоянию российского общества. Статья имеет преимущественно методологическую направленность и её содержание будет организовано вокруг двух связанных проблемных центров: (1) смысл понятия гражданского общества и внутрироссийские причины его актуализации и (2) зависимость между гражданским обществом и социальным капиталом.

1. Ценностный и аналитический смысл «гражданского общества»

Несмотря на постоянные обращения к «гражданскому обществу» в *mass media* и научной литературе, в своем реальном содержании это словосочетание остается идеей, то есть *проблематичным понятием** [См.: 7, p.1095]. Недоумение вызывает уже само противопоставление гражданского общества и

государства. Ибо что такое понятие «гражданин», как не квалификация человека с точки зрения его принадлежности к государству? Как вообще может существовать гражданское общество вне государства? Тем не менее либеральная печать с завидным постоянством демонстрирует приверженность этой антитезе. Парафраз гражданского общества как сообщества граждан здесь мало что проясняет. Идея гражданского общества попала к нам с Запада, и, чтобы добиться ясности в этих вопросах, обратимся к тому, что американский сторонник критического реализма Артур Лавджой называл историей идей.

В европейскую традицию концепт гражданского общества вошел, по-видимому, в пору позднего Средневековья как латинский перевод аристотелевского термина *politike koinonia*, означавшего самоуправляющуюся общность сограждан, их сообщество. Аристотель подчеркивал личный дружеский характер взаимоотношений в рамках *koinonia*: «насколько люди объединены взаимоотношениями [в сообществе], настолько и дружбой, потому что и правом тоже [настолько]. Да и пословица «У друзей все общее» правильна, ибо дружба предполагает отношения общности» [1, с. 232]. Обратим внимание на взаимосвязь между сообществом и дружбой. Мыслитель определенно должен был помнить гераклитовское «раздор – царь всему». Он не мог не понимать, что человеческая общность реализуется не только посредством единства, но и через его отрицание. Ко временам империи Александра Македонского греческая история накопила массу свидетельств о непреходящем характере социальных, клановых и межличностных конфликтов. Тем не менее, Аристотель помещает *politika koinonia* в контекст отношений дружбы, то есть туда, где господствуют многообразие и взаимоподдержка, где есть единство нравственных представлений и установок. Опираясь на лексику нашего недавнего прошлого, можно сказать, что существенной чертой гражданского общества в интерпретации его Аристотелем является морально-политическое единство всех его членов.

* Как отмечает автор рецензии на книгу Джеффри Александера «Гражданская сфера», выпущенную в 2006 году издательством Кембриджского университета, отсутствие «правильного» понятия гражданского общества является недостатком всех пишущих на данную тему.

Таким образом, гражданское общество, как его понимал Аристотель, скрывало в себе известную двойственность. Оно отличалось от государства, поскольку складывалось из множества групп, формирующихся на основе различных потребностей и интересов и подчиняющихся групповым стандартам. Но, вместе с тем, оно существовало в рамках единого политического организма (как его меньшие части) и, стало быть, должно было руководствоваться некоторыми общими приоритетами. В этой двойственности признаков был заложён корень всех последующих разногласий в интерпретации гражданского общества. Он пошел в полный рост в Новое время, когда смысловые акценты в зависимости от социально-политической обстановки и авторских симпатий стали смещаться то к полюсу морально-политического единства общества, то к полюсу противостояния с государством.

Эти смысловые перипетии, прежде всего, интересны тем, что позволили раскрыться аналитическому потенциалу «гражданского общества». Не ставя задачей проследить всю цепочку изменений в его толкованиях и смыслах, ограничимся указанием на различия позиций Гоббса и Руссо. Гоббс, заложив своей идеей общественного договора фундамент для концептуального разграничения между обществом и государством, тем не менее не был склонен к их противопоставлению. Политическое государство, пишет Гоббс, это такое, которое основано на добровольном согласии людей подчиниться его власти в надежде, что оно сумеет их защитить против всех других [2, с. 197].

Государство, по Гоббсу, отнюдь не является стороной общественного договора: оно стоит выше тех молчаливых соглашений между индивидами, которым обязано своим появлением. Оно призвано обеспечивать единство общества и, следовательно, обладает абсолютным суверенитетом. Напротив, Руссо не только разводит смыслы слов «гражданин», «горожанин» и «подданный», но и ясно формулирует принцип приоритета гражданского общества: «поскольку суверен образуется лишь из частных лиц, у него нет и не может быть таких интересов, которые противоречили бы интересам этих лиц» [4, с. 210–211]. Если эти концептуальные различия попробовать перевести в современный политический план, то можно сказать,

что гоббистская логика определяла позицию Милашевича (и, пожалуй, нашу) в период противостояния Белграда и Приштины. Ситуация же, сложившаяся вокруг Абхазии и Южной Осетии, оценивается и интерпретируется нами скорее в духе концепции Руссо.

Разделив территориальный, политический и социальный аспекты существования общества, Руссо продвинулся на шаг вперед по сравнению с Аристотелем. Особенно же важно то, что Руссо связывает статус члена гражданского общества с собственностью. Тем самым он включил в содержание понятия гражданского общества экономические характеристики человеческих взаимоотношений. Соображения Руссо резко усложнили картину. А после того, как Гегель в «Философии права» структурировал гражданское общество и предложил систематизацию его институтов, понятие совершенно изменило свой смысл: из обозначения подсистемы общества оно превратилось в обозначение нового типа общества*. Маркс завершает то познавательное движение, которое было начато ценностно-нормативным истолкованием гражданского общества как такого, где нет монархов и подданных, а есть лишь граждане и нанимаемое ими правительство.

К началу двадцатого века понятие гражданского общества утрачивает свою аналитическую и нормативную значимость и тихо отправляется на покой, лишь изредка вызывая искры любопытства у историков.

Этому способствовали два обстоятельства. Во второй половине девятнадцатого столетия шел очень интенсивный процесс формирования специальных социальных и гуманитарных дисциплин: политической экономии, которая достигла теоретической зрелости даже чуть раньше, антропологии, социальной статистики, психологии и т.п. Возникла нужда в концептах, более узких, предметно ограниченных, но зато легче поддающихся проверке и опровержению, нежели социально-философские категории, смысл которых меняется не только от школы к школе, но и от мыслителя к мыслителю. Эту нужду по-своему отобразила и абсолютизировала позитивистская философия.

Другое обстоятельство имело не гносеологическую, а скорее онтологическую природу. И оно состояло в неуклонном усилении роли

* У Гегеля стремление превратить «гражданское общество» в аналитический концепт просматривается достаточно явно. Идея гражданского общества должна была дополнить постфеодальный образ социума нравственным измерением и, кроме того, укоренить это измерение в общей логике бытия. Ни Кант, ни его предшественники с этой задачей, на взгляд Гегеля, не справились. «Сверхчувственный мир есть лишь бегство из чувственного», – так он оценивает результаты усилий Канта. Другой недостаток прежних учений состоял, по Гегелю, в неумении показать органический характер связи между правовым и моральным аспектами гражданского общества.

государства в социальной и экономической сфере. Создание социальных служб, развитие государственной системы образования и здравоохранения, мероприятия по регулированию рынка, создание государственного сектора экономики – все это обеспечивало рост жизнеспособности западных обществ, но совершенно не отвечало тому идеалу государства как ночного сторожа, который был логическим королларием идеи гражданского общества.

Тот всплеск интереса к понятию гражданского общества, который в девяностые годы произошел у нас, имел под собой, думаю, основания главным образом идеологического толка. Этот момент отмечался неоднократно*. Но идеология идеологией, а, как исследователи, мы обязаны либо отыскать в понятии гражданского общества рациональное зерно, либо показать, что в силу таких-то и таких-то причин оно является риторической фигурой и начисто лишено сегодня какого-либо познавательного содержания. Итак, как нам следует относиться к данному концепту? Как к политической метафоре, журналистской находке или как к аналитической форме? Что мы будем понимать под гражданским обществом применительно к нашей постсоветской жизненной ситуации?

Прежде всего, нам следует отказаться от отождествления гражданского и буржуазного общества. И вовсе не потому, что буржуазное общество кануло в Лету. Оно есть реальность и реальность нашего дня, хотя далеко не во всем совпадающая с тем обществом, в котором жили Маркс и Ленин. Просто в качестве обозначения типа общества понятие буржуазного общества точнее. Вместе с этим, полагаю, есть смысл отказаться и от интерпретации гражданского общества в терминах отношений, так как эта перспектива вводит нас в экономическую область, где современная наука наработала достаточно развитый концептуальный аппарат и возврат к классической метафизике едва ли даст прирост знания. Вместо реляционного языка продуктивнее использовать субъектный язык, то есть интерпретировать гражданское общество как совокупность социальных субъектов в отличие от государства как субъекта политического. На философском факультете МГУ, насколько я знаю, такой подход развивает Карен Момджян, и он представляется продуктивным, поскольку позволяет сохранить за понятием гражданского общества специфическое познавательное содержание.

2. Гражданское общество и социальный капитал

Пока я не буду касаться вопроса о составе и способах институционализации гражданского общества, но обращу внимание на одну из его характеристик. Все исследователи отмечают, что в группах, входящих в состав гражданского общества, превалирует практика служения и сотрудничества и их члены руководствуются мотивами терпимости и заботы о благополучии и безопасности других членов объединения [См.: 8, pp. 206–207]. Главная функция гражданского общества усматривается в укреплении нравственных связей между индивидами, в выработке установки на лояльность друг к другу независимо от классовых, конфессиональных, расовых и прочих принадлежностей. Такая установка нередко оценивается как выражение наивности и простодушия. Эта оценка ошибочна; она игнорирует тот – зафиксированный еще в «Племяннике Рамо» – момент, что в противном случае этика достижения превращается в оправдание аморализма.

Соответственно, ключевой характеристикой гражданского общества становится то, что в современной литературе получило название *социального капитала*. Этим понятием широко пользуются в американской социологии, – однако сегодня оно начинает завоевывать права гражданства и у нас [5, с. 5–24]. Социальный капитал – это показатель *качества социальных связей* (П. Шихирев), и под социальным капиталом понимают *многообразие и частоту участия индивидов в ассоциациях гражданского неформального типа*. Другим важным для характеристики социального капитала показателем является *доверие*, то есть вера участников социальных взаимодействий в то, что возникающие в сетевых контактах обязательства будут выполнены без применения санкций. Государству при этом отводится роль фона социальных взаимодействий, и акцент делается на их нравственной стороне. Именно эта сторона, согласно нынешним представлениям, обеспечивает социальную устойчивость. Другими словами, гражданское общество является ведущей стороной взаимодействия между индивидами и государством: оно обуславливает структуру и функции государства. Гегель мыслил ситуацию несколько иначе. По Гегелю, гражданское общество «снимается» государством. Государство для Гегеля – не «фон» гражданских взаимодействий, а их синтез, высшее единство.

* Глобализация современной истории проявилась в том, что феномен гражданского общества стал активно обсуждаться на Среднем Востоке и – сейчас – в Китае. В начале 90-х интерес к нему вновь проснулся и на Западе, где с легкой руки Роберта Пантэма он принял форму вопроса, а нельзя ли сделать демократию еще более демократичной.

Чтобы надежно обеспечивать устойчивость социальной структуры и эффективно противостоять этике достижения, социальный капитал должен быть позитивным. Для российской политической науки здесь есть ряд проблем. Первая из них состоит в идеологической стерильности нашего нынешнего общества.

У Ортеги-и-Гассета есть блестящее описание духовного кризиса. Кризисная эпоха, пишет Ортега, это вовсе не время отсутствия идей. Как раз наоборот, идей появляется такое изобилие, что голова идет кругом, и человек не знает, какие из этих идей являются его собственными. Конечно, он знает, что идея его квартиры и его машины это хорошие идеи, его идеи. К этому он может прибавить ценности любви, семьи (и то уже не для всех), возможность повидать мир. А дальше что? Дальше клубятся какие-то отвлеченности, что-то такое туманное и, скорее всего, враждебное. Вот это и есть духовный кризис. Духовный кризис – это кризис человеческой идентичности. Признать те или иные отвлеченности в качестве своих и установить ясные порядки их значимостей – это и значит преодолеть кризис, обрести свою идентичность, понять, кто есть Я.

Человеческое «Я» тысячами нитей связано с другими «Я», и не только близкими, но и с дальними. Мы в наших куцах лекционных курсах даем, в лучшем случае, более или менее подробное перечисление этих связей, их выборочную коллекцию. Логически связанная и субординированная система человеческих значимостей есть нечто иное, как идеология. Отсутствие такой государственной идеологии как раз и создает предпосылку для превращения страны в «территорию свободной охоты». Одним из следствий такого положения дел явился массовый выход на политическую арену «силовики». По расчетам О. Крыштановской, доля военных и представителей спецслужб во властных структурах к 2003 г. поднялась почти до 30% по сравнению с 11,2% в 1993 [3]. Но оценивать эти данные надо очень осторожно. Ибо обнаруженная тенденция – не недостаток нашей политической ситуации, а её выражение. Дело не в том, что кто-то припоздал в дележке общенационального пирога. Или, точнее, не только в том. В условиях слабости и размытости гражданского общества государство остается реальностью, ради которой можно жить и притом чувствовать себя порядочным человеком.

Другая – не менее важная для укрепления гражданского общества проблема – это соотношение национального и общечеловеческого. Ещё на заре перестройки М.С. Горбачев трансформировал принцип пролетарского

интернационализма в принцип торжества общечеловеческих начал. Этот поворот сопровождался переосмыслением исторической роли классового и национального факторов. В ход пошли рассуждения о правах человека, нашей принадлежности к европейской цивилизации, свободе личности, общечеловеческих ценностях и т.п. Но проблема осталась и она нас допекает как изнутри (была Чечня, теперь эта зараза расползлась на соседние республики), так и снаружи. Принцип безусловного приоритета фундаментальных прав как универсального антропологического начала определенно требует конкретизации.

Если универсальным языком земной цивилизации станет, скажем, английский, то всем, кто им не владеет, придется играть в этом глобализованном мире только вторые роли. Билингвизм становится насущной потребностью культурного, экономического и всякого прочего развития общества, если оно хочет сохранить свою идентичность. Но мы до сих пор не пускаем англоязычную речь на телевизионные каналы. При этом пребываем в наивном убеждении, что поскольку наш язык – самый богатый флексиями, совершенный по синтаксису и т.п., наши бывшие сограждане из ближнего зарубежья по-прежнему будут трудиться над усвоением богатства флексий и совершенств синтаксиса языка русского.

Усилиями звезд нашего балета, других деятелей российской культуры и менеджмента РАО «ЕЭС России», а также «Газпрома», нам, возможно, удастся рассеять почву для русофобских настроений у наших соседей. Но как сохранить нашу территорию и наши природные богатства? С точки зрения приоритета общечеловеческих стандартов и ценностей национальный статус наших территорий и природных богатств легко может превратиться в проблематичный. Когда на всю Сибирь приходится около 10 миллионов жителей, а более 120 миллионов китайцев живут в трех приграничных провинциях Северного Китая, обосновать справедливость такого положения дел путем апелляции к естественным правам не так-то просто. И ведь местная печать показывает, – идет ползучая эмиграция. Как строить отношения между общечеловеческими ценностями и нашими национальными интересами в контексте приоритета индивидуальных человеческих прав, сокращения нашего экономического и военного потенциала и формирования на наших границах новой мировой сверхдержавы? Тут у нас сохраняются, на мой взгляд, серьезные теоретические пробелы.

Третья проблема, без решения которой у нас не будет гражданского общества, связана с определением современного статуса и перспектив учения о классах.

Когда-то с высокими академических трибун было заявлено, что марксисты переоценили историческую значимость классовой борьбы, что не меньшую роль в истории играет классовый консенсус и вековые традиции взаимопомощи. Мы все это усвоили и о классах забыли. Говорим и пишем о них в Past Perfect. Но социальные и имущественные различия между теми десятью процентами, которые находятся наверху общества, и теми, кто составляет десять процентов социального низа, – эти различия у нас одни из самых высоких в мире. Несколько лет назад тогдашний президент двинул свои рати на борьбу с бедностью. После года борьбы разрыв только увеличился. Приведу последние оценки нынешнего уровня социально-экономического неравенства российского населения, даваемые нашими ведущими социологами. В руках 15% россиян, отмечают О. Шкаратан, И. Иванов и С. Иняевский, аккумулировано примерно 85% всех сбережений в банковской системе, 54% денежных доходов, 92% доходов от собственности и на их долю приходится 96% расходов на покупку валюты [6, с. 29]. Но главное, говорят они, даже не цифры, а вовлечение наших соотечественников в культуру бедности. Чувство безнадежности, апатия, суженное воспроизводство потребностей – типичные черты представителей социального дна. У нас они наблюдаются у значительной части населения. Этот тренд, не отмеченный ни у соседей, ни в прошлых десятилетиях нашей истории, не может позитивно влиять ни на сплоченность людей, ни на общественный порядок. И он существует независимо от негативных явлений, порождаемых спадом производства и мировым финансовым кризисом.

Но в чем причины возникновения этого тренда? Является ли он результатом недоработок в организационно-идеологической области? Или за ним стоят объективные обстоятельства и отношения? Если это следствие неправильных решений,

то почему мы не знаем тех, кто принимал эти решения? Если тренд объективен, то чем он отличается от различий классовых? Что такое, наконец, так называемый «средний класс»? По каким параметрам его выделять? По размеру доходов? Но еще Ленин отмечал, что по этому показателю квалифицированные рабочие начала прошлого столетия стояли на социальной лестнице выше, чем мелкие буржуа. По содержанию труда? По отношению к собственности? Но ведь те, кого называют бюджетниками, по определению не могут быть собственниками. Источник их дохода – не имущество, а их ум, их квалификация и их руки. Значит ли это, что они не входят в состав среднего класса? Мне не удалось найти в литературе четкого и ясного ответа на этот вопрос. Понятие среднего класса пока остается журналистской метафорой.

Появилась новая социальная фигура – средний и мелкий предприниматель. Но и всякого рода стюардессы тоже прибавилось. Как свидетельствует пресса, по этому показателю нынешняя Российская федерация обошла Советский Союз периода перестройки. Если отбросить ситуации, когда чиновник лоббирует интересы той или иной компании, являясь её соучредителем, совладельцем и т.п. (что вроде бы запрещено законом), то в основе экономических (деловых) отношений чиновника и бизнесмена лежит конфликт интересов. Бизнесмен заинтересован в упрощении – и даже ликвидации административных барьеров при открытии нового дела, чиновник заинтересован в их конструировании и воспроизводстве. Значит, это разные социальные группы. Но какие? И насколько они разные? Каков их социальный статус? У специалистов в области «публич рилейшенс» накопилось множество данных, но они не знают, что они значат. Мы должны понять, по каким основаниям строятся сегодняшние социальные субъекты, и, сообразуясь с этими основаниями, конструировать социокультурные механизмы, способствующие укреплению доверия между ними. Без этого условия наш социальный капитал, скорее всего, останется отрицательным.

1. Аристотель. Никомахова этика, 1159b30 // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., «Мысль». 1984.

2. Гоббс Т. Соч. в 2-х томах. Т.2. М. «Мысль». 1965.

3. Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 4.

4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М. «Канон-пресс-ц». 2000.

5. Социальный капитал как научная категория. «Круглый стол» ученых. // Общественные науки и современность. 2004. № 4. В этом же номере см. статьи Н.Е. Тихонова и А.В. Транковой.

6. Шкаратан О.И., Иванов И.М., Иняевский С.А. Анализ социально-экономического неравенства россиян // Общественные науки и современность. 2005. № 6.

7. Cook M. Civil society. An incomplete (able) project // Philosophy & social criticism. 2008, vol. 34, no. 9, p. 1095–1102.

8. Persel C.H., Green A., Gurevich L. Civil society, economic distress and social tolerance // Sociological Forum. Vol. 16, no 2, 2001.

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: НОРМАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ Ю. ХАБЕРМАСА

УДК 32.001:316.286

А.В. СЕМЕНОВ

Современность ставит перед социальной наукой двойную задачу: с одной стороны, усложняющийся научный аппарат делает не вполне релевантными некоторые обобщения, термины и концепции, с другой, — усложняющаяся и динамичная социальная реальность зачастую сильно меняет референтный план научного дискурса таким образом, что трудно уследить, что из предметной области социальной науки уже исчезло, что изменилось, а что осталось прежним. И если практический разум способен справиться с подобного рода непроясненностью и двусмысленностью, то научная теория требует ясной и точной аргументации, которая, как показывает развитие самой социальной науки и социальной реальности, в полной мере невозможна, но присутствует в качестве «горизонта», легитимирующего претензии социальных наук на значимость и истину. В таком случае остается один способ удержаться в рамках научной рациональности: постоянно удостоверять и переосмысливать значение устоявшихся теорий и терминов, проверяя, насколько они релевантны как состоянию дискурса, так и действительности (которую научный дискурс во многом создает). Для плодотворного научного анализа необходимо задаивать как эмпирические исследования, показывающие и проверяющие наличие или отсутствие, состояние определенных социальных феноменов, так и само поле производства научных теорий: включение/исключение определенных терминов, идей и концепций.

Концепт «гражданское общество» как часть дискурса политических и социальных наук в России оказался в парадоксальной ситуации: с одной стороны, он в достаточной мере востребован как научным сообществом, так и отдельными политическими акторами (государством, использующим этот термин для официального наименования определенных организаций и институтов, призванных выступать «от имени» гражданского общества, например, Общественная палата, оппозицией, подразумевающей под этим термином «несогласных» с политикой правящего класса). С другой стороны, чем больше исследований проводится по этой теме, тем в большей

степени подчеркивается, что гражданское общество в России исчезает, что имплицитно предполагает его наличие до определенного периода. Примечателен тот факт, что идея слабости гражданского общества повторяется в разные периоды постсоветской истории России: начиная с середины 90-х гг. прошлого века, в «путинский период», равно как и в недавних публикациях и отчетах отечественных и зарубежных исследователей. Международные организации «Human Rights Watch», «Freedom House», «Amnesty International», «Transparency International», «Reporters Without Borders», равно как и российские независимые исследовательские и аналитические центры, отмечают продолжающееся снижение гражданской и политической активности в России, ухудшение ситуации в области защиты прав человека, свободы слова, борьбы с коррупцией и т.д. Однако даже эти факты и цифры не позволяют сделать вывод об отсутствии гражданского общества в России: фундаментальное исследование Н.Беляевой и Л.Проскуряковой в рамках проекта «Алмаз гражданского общества» показывает, что, несмотря на неблагоприятную среду, слабую структуру и невысокую степень воздействия, гражданское общество, тем не менее, остается важным проводником гражданских ценностей [1]. Более того, в отчете Общественной палаты РФ за 2007 год отмечается, что «голос общественности стал слышен в России» [4], а гражданское общество в целом развивается. Нам важно зафиксировать, что разность научного и официального дискурсов, в равной степени апеллирующих к «реальности» гражданского общества на основе эмпирических исследований, является борьбой за границы понятия «гражданское общество»: научное сообщество пытается дать нормативные определения и доказать, что это понятие не вполне применимо к российской реальности, власть пытается доказать обратное, создавая разного рода подконтрольные или просто лояльные к ней структуры с обязательными приставками «гражданский» или «общественный».

В этой связи неизбежны дискуссии по поводу легитимных границ понятия «граждан-

ское общество». В российской политической науке исследователи включают в оборот все больше разнообразных объяснительных моделей, например, «новые институционалисты» (А.Хлопин, С.Патрушев) используют идею реципрокности, социологи вслед за Р.Патнэмом и А.Селигманом исследуют феномен доверия и солидарности как ключевые элементы «социального капитала», необходимого для развития гражданского общества [5, 6]. Нам бы хотелось, в свою очередь, обратить внимание на феномен «публичной сферы», до сих пор находящийся скорее на периферии российского политологического дискурса [7], тогда как многие современные исследования, посвященные проблемам публичной политики, развития масс-медиа, гражданского участия и контроля, делиберативной и прямой демократии активно используют этот концепт.

В российской политической науке до сих пор не введены в оборот основополагающие труды по данной проблеме, в первую очередь, «Структурная трансформация публичной сферы» Ю.Хабермаса, вышедший в 1962 году (на английский, впрочем, был переведен лишь в 1989 году). Данный текст до сих пор не получил сколь-либо широкого цитирования даже по сравнению с другими непереуверенными текстами Ю.Хабермаса. Рецепция теории Ю.Хабермаса, имеющей статус «нормативной», в российской политологии произошла вместе с рядом других конкурирующих теорий (например, теорией множественности публичных сфер Ш. Эйзенштадта). Последовательное обращение к данной концепции мы находим у В.Волкова в диссертации «Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи», а также в его статье «Общественность: забытая практика гражданского общества» [2, 3]. Также темой «публичной сферы» занимаются Ю.Красин, О.Малинова, В.Якимец. Ряд статей сборника «Публичное пространство, гражданское общество и власть», выпущенного РАПН, касается темы публичной сферы, так что нельзя сказать, что эта тема совсем не циркулирует в научном дискурсе. Однако последовательной реконструкции понятия (не только в связи с Ю.Хабермасом, но и в связи с другими исследователями «публичного», например, Д.Дьюи или Ч.Миллсом) пока не произошло. Таким образом, концепт «публичной сферы» нуждается в последовательном введении в научный оборот, осмыслении традиций его применения и обширной дискуссии по поводу релевантности концепта специфике российской действительности и научного дискурса.

Кроме того, необходимо выяснить, каким образом теория «публичной сферы» может помочь в изучении гражданского общества.

«Структурная трансформация публичной сферы» – первая в ряду основных работ Ю.Хабермаса, позволившая ему получить звание профессора. Работа была написана в духе характерного для «критической теории» Франкфуртского института социальных исследований анализа перехода от раннего либерального рыночного капитализма к организованному капитализму XX века с его доминантами государственных бюрократий и монополий. Ю.Хабермас выделит три источника своего исследовательского интереса к теме публичной сферы. Во-первых, это проблема коммуникации и понимания: на каких основаниях и в каком режиме должно строиться общение между различными индивидами, погруженными в свои «жизненные миры», чтобы достигнуть понимания друг друга? Во-вторых, это интересующая природу значений, а значит – и всей социальной реальности. Конструирование смысла – это результат не только работы субъективности, но и целого ряда социальных институтов, равно как и прочих субъективностей, использующих общий («common») и разделяемый («shared») запасы знания. Наконец, это интерес к демократии как такового рода режиму отношений, который позволяет сохранять свой собственный «жизненный мир» без дезинтеграции социетального порядка. Именно в разрезе этих проблем, имеющих отношение как к теории, так и к практике, возникает понятие публичной сферы как сферы «разумного коммуникативного обмена аргументами и мнениями», цель которого как в достижении согласия по определенной проблеме, так и в прояснении значимых различий [12].

В энциклопедической статье, посвященной этому феномену, Ю.Хабермас так определяет это понятие: «Под публичной сферой в первую очередь подразумевается область нашей социальной жизни, где нечто похожее на общественное (public) мнение может быть сформировано. Публичная сфера начинает появляться в любом разговоре, в котором частные лица собираются, чтобы сформировать публичную группу (public body). <...> Граждане ведут себя как «публичные группы», если они взаимодействуют без какого-либо давления по вопросам общего (касающегося всех) характера с соблюдением гарантий свободы собраний и образования союзов, свободы слова и самовыражения» [10, с.49]. Обращает на себя внимание факт трудно-

сти перевода термина «public», имеющего в русском языке эквиваленты «общественный» (подобно «общественным благам» – «public goods» или «общественное мнение – «public opinion») и «публичный» (подобно «публичной политике» – «public policy»). Немецкий термин Öffentlichkeit тоже отсылает к традиции перевода «общественный», «общественность». В то же время устоявшийся перевод этого термина (через английский язык) как «публичной сферы», позволяет отделить некоторые негативные коннотации, присущие термину «общественность», которая может быть не публичной и не всегда быть озабоченной «общими вопросами», как в случае с «официальной общественностью», имевшей место в советской культуре и определенным образом возрождающейся сейчас.

Ю.Хабермас, основываясь на обширном междисциплинарном анализе, настаивает, что публичная сфера – уникальный историко-социальный феномен, корни которого в европейских преобразованиях XVII–XVIII вв. Несмотря на то, что концептуально публичная сфера имеет отношение к древнегреческому разделению на приватное и публичное, где приватное – это oikos, экономика, домохозяйство, а публичное пространство начиналось с собрания свободных граждан по обсуждению общих (koine) вопросов, и гражданин, постольку поскольку он таковым являлся, обязан был вести «публичную» жизнь, таким образом, обсуждать проблемы полиса (lexis) и участвовать в совместных действиях (praxis), «публичная сфера» стала складываться лишь с конца XVII века (в Англии, затем во Франции и Германии), окончательно конституировавшись в XIX веке. В Средние века «приватное» относится ко всему «частичному», «конкретному», в то время как «публичное» обозначает феодальную власть; каждый феодал «представляет» публичной высшую власть так, как монарх представляет власть бога. Домодерная, феодальная публичная сфера была связана, таким образом, с существованием конкретного правителя или его представителей без каких-либо отсылок к «публике», «народу», «гражданам».

Разрыв с традиционным разделением частное/ публичное происходит в XVIII веке. Феодальная власть (церковь, феодалы, монарх) дезинтегрируется: Реформация и религиозные войны приводят к появлению первых свобод – свободы выбора религии в первую очередь, которая становится основой приватной автономии. Религия становится «частным делом» каждого индивида и отделяется от

государства. В связи с новыми экономическими отношениями под давлением «налогоплательщиков» публичный бюджет монархий отделяется от доходов от земель правителя. Нобилитет трансформируется в «публичную власть» – парламенты и легислатуры, суды. Наконец, городские жители – наемные рабочие, профессионалы, иные сословия – образуют «буржуазное общество», которое в качестве области приватного противопоставляет себя государству.

В результате это приводит к появлению большого количества самоуправляемых автономных сообществ, которые организуются в клубы, масонские ложи, литературные собрания и т.д., выступают медиаторами между частными интересами индивидов и требованиями общественной, публичной жизни. Такого рода «виртуальное сообщество» конституируется в «республики писателей/ ученых» с соответствующей инфраструктурой газет, журналов, книг, индустрии издательского дела, кроме того, развиваются институты политической публичной сферы (помимо парламентов) – политические клубы, публичные собрания, «кофе-хаусы» и другие общественные места, где можно было разговаривать на общественно-политические темы. Конституируется новый субъект публичной сферы – буржуазная публика: «частные лица, собранные вместе как публика» перед лицом общих интересов и текстов. Буржуазия становится родоначальником и носителем «общественного мнения» – новой социальной и политической силы, наряду с экономикой и государственной властью, кроме того, буржуазия является социальным фундаментом возникающего «гражданского общества», гражданство в котором основано совсем на иных принципах, нежели в древнегреческом полисе. Таким образом, «буржуазная публичная сфера» осуществляла формирование сферы общественного мнения, противопоставленного государственной власти и интересам могущественных групп, которые оформляли буржуазное общество», а сам концепт публичной сферы описывал пространство институтов и практик между частными интересами повседневной жизни гражданского общества и сферой государственной власти. Таким образом, изменилось представление и об официальной власти и самовосприятие отдельных групп населения, составлявших буржуазное общество (как правило, в него входили представители образованных и предпринимательских кругов, т.е. существовало два ценза – образование и собственность, «народ» исключался из такого

общества). Социальное стало пониматься как область частного, ставящее в публичном (открытом) режиме насущные вопросы граждан перед официальной властью, которая больше не представляла монархов, но – самих граждан.

К началу XIX века, таким образом, окончательно оформилась модель либеральной буржуазной публичной сферы, окончательно утвердилась трактовка индивидов (точнее, «граждан», т.е. буржуазии), как частных лиц, при этом частное отныне означает свободу распоряжаться собственностью, которая служит незыблемой гарантией частной жизни. Для раннебуржуазного либерального общества характерно представление об индивиде как основе собственного благополучия, справедливости и свободе, о рынке, как о среде, где эти способности могут проявиться в полной мере в ненасильственном и взаимовыгодном ключе. Чего требовала буржуазия, так это ограничения вмешательства государства, точнее, новых принципов, которые бы позволили ограничить эту власть, так как власть, не ограниченная ничем, непредсказуема, а значит – нерациональна. Приватное – это то, на что официальная власть никогда не посягнет. Эти требования предъявлялись в открытом – «публичном» – режиме. При этом трактовка «частного» не как «эгоистичного», но как принципа контроля собственной жизни, гарантировала универсальный характер требований и интеграцию публичной сферы буржуазного общества. Так устанавливается связь между «общественным мнением» и законами, публичная сфера призвана трансформировать политические требования в «разумные», что, наряду с требованиями универсальности применения и объективности, приводит к распространению концепции правового статуса гражданина на все более широкие слои населения.

Изначально интегрированная за счет единства своего субъекта – буржуазного общества – в результате последовательного развития идей либерализма, публичная сфера, начиная с середины XIX века, переживает период своего распада. Это связано со следующими процессами: буржуазия превращается в правящий класс, потому ей больше нет необходимости постоянно поддерживать критическое общественное мнение; «публичное тело» буржуазии как класса дезинтегрируется по причине потери стандартов высокого образования; государство «социализуется», интересы граждан отождествляются с интересами государства; общество, в свою очередь, огосударвляется, ибо многие проблемы

оказались неразрешимыми в рамках частной сферы, что потребовало интервенции со стороны государственного аппарата. Вместе с расширением государственных полномочий из частной сферы в публичную (которая до того была сферой консенсуса) привносятся конфликты, таким образом, она перестает быть ареной разумного обсуждения, но – ареной столкновения групповых интересов вплоть до насилия. Государственная интервенция в частную жизнь заключается в регулировании рынка труда, заботе об общественной безопасности, схематизации и стандартизации контрактов. Появление новых экономических агентов – больших предприятий, в том числе, с государственным капиталом, приводит к появлению новых, невидимых «публике» центров власти. Отныне «публичной сфере отводятся «рекламные» функции. Чем больше она используется как машина для политической и экономической пропаганды, тем более она деполитизируется в целом и становится псевдоприватной» [11, с. 175]. Публичная сфера отныне не расширение сферы частного ради обсуждения общественно значимых проблем, но элемент государственного управления и один из способов легитимации существующего правящего класса. «Государство всеобщего благосостояния» или организованный капитализм вместо публичной сферы, таким образом, используют «корпоративные медиа» и «связи с общественностью», которые являются частью экономической и государственной властей, но никак не продолжением социального, потому не могут расцениваться как «политическое». Как заключает один из современных исследователей публичной сферы П.Разерфорд: «Публичная сфера остается местом производства общественного мнения, которое уже оформлено в исследованиях и опросах, до определенной степени предполагающие это мнение путем постановки одних вопросов и игнорирования других. В ситуации исключения благ и рисков, конкурирующих за внимание публики, эта сфера остается противоречивой» [8, с. 274]. В этих условиях необходимо «возвести демократическую дамбу в противовес колонизирующему расширению системных императивов на сферы жизненного мира» [11, с. 444].

Концепция Ю.Хабермаса вызвала оживленную критику как историко-социологического, так и концептуального плана. Не претендую на подробный разбор, отмечим лишь основные направления: идеализация раннебуржуазной либеральной бюрократии и преувеличение роли консенсуса в политике;

невнимание к «множественности публик» и особенно к исключенным из публичной сферы акторам (женщинам, неимущим и пр.), что вызвало появление концепта «контрпублика»; жесткое противопоставление «системы» и «жизненного мира». В то же время концепция «публичной сферы» может быть полезной в изучении процессов становления гражданского общества и демократии. Во-первых, это выявление зависимости между формированием публичной сферы как отличной от приватной жизни в результате разделения социальное/политическое, что косвенно связано с идеями плюралистической демократии: наличие множественности центров власти и возможности диалога между ними должно стать основой процесса демократизации (в подобной манере рассуждают Р. Даль, Э. Арато, Д. Козн, Ч.Тилли и др.). Способности общества к демократизации имеют непосредственное отношение к структурному различению приватное/публичное, в более широком смысле — к наличию такового и в конкретной границе между этими сферами. Слишком широкая сфера приватного ставит под угрозу гражданские и республиканские добродетели, лежащие в основе солидарности, взаимности и прочих ценностей, интегрирующих общество, слишком широкая сфера публичного может обернуться дикта-

турой большинства, подрывом автономии и инициативы частного человека. Во-вторых, нормативная теория публичной сферы предполагает шкалу, по которой публичная сфера может быть оценена: универсальный доступ к ней, открытость; автономия от государства и рынка; отрицание иерархии в коммуникации в пользу рациональной аргументации; верховенства права как инстанции арбитража. В-третьих, Ю.Хабермас указывает, что ответственность за воплощение циркулирующих в публичной сфере мнений должна базироваться на демократических политических институтах, а не на самом дискурсе, что указывает на необходимость дальнейших исследований связи институционального порядка и легитимных процедур обсуждения. Наконец, Ю.Хабермас отмечает, что множественность «публик» — неотъемлемый атрибут публичной сферы, то есть, различия мнений составляют ее сущность, таким образом, одной конституционной защиты публичной сферы недостаточно, необходимы традиции, культура рациональной дискуссии, паттерны социализации, исключают, например, экстремизм и иные «насильственные» дискурсы. Обозначенные моменты задают новое направление в исследовании гражданского общества, фактически предполагая его реконструкцию, а значит — изобретение заново.

1. Беляева Н., Проскурякова Л. Алмаз гражданского общества. Индекс гражданского общества CIVICUS — краткий инструмент оценки в Российской Федерации. М.: Международный общественный фонд «Интерлигал», 2008.
2. Волков В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи. Дис. канд. социол. наук. М. РГБ, 1995.
3. Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Осень, С. 77–91.
4. Доклад Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2007».
5. Заболотная Г.М. Публичное пространство, гражданское общество и власть / Редкол.: А.Ю.Сунгуров (отв. ред.) и др. М.: Российская Ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 44 — 55.
6. Институциональная политология / Под ред. С.В.Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.
7. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Политические исследования. 2007. №1. С. 6–21.
8. Rutherford P. The Endless Propaganda: The Advertising of Public Goods. Toronto: University of Toronto Press, 2000.
9. Habermas J. The Public Sphere: An Encyclopedia Article // New German Critique. №3. 1974. pp. 49–55.
10. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge: The MIT-press, 1991.
11. Habermas J. Further Reflection on the Public Sphere // Calhoun C. (ed.) Habermas and the Public Sphere. Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992.
12. Habermas J. Public Space and Political Public Sphere — The Biographical Roots of Two Motifs in My Thought (Commemorative lecture, Kyoto 11/11/2004) // [online access 12.02.2008] www.homepage.mac.com/gedavis/JH/Kyoto_lecture_Nov_2004.pdf

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ: КОМПЬЮТЕРЫ И ИНТЕРНЕТ В ДИСКУРСЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 363.637

А.Д. ТРАХТЕНБЕРГ

Как пользователи вписывают компьютеры и Интернет в социальный контекст? Какие конструкты они применяют с этой целью? Статья подготовлена по итогам серии фокус-групп, проведенных в г. Екатеринбурге (грант РФНФ № 08-03-83307а/У).

Происходящая в настоящее время в России информационная революция привела к массовому распространению новых коммуникационных технологий: сотовой связи, компьютеров и Интернета. Если количественные аспекты данных процессов постоянно изучаются, так что существует достаточно полная и подробная информация о том, как колеблется по социально-демографическим группам уровень проникновения сотовой связи, число персональных компьютеров на 100 домохозяйств и доля пользователей Интернета, выходящих в сеть не реже одного раза в неделю, то качественные аспекты освоения этих технологических устройств исследованы сравнительно слабо.

С целью в какой-то мере заполнить данный пробел в г. Екатеринбурге в июле 2008 г. была проведена серия из трех фокус-групп (объем каждой фокус-группы – 10 человек), направленная на изучение того, как пользователи вписывают компьютеры и Интернет в социальный контекст. Участники фокус-групп различались по степени освоения информационных технологий:

– фокус-группа № 1 с участием молодых жителей г. Екатеринбурга, постоянно пользующихся компьютером и Интернетом, или «информационно богатых» по принятой социологической классификации (возраст от 20 до 35 лет, высшее образование, уровень доходов средний и выше среднего). Все участники фокус-группы № 1 имели дома компьютер, подключенный к Интернету, а также пользовались Интернетом и компьютером в течение рабочего дня.

– Фокус-группа № 2 с участием жителей г. Екатеринбурга среднего возраста, имею-

щими навыки пользования компьютером и Интернетом, но не пользующимися ими постоянно (возраст от 35 до 55 лет, образование высшее или среднее специальное, уровень доходов средний). Все участники фокус-группы имели доступ к компьютеру и Интернету на рабочем месте, а также имели домашний компьютер.

– Фокус-группа № 3 с участием пожилых жителей г. Екатеринбурга, как имеющих, так и не имеющих навыков пользования компьютером и Интернетом, но осведомленных о существовании этих технологий, или «информационно бедных» по принятой социологической классификации (возраст старше 55 лет, образование высшее или среднее специальное, уровень доходов средний и ниже среднего). Только 2 участницы фокус-группы (пенсионерки, преподающие в средней школе) имели компьютер на рабочем месте и устойчивые, хотя и ограниченные навыки пользования им. Остальные либо вообще не умели пользоваться компьютером, либо делали это спорадически только в присутствии младших членов семьи.

Сразу же отметим радикальное несоответствие конструктов обыденного сознания с элитарным дискурсом «информационного общества», активно используемым в академических исследованиях и государственных программах внедрения ИКТ. Вне зависимости от уровня освоения информационно-коммуникационными технологиями участники фокус-групп серии испытывали явные затруднения при попытках определить «информационное общество» и были склонны рассматривать его как объединение специалистов – «компьютерщиков» или «клуб любителей информации».

Если, отвечая на вопрос об «информационном обществе», участники фокус-групп пытались освоить чуждый им дискурсивный конструкт, то при ответах на вопрос о том, как изменилась их жизнь после появления

компьютеров и Интернета, они говорили своим языком. Какие же изменения были ими зафиксированы?

«Информационно богатые» выделили две основные группы изменений: изменения в трудовой деятельности и изменения в межличностном общении. При этом изменения, связанные с межличностным общением, интелесовали их гораздо больше и они обсуждали их подробно и всесторонне (что составило резкий контраст с мучительными попытками определить, что такое «информационное общество»).

Участники фокус-группы № 1 с самого начала проблематизировали ситуацию межличностного общения с использованием информационно-коммуникационных технологий: они обсуждали в фокус-группе, в чем именно состоят преимущества и недостатки такого общения по сравнению с непосредственным межличностным общением.

Главным достоинством технологически опосредованного межличностного общения (с использованием ISQ) участники фокус-группы, как и следует ожидать, считают его оперативность и способность «уничтожать пространство»:

– И общение – не было бы «айсикью», я бы не писала подруге: «Привет, как дела?», а позвонила бы. Но зато я в курсе всех дел, потому что за один раз все не расскажешь, не спланируешь, а тут постоянно в курсе дел, постоянно контакт происходит.

– Объективно есть вещи, которые недоступны были ранее. Вот у меня друг сейчас в Германии, и каждый вечер списываешься в «айсикью», и он присылает фотки. Я по человеку скучаю и я с ним общаюсь. Это не суррогат общения, это оно само! А то пришлось бы ждать две недели.

– Да, у меня тоже положительный опыт – друг очень хороший уехал в Штаты, а постоянно общаемся, он постоянно рядом. А туда лететь десять – двенадцать часов! Появилась возможность общаться с людьми на другом конце планеты, обмениваться фотографиями и поддерживать связь.

Главный недостаток – это отсутствие невербальной составляющей, что не позволяет определить истинные мотивы собеседника, сформировать адекватное представление о его личных качествах.

– Раньше люди все равно как-то и вербально общались, и невербально. Взглядами и жестами можно передать то, что нельзя

передать в «айсикью» смайликами, хотя сама пользуюсь «смс-ками». И была у меня ситуация, когда я поругалась с мужем, потому что, когда он пишет, получается одно, а когда говорит, – абсолютно другое. То, что пишет, приятно, а когда в лицо говорят то же самое, но с другим выражением глаз – это другое! Все равно людям надо общаться непосредственно, лицом к лицу. А сейчас общение скатилось на ноль!

– Насчет общения согласна, что вербальное общение не заменить компьютером.

– Я в «аське» не знаколюсь, нет. Я только реальные контакты перевожу в виртуальные, а не наоборот. У меня был один случай, это было ужасно...

– А мы подружке только объяснили, как «аськой» пользоваться, она в первый раз сразу познакомилась, и три года вместе живут!

Как видим, участники исходят из того, что технологически опосредованному общению в полной мере доверять нельзя. У них, что вполне объяснимо, отсутствует сформировавшееся в рамках постмодернистской теории представление о «расщепленной идентичности» пользователей Интернета, однако имеется четкое осознание того, что «реальный человек» и его «виртуальный образ» никогда не совпадают между собой. Именно поэтому неограниченное общение в Сети рассматривается ими как опасное. Можно говорить даже о формировании новой этикетной нормы «порядочная девушка не знакомится в Интернете», как и о появлении нового типа историй о «чудесном замужестве» («в аське познакомилась и три года вместе живут»).

Преимущества компьютерного общения очевидны тем, где межличностное общение по тем или иным причинам (в основном из-за расстояния) затруднено, во всех остальных случаях оно должно играть вспомогательную роль. Выход технологически опосредованного общения на первый план рассматривается как серьезная социальная дисфункция:

– Вот раньше после школы ходили в футбол поиграть, а теперь сидят за компьютером – кто-то в «стрелялки» играет, в игрушки, кто-то ищет...

– Общество разделилось на разные классы. Есть слабые люди, для которых Интернет – вторая жизнь. Они там живут и уйти не могут, потому что у них самооценка ниже нуля, ниже плинтуса. Но нельзя всю жизнь провести за компьютером, это абсолютно виртуальный мир.

Как видим, для участников фокус-группы понятия «виртуальная реальность» и «виртуальный мир» носят скорее негативный характер. Они воспринимаются не как альтернативная реальность, а как реальность «вспомогательная» и «вторичная», и главная опасность видится в том, что может произойти замещение «виртом» первичной и основной реальности. Отсюда несколько раз повторяющееся утверждение, «Интернет – это как зараза»:

– В Интернете все очень быстро и оперативно, и как зараза – не можешь выйти, сказать себе нет. Компьютер не так затягивает, там возможности другие.

Характерно, что ограничения, налагаемые телесностью, воспринимаются участниками фокус-группы как преимущества технологически неопосредованного межличностного общения, а не как недостатки. Их вовсе не привлекает идея «множественной идентичности», а отсутствие возможности контролировать общение членов микрогруппы вызывает тревогу и раздражение. Иными словами, не только элитарный этатистский дискурс, но и постмодернистский дискурс информационного общества пока не адаптирован обыденным сознанием.

Что касается второго аспекта изменений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, то участники фокус-группы № 1 отмечали, что благодаря компьютеру резко ускорилась работа с документами и облегчился поиск информации. Подчеркнем, что перемены в характере трудовой деятельности участниками фокус-группы не проблематизировались – они просто фиксировали, что они имеют место быть. Единственный недостаток, который был отмечен в ходе обсуждения данного аспекта изменений – это усиливающаяся зависимость пользователей от специалистов по компьютерным технологиям, причем примеры носили скорее анекдотический характер:

– Программиста вызывают и ждут, что они все сделают. Не включается – зову программиста! А про электричество забыл, что в розетку вставить надо!

– У нас чисто механическое повреждение было, картридж вытащить надо было. И приходит программист, и ему начали претензии предъявлять – почему принтер сломался?

Участниками фокус-группы № 1 было отмечено и такое следствие информационной революции, как резкое повышение доступности информации:

– Информация стала доступней и получить ее стало проще, чем идти в библиотеку, искать книжку...

– У родителей изменилось отношение. У меня отец мало имеет дела [с компьютером и Интернетом] и считает – ты умеешь, ты и найди. А там полчаса искать... Интеллектуальную работу ценить перестали! Если бы пошла в библиотеку и искала две ночи, они бы оценили. А сейчас это не считается за труд!

Как видим, при общении с «информационно бедными» «информационно богатые» склонны рассматривать умение искать информацию в Интернете как особый, социально престижный навык (когда они говорили о том же навыке применительно к самим себе и «среди своих», они вообще не склонны были его выделять и рассматривали как неотъемлемый элемент комплекса «умение работать на компьютере»).

Вообще для «информационно богатых» центральным вопросом является не то, в какой мере «виртуальная реальность» освобождает человека от иерархического общества и ограничений, наложенных телесностью, а о том, как правильно вести себя в этой реальности и вообще правильно использовать новые технологии:

– Компьютер ускоряет жизнь! Мы можем успеть гораздо больше! Ведь раньше у родителей даже не в каждом доме стоял домашний телефон. Seriously! Но успеваем ли мы больше на самом деле? Это философский вопрос.

– Теперь нужно больше организацию иметь, чтобы использовать Интернет по назначению. Держать себя в ежовых рукавицах, чтобы не каждые пять минут эйлл проверять и в игрушках сидеть.

– Интернет надо использовать больше для связи и для автоматизации работы. Чтобы использовать все ресурсы, а не просто компьютер – новая игрушка, пускай стоит! Тогда это оправданно, а так зачем...

Чтобы дополнительно оценить характер представлений участников серий фокус-групп об изменениях, связанных с массовым распространением в обществе информационных технологий, их просили ответить на вопрос о том, как изменилась бы жизнь, если бы эти технологии исчезли. Сразу же подчеркиваем, что «информационно богатые» с трудом представляют себе мир без информационных технологий, но при этом они полагают, что главные сложности создаст не отсутствие Интернета, а отсутствие компьютеров, чем еще

раз подтверждается вторичный в их глазах статус виртуальной реальности и виртуального общения:

– Мир так приспособился к информационным технологиям, что если резко отключить, то будет что-то наподобие даже хаоса! Я не представляю даже, что будет!

– Можно, но сложно... Это настолько затягивает, бывает, что сидишь, уже охота спать, так нет – интересная статья, надо читать! А с другой стороны, останутся журналы, книжки – альтернатива получения информации [по Интернету]. А для общения тот же телефон.

– Главная проблема – это компьютер... Фильмы и музыку я могу и так послушать на других вещах... Вот что печатать или таблицы делать придется от руки и переделывать всю страницу, если ошибся...

– Интернет – это как зараза! Можно и без него – с друзьями пообщаться по телефону, новости узнать по телевизору. А без компьютера – никуда. Как ты без «Excel»'я считаешь?

– Мне без Интернета не хватало бы денег – я делаю много звонков по работе, и если через сотовый или обычный телефон, это было бы дорого, и отнял бы очень много времени. А про мир... Я смотрела по телевизору про режимы вроде Сталина или Гитлера. И что сейчас это нельзя, потому что людей нельзя отгородить, так что это хорошо, что есть Интернет!

– Если не будет компьютера, это конец, учеба вся на нем завязана – это нереально написать пятьдесят страниц в день. Это будет катастрофа!

– Мы же писали!

– Я понимаю, я могу, справлюсь, но это намного хуже, неудобнее.

Таким образом, участники фокус-группы № 1 склонны проблематизировать и обсуждать различные аспекты технологически опосредованного общения, однако не воспринимают его как неотъемлемую часть своей жизни. В то же время компьютеры как инструменты работы с текстовой информацией в такую часть жизни уже превратились и приобрели статус «анонимных объектов», так что требуются направленные усилия для тематизации данного феномена в их сознании.

«Информационно зажиточные» оценивают влияние информационных технологий на общество заметно сдержаннее, чем «информационно богатые». Если для последних исчезновение этих технологий породит «что-то

наподобие хаоса», то первые полагают, что «все останется в тех же границах, как было». При этом и представители фокус-группы № 2 главные изменения связывают с компьютером, а не с Интернетом:

– [Изменилось общество] существенно, но не глобально, все осталось примерно в тех же границах, как было...

– Глобально мир изменил компьютер, а не Интернет...

– Без Интернета я спокойно обойдусь, а вот компьютер...

– Все-таки возможности общения и обмена информацией, доступности [информации] бы снизились...

– Для работы можно было бы обойтись – в библиотеку сходил, что-то отскерил, переписал. Правда, сейчас осталось нажать кнопки и получить, что требуется. К хорошему быстро привыкаешь.

– Мне бы пришлось без компьютера и Интернета все от руки заполнять – я сильно экономлю время.

– У нас вся техника завязана на компьютеры – стало бы намного сложнее работать чисто технически.

– А я работаю в такой сфере, где от этого ничего не изменится.

Как видим, и в данной группе компьютер успел превратиться в «анонимный объект» как неотъемлемый элемент рабочей деятельности, в то время как «без Интернета можно обойтись». Однако проблематизируется в ходе обсуждения именно общение посредством Интернета. Главное отличие участников фокус-группы № 2 от участников фокус-группы № 1 состоит в том, что для «информационно зажиточных» общение по Интернету – это проблема, которая связана с их детьми:

– Минусов много появляется – слишком много времени дети проводят за компьютером. По полдня, а в каникулы весь день. Раньше вживую со сверстниками общались, а теперь у меня дочка в «аське» общается, переписывается с человеком, который живет с ней в одном доме... с троюродным братом. Нет, чтобы во дворе поиграть!

– Зато сидит дочь, общается в «аське», можно подойти, прочитать предложение – хоть узнаешь, чем ребенок живет!

– Они разучатся скоро общаться.

– Нет! Вживую они тоже общаются, по телефону.

– Слишком много времени занимает все-таки.

– Дети по Интернету общаются постоянно.

– У них жизнь там больше.

– Друзья все там.

И в фокус-группе № 2 технологически опосредованное общение имеет более низкий статус по сравнению с неопосредованным «общением вживую». Любопытно, что при этом телефонное общение также рассматривается как «общение вживую», т.е. включается в одну группу с технологически неопосредованным общением. Можно предположить, что это связано с тем, что телефон давно уже является привычным «анонимным объектом», в то время как компьютерное общение воспринимается как достаточно экзотическое и непонятное. С точки зрения участников фокус-группы № 2 компьютерно-опосредованное общение является не просто вторичным по отношению к неопосредованному, но является его [негативной] оппозицией, так что научиться активно общаться посредством Интернета означает «разучиться общаться вживую». Хотя термин «виртуальная реальность» в ходе обсуждения не был упомянут ни разу, можно предположить, что речь идет именно об опасениях, связанных с заменой всех видов повседневной активности взаимодействием с экраном компьютера (характерно, что для описания того, как происходит общение, используется устойчивый оборот «сидит за компьютером»).

Общение по Интернету воспринимается как замена «общения вживую» в тех ситуациях, когда по тем или иным причинам такое общение затруднено или невозможно, и не более того:

– С некоторыми людьми я общаюсь только через «Одноклассников». Если бы этого сервиса не было, я бы с ними не общался вообще.

– Я очень хорошо общаюсь с племянником, который живет в Красноярске. Общаемся каждый день, и такой живой диалог! И при личной встрече, раз мы родственники, тоже.

– С близкими людьми на расстоянии очень удобное общение, а с чужими людьми – зачем? А если с друзьями, так я лучше лично.

Таким образом, для «информационно-зажиточных» главные и безусловно позитивные изменения связаны с появлением компьютера, существенно облегчившего их трудовую деятельность, в то время как Интернет, понимаемый прежде всего как инструмент общения, вызывает двойственное отношение.

«Информационно бедные» оказались единственной группой, где изменения, связанные с массовым внедрением информационно-коммуникационных технологий, были определены как «прогресс», причем прогресс, который носит насильственный характер и едва ли не навязан Западом:

– Прогресс, может, и есть... и то благодаря открытости с Западом, а то ничего бы у нас не было. До сих пор бы на счетах считали!

– Да нет. Там много наших ученых было.

– У меня работа не связана с компьютером, я только все на дочь перевожу. У нее без компьютера трагедия, а у меня... Чтобы информацию получать, есть газеты, есть телевидение. Для меня чтобы без компьютера – ах, все, жизнь остановилась, для меня не так...

– Заставя на каждую семью купить компьютер. Вот тогда все научатся!

– Ой, когда мы доживем до этого...

– Насильственно как можно вводить?

– Это не насильственно, это необходимость.

Иными словами, что участники фокус-группы оперируют классическим советским дискурсом «догоняющей модернизации», характерными чертами которого как раз являются заимствование изобретений и их насильственное внедрение под лозунгом необходимости. Участники искренне не замечают, насколько этот дискурс приходит в противоречие с реальными процессами российской информатизации, носящей по преимуществу стихийный характер.

Столь же традиционный характер носило и обсуждение специфики компьютерно-опосредованной коммуникации. Фактически участники фокус-группы № 3 воспроизводили дискурсивные комплексы 60-х – 70-х годов, связанные с оппозицией «человек – робот». Как отмечает Ш. Таркл, именно на этом самом раннем этапе освоения информационных технологий имеет место романтическая реакция на понятие «почти что живой машины»: «Людям даруется священное пространство, которое служит основой их человеческой уникальности. Люди являются чем-то особенным, потому что у них есть чувства и потому что их нельзя запрограммировать» [3, р. 84]. Именно эта романтическая реакция и была зафиксирована в ходе фокус-группы № 3.

– Полностью подчинять себя машинам мы не должны: у нас должно быть сознание, душа, человеческое отношение и живое общение. А не как машина с машиной!

– Человек уже не человек, а как робот.
– Будут людьми управлять, как роботами!

– Человек не может существовать без чувств, а это такое большое пространство...

– Робот все умеет делать, как человек, но он не человек – ума нет в голове.

Таким образом, там, где участники фокус-групп №1 и 2 видят общение посредством машины, участники фокус-группы № 3 видят общение между машинами:

– С компьютером когда общаются, это и есть информационное общество. У знакомых сын придет из школы, как сядет за этот компьютер, ни друзей, никого нет, нигде не общается... общество только с компьютером, что ли?

В сознании участников фокус-группы присутствует четкая оппозиция между «правильным/подлинным мышлением» и его техническим суррогатом. Приведем характерный фрагмент обсуждения:

– Раз кругом компьютеризация будет, вообще головой не надо думать станет! Я слышала, что скачивают все из Интернета – не надо в библиотеку ходить, не надо учиться – все там есть, все ответы.

– Их же все не запомнишь.

– Не надо думать головой! Книги не читают, книги не нужны...

– Тут отношение двоякое, я вам скажу как литературы преподаватель. Я сыну говорю – чего ты, Сережа, книг не покупаешь... А он говорит – я их не буду дома хранить, я открою компьютер и прочитаю любую книгу. Они считают, что могут использовать компьютер во всех отношениях...

– И он совсем книг не читает?

– Почему? На экран все выводится.

– Тут смотри и не читай!

– Так текст и есть как книга, только листать не надо, и меньше места занимает, чем в книжном шкафу.

– Только глаза больше портятся!

– А книгу читаем лежа, не меньше портит зрение?

Компьютер явно воспринимается как машинный эквивалент «головы», избавляющий от необходимости думать. Характерно, что одна из участниц дискуссии продемонстрировала искреннее непонимание того, что на экране компьютера информация может быть представлена в текстовой форме. У нее явно присутствовало впечатление, что информация из компьютера транслируется в мозг напрямую, без посредства какого-либо кода.

Любопытно, что то же самое представление об эквивалентности «головы» и компьютера было характерно и для участвовавшей в фокус-группе пожилой преподавательницы, очень гордившейся тем, что ей удалось освоить компьютер:

– Дети когда совсем необучаемые, я с досадой думаю – почему мой компьютер нельзя подключить к твоей голове, чтобы мои знания могли в твою голову перелиться!

Фактически участники фокус-группы № 3 успешно воспроизвели основные положения известной советской дискуссии «физиков и лириков»: «На уровне социологии это может быть описано как отделение тяжелого физического труда от знания, на уровне философской антропологии – отделение «тела» от «интеллекта», «материи» от «силы». И, наконец, как противопоставление разных пространств подлинности – «природы» и «цивилизации» [1].

В целом исследование показало, что социальный контекст, в котором разные группы пользователей воспринимают информационно-коммуникационные технологии, не связан с элитарными дискурсами «информационного общества» и «виртуальной реальности», а опирается на представления, заимствованные из массовой культуры и пропущенные через личный опыт (или отсутствие такового) пользователей. Уровень рефлексии над процессами информационной революции достаточно низок, и пользователи оценивают ее последствия прагматически, исходя из соображений пользы и удобства.

1. Бобриков А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал. № 51–52, 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo>. Проверено 15.10.08.

2. Turkle Sh. Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. N.Y.: Symon & Schuster, 1995. P. 84

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ КОММУНИКАЦИИ В БЫТИИ СОЦИУМА

УДК 304.5

Е.Ю. РУДЕНКО

В науке нет однозначного решения вопроса о соотношении понятий "общество" и "социум". Одни социологи отождествляют эти понятия, другие считают, что понятие "социум" шире понятия "общество", третьи видят в "социуме" лишь отдельное свойство общественного. Но при этом общепризнанно, что в содержание понятия "социум" включаются социальные связи и взаимосвязи, социальные действия, взаимодействия и отношения, личности и их объединения, социальные институты и организации, культура, социальные ценности и нормы, социальное регулирование и т.д.

Стремясь познать общественную жизнь людей, социальная философия сталкивается со многими трудностями, первая из которых – многозначность самого термина «общество».

Раскрывая газеты, включая радио или телевизор, мы постоянно слышим рассуждения об «интересах общества», «перспективах общества», «кризисе общества» и т. д. Большинству людей это понятие представляется самоочевидным, интуитивно понятным. Беда, однако, в том, что именно «очевидные» понятия, как правило, с трудом поддаются определению и разъяснению.

Обращение к словарю едва ли поможет делу, если учесть множественность смыслов интересующего нас термина. В самом деле в современной лексике обществами могут называть и национально-государственные образования, существующие на политической карте мира, и добровольные объединения людей по профессиям и интересам («общество филателистов», «общество спасения на водах» и т. д.). Об «обществе» говорят тогда, когда имеют в виду социальное окружение человека, круг его общения (предостерегая от попадания в «дурное общество»). Ранее обществом («опчеством», так у Даля) русские крестьяне именовали сельскую общину, а аристократы – «бомонд», высшие социальные слои и т.д.

Как мы видим, термин «общество» используется для обозначения форм социальной коллективности, реальных или типизированных сообществ людей. Имеется, однако, еще одно понимание общества, в котором оно

обозначает нечто более абстрактное, чем форму коллективного существования людей.

В наиболее широком понимании термин «общество» представляет собой уже не модель социальной коллективности, а модель «социальности вообще», т.е. системную совокупность свойств и признаков, присущих явлениям и коллективной, и индивидуальной жизни людей, благодаря которым они включаются в особый мир, выделенный из природы и от природы отличный.

После этих терминологических разъяснений нам осталось сказать, что тема социальности вообще, или социума, является важнейшей проблемой социальной философии. Именно она призвана раскрыть различие между социальным и несоциальным, установить, что отличает надорганическую реальность от царств живой и неживой природы. Мы должны понять, чем деятельность людей, независимо от их национальной или религиозной принадлежности, ума, способностей и пр., отлична от физических взаимодействий, химических реакций или поведения животных, столь похожих порой на людей, стремящихся к весьма схожим целям самосохранения, безопасности, продления рода и т. д., и т. п. Что отличает устройство любых человеческих сообществ (начиная с семейного союза и до имперских структур) от устройства планетарной системы или животной стаи? Иными словами, речь идет об изучении социального в качестве одной из подсистем мира, занимающей специфическое место в нем, анализе ее соотношения и связи с иными сферами окружающей и охватывающей нас реальности. Именно эту проблему имел в виду С.Л. Франк, рассуждая об общественной жизни людей как особой области мирового космического бытия, ее отношении к его «последним началам», таким, как пространство, время, движение, материя, причинность и т.д. [5, с. 5].

Но верна ли такая постановка вопроса? Можно ли считать вопрос о сути социального ключевой проблемой, позволяющей отличить философский анализ общества от его конкретно научного, нефилософского изучения? Заметим, что наше утверждение отнюдь не очевидно и нуждается в специальных обоснованиях. Нам предстоит доказать, что вопрос

о том, что есть социум, вообще имеет отношение к философии, не противоречит тем принципам философского познания мира, о которых говорилось выше.

Социальной системой является любая система коллективного действия людей, будь то деятельность или общение реального или умозрительного характера. Адаптационно-деятельностные системы как простая, так и сложная, являются одним из видов социальных систем.

Особенностью социальных систем является то обстоятельство, что в качестве их начала выступают люди. Именно люди формируют любую социальную систему и обеспечивают ее существование и функционирование. Существенным является то, что они делают это, не утрачивая своей автономности и не становясь исключительно элементом какой-либо из социальных систем. Это связано в том числе с тем, что любой человек включен в состав сразу нескольких социальных систем, не все из которых являются соподчиненными. В каждой из них он действует, как правило, на собственной основе данной системы. Таким образом, он не сводим ни к одной из этих систем. Из этого следует, что источник социальной активности человека лежит не только в социальных системах, а может быть и не столько в социальных системах, сколько в самом человеке.

Человеческое общество обладает многоуровневым строением, в составе которого структурный анализ обязан выделить подсистемы, образующие их компоненты и простейшие элементы. «То, что обычно называется общественной жизнью или общественными явлениями, — справедливо замечает П.А. Сорокин, — представляет собой комплекс фактов и процессов настолько сложный, что изучить его, не разложив на составные части, совершенно невозможно» [4, с. 137].

Социальные системы существуют и признаются людьми постольку, поскольку обслуживают те или иные их потребности. Следовательно, желательно понять, как люди видят интересующие нас конкретные социальные системы, потому что именно свое понимание и действия на основе этого понимания они приносят в них как движущую силу.

На всех этапах эволюции культуры присутствует коммуникация как характерная особенность социальности. Этапы антропогенеза можно охарактеризовать, прослеживая развитие коммуникативных средств. Вначале была устная коммуникация. В археокультуре Слово было основным способом не только общения,

но и хранения, передачи культурных традиций (верхний палеолит, мезолит, неолит). В палеокультуре появляются иероглифы (иероглиф — священное письмо), с их помощью жрецы древнего Египта и Месопотамии получили возможность увековечить священное знание. Всякая религия начинается с коммуникации, напомним, что религия в переводе с латинского означает «связь». Появление письменности, а затем книгопечатания, стало новым этапом в развитии человечества. Хранение и распространение знаний в виде книг сделало возможной не только словесную коммуникацию, культ слова сменил культ книги. В 30-е годы в связи с распространением кино, радиовещания, массовых иллюстрированных изданий возник феномен массовой культуры и заговорили о средствах массовой коммуникации, их огромном влиянии на общественное сознание. Стало ясно, что коммуникация не только благо, но и оружие, требующее осторожного обращения.

Существуют различные виды коммуникации. В зависимости от пространственно-временной среды, в которой осуществляется коммуникация, выделяют следующие ее типы: материальная (транспортная, энергетическая и так далее); генетическая (биологическая, видовая); психическая (внутриличностная, как общение человека с самим собой); социальная (межличностная, межкультурная, массовая).

Социальная философия изучает социальную коммуникацию, которая представляет собой обмен информацией между социальными субъектами (индивидами, социальными институтами). Обыденная трактовка социальной коммуникации, как передачи информации, носит техницистский характер, поскольку распространение информации обусловлено техническими средствами. Коммуникация между людьми это не просто обмен информацией, но всегда социальное событие [2, с. 87].

Обыденное толкование коммуникации связано с понятиями общение, информация, понимание. Понятие коммуникация (от лат. *communicatio* — связь) трактуется как средство связи, сообщение. Западные авторы часто переходят к определениям, основанным на технических возможностях этого сообщения. Предполагается передача информации, поэтому такую трактовку называют информационно-коммуникацией. Здесь особо важна такая черта, как обязательность усвоения: общество обязывает личность принять и усвоить ту информацию, которая передается и является необходимым условием социализации.

Помимо значения коммуникации как системы распространения информации, ее вторая трактовка связана с таким аспектом человеческой деятельности, как общение, соединение, взаимосвязь. Общение здесь понимается в самом широком смысле: межличностное, посредством текстов, между социальными группами, культурами и прочее. В отличие от информационной коммуникации здесь коммуникация имеет диалогическую форму, рассчитана на взаимное понимание. Именно такая трактовка коммуникации представляет философский интерес. Структура коммуникативного акта должна включать и компоненты, выявленные при психологическом, социологическом и прочих видах анализа. Коммуникация должна быть рассмотрена с разных сторон. В частности, должны быть проанализированы, а затем синтезированы, такие составляющие процесса общения, как: 1) коммуникация – процесс передачи информации (предмет изучения математики, теории информации, кибернетики); 2) коммуникация – интеракция, как взаимодействие людей с организацией их совместной деятельности (предмет изучения социологии и социальной психологии); 3) коммуникация – межличностная перцепция, как процесс восприятия партнерами друг друга (предмет изучения психологии). Коммуникация рассматривается в двух аспектах: как универсальный процесс, присущий самому широкому классу систем, и как социальное явление – процесс общения людей.

Весь мир социальных предметов делится на два различных класса, отличающихся друг от друга своим назначением, социальной функцией. В одном случае эта функция связана с обеспечением непосредственных адаптивных задач человеческой деятельности – приспособлением к природной и социальной среде существования (вещи). В другом случае она связана с выполнением задач информационного обеспечения деятельности – выработкой символических программ поведения, которые могут транслироваться от субъекта к субъекту, т.е. циркулировать в обществе, храниться и накапливаться в нем, передаваясь от поколения к поколению.

В большинстве случаев общественными отношениями называют особый класс социальных связей, а именно связи субъект-субъектного свойства, отличные от субъект-объектных связей между людьми и используемыми ими предметами или объект-объектных связей между социальными предметами. С этой точки зрения называть общественными отношениями можно только связи между людьми, но

не технологическую связь между работником и используемым им средством труда или отношение зависимости между различными компонентами поточных линий на автоматизированных производствах.

Допуская целесообразность такого словоупотребления, многие философы настаивают на том, что далеко не каждая связь между людьми может рассматриваться как общественное отношение между ними.

Различие между так понятым общественным отношением и “обычной” социальной связью можно проиллюстрировать следующим примером. Предположим, что вы спросили у случайного прохожего, сколько сейчас времени, а он, в свою очередь, поинтересовался у вас, как пройти к кинотеатру “Прогресс”. Очевидно, что в данном случае имеет место взаимодействие двух субъектов, в котором возникает связь взаимного обмена информацией. Но можно ли считать такую связь между людьми общественным отношением? Нет, поскольку взаимодействие между ними носит случайный характер, не вызвано устойчивой взаимообусловленностью интересов.

Иначе выглядит ситуация в случае, когда журналист в поисках необходимой ему информации отправляется на встречу с пресс-секретарем президента, в свою очередь ищущего встречи с журналистами. Очевидно, что в данном случае взаимодействие субъектов уже не является случайным. Выполняя свои служебные обязанности, ее участники вступают в необходимые отношения разделения труда, которые придают им устойчивый профессиональный статус, определяют объективную соотносительность их с функцией.

Особо подчеркнем, что в таком понимании критериям общественных отношений соответствуют любые устойчивые зависимости между людьми, неважно, возникают ли они в “личной” или собственно “общественной” жизни людей.

Сказанное заставляет различать широкий и узкий смысл категории “общественные отношения”; в первом смысле она означает любые отношения людей, возможные в обществе как сфере надорганической реальности, а во втором – устойчивые связи, возникающие между субъектами воспроизводства общества как организационной формы социального. Последний случай и является предметом социальной философии.

Еще один тип отношений возникает между людьми на основе распределения совместно созданных результатов труда. В одних случаях такое распределение может иметь

непосредственный характер, при котором люди делят совместно созданное – если оно имеет для них потребительскую ценность и поддается такому дележу (так поступают, к примеру, охотники, распределяющие между собой тушу совместно добытого зверя). В других случаях речь идет о материальной оплате результата труда. Так, после проведения музыкального концерта каждый из музыкантов рано или поздно получает определенное вознаграждение за свой труд, при этом жалование первой скрипки превышает жалование рядового скрипача, опытные музыканты получают больше новичков и т.д., и т.п. Речь идет, таким образом, об устойчивой системе экономических отношений между людьми, связанной с отношениями профессиональными, но не совпадающей с ними.

Следует подчеркнуть, что экономические отношения между людьми отнюдь не сводятся к отношениям распределения уже готовых продуктов труда, но включают в себя также отношения распределения необходимых предметных средств их создания.

Итак, мы видим, что необходимым организационным моментом совместной деятельности людей являются устойчиво воспроизводимые отношения между ними, определяющие их взаимозависимость, соотношенность их ролей и статусов. Эти отношения программируют характер интересов взаимодействующих субъектов: статус субъекта в сложившейся системе общественных отношений – скажем, наличие или отсутствие у него собственности на предметные средства труда или допуск к механизмам власти – с высокой статистической вероятностью определяет характер его действий в поле системного взаимодействия людей.

Итак, мы выделили основные элементы человеческой деятельности, одновременно представляющие собой простейшие “кирпичики” общества, и можем вернуться к осознанному выделению ее типов, образующих искомые подсистемы общества, сферы общественной жизни.

Общественная жизнь, как мы могли убедиться, предполагает сложнейшую систему социальных связей. Она охватывает множество конкретных видов труда, которые могут быть распределены на два подтипа. Одним из них является коммуникативная деятельность, задача которой – установление связей между различными элементами общества. Коммуникативная деятельность “сводит” не только людей, она приходит на помощь и тогда, когда непосредственной целью человека является не другой человек, а всего лишь предмет, кото-

рый можно получить из его рук. Примером такой деятельности, устанавливающей связи между людьми и предметами, служат различные формы рыночного обмена, в результате которых производители картофеля получают доступ к необходимой им сельскохозяйственной технике, и наоборот. Видом коммуникации является розничная торговля, благодаря которой произведенные продукты становятся объектом индивидуального потребления. Задачи коммуникативной деятельности весьма ограничены: она берется за установление необходимых связей, но не претендует на их регулирование, не берет на себя функции управления уже установленными связями.

Коммуникация возникла в человеческом обществе как потребность индивида передать другому индивиду необходимую для совместного действия информацию. Первичными коммуникативными средствами были самые простые – указательные жесты, одобряющая или неодобряющая мимика – невербальные (лат. *verbalis* – “устный, словесный”) знаки. Правильное понимание этих знаков было возможно лишь в их устойчивой соотношенности, чаще по признаку противоположности – указание налево, вверх предполагало указание направо, вниз. Наконец, *homo habilis* – “человек умелый” стал использовать для передачи информации вербальные средства – слова и фразы и превратился в *homo loquens* – “человека говорящего”. Появлялись все новые и новые слова, пропуская их через свое сознание – фиксируя соотношенность того или иного слова с реалиями действительности, человек невольно должен был упорядочивать их по какому-то общим или различительным признакам как формальным, так и содержательным. По мнению психолога Л.С. Выготского, системность является критерием осознанности [1, с. 165].

Этот несколько упрощенный взгляд на природу системности позволяет, тем не менее, определить ее как онтологическое свойство упорядоченности множества элементов, в том числе и коммуникативных средств, в основе которой лежат взаимообусловленные принципы их тождества и различия. Поэтому неудивительно, что возникла необходимость научной интерпретации этого свойства – обоснование системного подхода как методологического принципа научного познания. Поиски ученых – философов, логиков, специалистов в области общественных, гуманитарных и точных наук выявления возможных связей и взаимозависимостей множества элементов, представляющих реалии действительности и

отражающих представление о них, привели к обоснованию разных способов их систематизации. В научном обиходе используются такие понятия, как система, классификация, таксономия, стратификация, типология. Иногда эти понятия и термины, их выражающие, взаимозаменяются, поскольку имеют общие признаки. Но, как известно, однозначность является неременным условием корректного употребления термина.

Система (греч. *systema* – “целое, составленное из частей, соединение”) – совокупность элементов, находящихся в многомерных отношениях друг с другом и образующих определенное целостное единство, способное функционировать [3, с. 708]. Общим требованием к любой системе является наличие трех признаков системности – объектность – элементы некоего множества или совокупности, структура – сеть отношений и связей между этими элементами и целостность свойства данной совокупности элементов функционировать как некое единство, в котором целое зависит от элементов, а элементы – от целого. Система не сводится к сумме элементов; свойства элементов определяются их местом в структуре – соотносительностью с другими элементами.

Существуют десятки определений системы языка; суть их сводится к тому, что это совокупность языковых элементов, организованных через структуру своих связей и отношений в целостное единство. К элементам языка относят вербальные знаки, которые по своему строению и функции представляют различные уровни системы – фонемный, морфемный, лексемный (словесный) и синтаксический (уровень предложения). Эта система актуализируется в речи, в которой язык выступает в одной из основных своих функций коммуникативной. Сама система языка была выделена из речи как первичного источника речевой деятельности человека (Кстати, в том случае, когда подчеркивают противопоставление языка и речи, говорят обычно о “системе языка”; в том случае, когда необходимо подчеркнуть противопоставление языка другим средствам общения, говорят о “языковой (вербальной) системе”, отличной от неязыковых (невербальных) систем). Таким образом, система языка и коммуникация соотносятся как сущность и явление. Возникает вопрос – правомерно ли говорить о коммуникативной системе и можно ли в принципе выделить из коммуникации как явления – процесса общения – некую сущность – коммуникативную систему, отличную от языковой системы? Для того чтобы ответить

на этот вопрос, сравним три составляющие языковой системы и гипотетической коммуникативной системы.

Объектность языковой системы определяется ее элементами – языковыми единицами, которые, несмотря на свое различное строение, по своей природе однородны. Это слова и словосочетания, которые используются как вербальные средства коммуникации. В устной форме коммуникации используются разнородные коммуникативные средства – не только вербальные, но и невербальные – сигналы, жесты, мимика, телодвижения, такие характеристики голоса, как тон и громкость, а в письменной форме коммуникации, помимо слов, используются символы, формулы, графы, схемы, рисунки, различные шрифты и т. п.

Кроме того, между элементами языка и коммуникации есть и функциональное различие. Слова и словосочетания как элементы языковой системы выполняющей номинативную функцию – называют реалии действительности, например, “стол”, “железная дорога”. Сообщение информации об этих реалиях актуализируется лишь в речи – в составе высказываний. Сравним, например, такие высказывания: “Стол был накрыт на двоих”, “В углу стоял колченогий стол”; “20 лет проработал на железной дороге”, “Племяннику она купила железную дорогу”. Именно высказывания, в том числе и однословные типа “Жаль!”, “Рад!”, сообщают информацию о реалиях и могут побудить к действию, например, “Закрой окно!” Сами по себе слова “закрывать” и “окно” как единицы языковой системы, в отличие от таких слов, как “очи”, “тусовка”, не имеют какой-либо социально-функциональной значимости – они не указывают на ситуацию общения или статус коммуникантов. Но в высказываниях типа “Ну-ка, закрой окно!” “Закройте, пожалуйста, окно!”, даже без учета выражения лица говорящего, отчетливо выявляются социальные роли коммуникантов.

Отсюда вытекают три следствия: 1) в коммуникации минимальной единицей информации является высказывание; 2) в коммуникации используются разнородные как по своей природе, так и по функции элементы; 3) разнородность элементов дает основание выделить не одну коммуникативную систему, а несколько коммуникативных систем.

Признаки целостности коммуникации в значительной степени определяются структурой тех социумов, которые она обслуживает. Отмечено, что в так называемых формально организованных социальных структурах коммуникация характеризуется большей целостностью за счет

стереотипного построения высказываний, в частности, формул обращения, за счет тематической связанности дискурса. Коммуникация, наблюдаемая в неформальных общностях, представляемых социально-территориальными структурами, социально-демографическими группами и др., характеризуется расплывчатостью границ, смешением норм построения высказываний и индивидуальными особенностями.

Специфика коммуникативных систем определяется тремя критериями: 1) целевым назначением системы (какая информация сообщается и кому предназначается), 2) выбором коммуникативных средств, 3) каналами передачи и восприятия информации и способами обмена информацией (естественными и искусственными). В обобщенной форме можно сказать, что коммуникативные системы различаются по целевому назначению, мотивированности коммуникативных единиц и технике актуализации [2, с. 124].

На основе этих критериев различают естественные и искусственные коммуникативные системы. К естественным системам относятся те, в которых используются коммуникативные средства естественного языка слова, словосочетания, жесты, мимика, телодвижения. Они имеют национальную специфику. К искусственным системам относятся те, в которых используются сконструированные (часто на базе вербального языка) или заимствованные из разных областей знаний символы, формулы, графы, знаки для обозначения связей и отношений элементов. Искусственные системы ориентированы на задачи общения на международном уровне, поэтому национальная специфика для них не характерна. Возникновение таких специализированных языков, особенно в точных науках, объясняется стремлением преодолеть одно из онтологических свойств естественного языка – многозначность его

единиц, которая не устранялась даже в коммуникации.

Информационные языки являются еще одним средством коммуникации между человеком и машиной. Они предназначены для представления информации, которая вводится, хранится и обрабатывается в ЭВМ. Коммуникативные системы, построенные на базе информационных языков, носят характер автоматизированных систем, которые выполняют определенные информационные задачи – накопление, хранение и поиск документов, сбор и обработка массовой технико-экономической информации в сфере управления, формулирование запросов и результатов обработки данных в форме документов.

В связи с растущей информатизацией общества возникла настоятельная необходимость в разработке таких программных систем, которые, используя резервы компьютерных технологий, могли бы передавать информацию в более четких и легко обозримых формах.

Итак, коммуникация как целенаправленное общение людей расширила свои возможности и функции, включив в процесс общения технические информационные, поисковые и передающие средства, новые коммуникативные элементы. Это обусловило множественность коммуникативных систем, которые по своему назначению стали различаться как специализированные и неспециализированные, а по своей природе – как искусственные и естественные.

По-видимому, дальнейшее развитие коммуникативных систем обоих видов будет определяться собственно социальными факторами – характером социального заказа общества в специальных коммуникативных сферах и социальными условиями функционирования естественного языка.

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений в шести томах. Т.1 – М.: Педагогика – 1982.
2. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. - Л.: Лениздат, 1988.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1992.
4. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. – М., 1992.
5. Франк С.Л. «Духовные основы общества». – М.: Республика, 1992.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОФСОЮЗНЫХ РАБОТНИКОВ

УДК 316.7

Е.В.ГРУНТ, О.В. ХРУЩЕВ

Проблема информационной культуры личности и общества привлекает ученых различных специальностей. Сегодня ее изучают философы, социологи, культурологи, информатики, кибернетики.

Этот интерес связан с ее особой актуальностью на современном этапе. Понятие "информационная культура" появилось в середине XX века вместе с такими понятиями, как "информационная эра", "информационный взрыв" и др., когда в мире накопилось такое количество информации, что ориентироваться в растущем потоке сведений и сообщений становится все сложнее и сложнее.

В контексте отношения человека к информации, ее оценки, отбора для практического использования, организации совместной информационной деятельности и возникает проблема формирования информационной культуры.

Социологический анализ информационной культуры профсоюзных работников предполагает анализ факторов, влияющих на ее развитие и формирование. Под факторами мы понимаем условия, которые воздействуют на эти процессы и определяют характер анализируемого явления в целом и его отдельные черты.

В исследовании, проведенном нами на Среднем Урале в 2008 – начале 2009 гг., мы выделили и проанализировали объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование информационной культуры.

Начнем с анализа объективных (внешних) факторов. Одним из важных факторов, влияющих на формирование и развитие информационной культуры профсоюзных работников, является престиж профессии в обществе. Высокая престижность профессии всегда является мощным стимулом статусно-профессиональной деятельности. Снижение же престижа профессии сопровождается серьезными деформациями, демотивацией деятельности специалистов, что негативно сказывается на их информационной культуре. В нашем исследовании 45% опрошенных отметили, что престиж профессии профсоюзного работника является важным фактором, влияющим на

снижение уровня информационной культуры, а каждый четвертый респондент отметил, что само общество поставило профсоюзы в униженное положение. Представление об общественной важности, престиже профсоюзной деятельности имеется лишь у 35% профсоюзных работников. Исследование показало, что чем ниже возраст профсоюзных работников, тем меньше респондентов говорит о престиже данной профессии в обществе. Так, лишь 19% молодых профсоюзных работников считают свою деятельность престижной. Эти данные коррелируют с тем образом, который они для себя выбирают. Подобная тенденция отражена в работах других исследователей.

Таким образом, социальный статус, престиж данной профессии в обществе во многом обусловили невысокий уровень информационной культуры большинства профсоюзных работников.

Влияние социально-экономического фактора на информационную культуру профсоюзного работника, на наш взгляд, заключается в двух аспектах: во-первых, в доле расходов на содержание профсоюзов, включая уровень оплаты труда профсоюзных работников, создание благоприятных условий труда, в том числе и информационно-технологическое оснащение труда; во-вторых, в создании благоприятных условий внутри организации, предприятия для организации профсоюзной деятельности. Вполне естественно, что оба аспекта вопроса финансирования зависят от существующей экономической ситуации в стране (на предприятии), от приоритетов проводимых в государстве реформ. Как известно, достойная оплата труда, условия профессиональной деятельности способствуют привлечению и закреплению высококвалифицированных кадров, без которых проблематично внедрять новые, адекватные времени технологии, приемы и методы профсоюзной деятельности. Исследование показало, что во многих организациях сокращается финансирование на повышение квалификации, в том числе и повышение квалификации профсоюзных работников. Так, 38% респондентов не повышало квалификацию более пяти лет. Безусловно, те знания, та

информация, которыми они владели тогда, сегодня безнадежно устарели. Неслучайно, что 47% опрошенных профсоюзных работников в качестве одной из главных причин снижения уровня их информационной культуры указывают отсутствие средств на практическую и теоретическую подготовку и переподготовку. При этом большинство из них – профсоюзные работники в возрасте от 40 до 50 лет. Именно они имеют как значительный стаж профсоюзной работы, так и высокий интеллектуальный потенциал, что дает им возможность дать объективную оценку.

Исследование показало, что экономические факторы во многом обуславливают современное состояние и развитие информационной культуры профсоюзных работников, снижая ее уровень.

Наряду с социально-экономическими факторами, несомненно, большое значение имеет система образования. При получении образования у будущего специалиста, с одной стороны, формируется определенный тезаурус, происходит накопление, воспроизводство специальной и общекультурной информации, а с другой, закладываются духовные основы деятельности специалиста.

Как показало исследование, профсоюзные работники имеют разное образование (техническое, гуманитарное, специальное – «профсоюзное»). Это во многом сказывается на дефиците знаний, информации, которой обладает профсоюзный работник, а также на ряде умений и навыков работы с информацией, взаимодействии с членами профсоюзной организации. Так, респонденты, имеющие гуманитарное образование, легче вступают в общение с коллегами, членами профсоюза и руководителями предприятий. Специалисты, получившие специальное профсоюзное образование, легче овладевают новыми технологиями работы с членами профсоюза. Особенно это видно в возрастных группах до 40 лет. Более молодые профсоюзные работники легче осваивают новые виды информационной деятельности (работа с информацией на web-сайтах, организация видеоконференций, поиск информации через Интернет и пр.) Здесь, на наш взгляд, несомненно, сказывается фактор образования. Видимо, в связи с этим до 60% респондентов придают существенное значение тому, в каком вузе учились. 75% опрошенных считают, что система образования должна влиять на формирование и развитие информационной культуры, однако реально ее роль в этом процессе несущественна. Они отмечают, что система образования должна не

только давать определенные знания, но и формировать информационные потребности.

Что касается мнения экспертов, то оно разделилось. Часть экспертов полагает, что система образования, вуз, в котором учился профсоюзный работник, не играют важной роли в формировании его информационной культуры: «В последние десять лет профсоюзная деятельность очень сильно изменилась. Никакой вуз не может дать знаний раз и навсегда» (В.К., председатель отраслевого профсоюза, 67 лет); «У меня техническое образование. Но это не мешает, а наоборот помогает мне использовать компьютер для поиска новой информации. Я знаю коллег, которые не заканчивали технические вузы, а также отлично владеют компьютером» (М.А., начальник отдела ФПСО, 62 года). Другая часть экспертов придает существенное значение образованию в формировании и развитии информационной культуры профсоюзных работников: «Вуз, система образования должны играть важную роль в формировании информационной культуры любого специалиста, так как должны учить поиску нового знания, новой информации независимо от того, в какой сфере он будет работать» (С.В., председатель отраслевого комитета, 49 лет); «Вуз должен научить человека учиться всю жизнь. Это требование современного общества, к сожалению, он этого сегодня не делает» (Т.С., председатель территориального комитета профсоюза, 49 лет). Мы согласны с респондентами и последней группой экспертов в том, что современная система образования должна оказывать существенное влияние на информационную культуру профсоюзного работника, однако этой роли она сегодня не выполняет. В этом мы видим одно из противоречий современного состояния информационной культуры: между декларируемой необходимостью повышения роли образования в ее формировании и дальнейшем развитии и низкой его активностью в решении этой задачи.

В исследовании обнаружено влияние возраста на информационную культуру профсоюзного работника. Говоря о влиянии возраста, мы посчитали необходимым рассмотреть процесс воспроизводства информационной культуры профсоюзных работников, т.е. преемственность видов информационной деятельности. Учитывая данные о возрастном составе профсоюзных работников (невысокую степень мобильности), мы имеем основание говорить о том, что большая часть профсоюзных работников пришла в профсоюзы в 80-е – начале

90-х годов XX века и трудится по сей день, и, соответственно, о привнесении тех видов информационной деятельности в современную профсоюзную деятельность, которые были свойственны профсоюзам в советский период. Исследование зафиксировало, что респондентам старших возрастных групп (от 40 лет и старше) свойственна традиционная составляющая информационной культуры, сложившаяся еще в советский период. Они в меньшей степени владеют современными способами получения, обработки и использования информации (работа на компьютере, в Интернете); им свойственны также и традиционные виды информационной деятельности (передача информации на бумажных носителях, работа с письмами членов профсоюза, личные беседы с ними и пр.). Что касается знаниевого компонента, то он тоже оказывается весьма слабым, так как знания, информация устаревают с колоссальной скоростью, а навыки их пополнения сформированы недостаточно хорошо. В этом плане возраст негативно сказывается на формировании инновационных компонентов информационной культуры профсоюзных работников, адекватной требованиям времени. Исследование позволило сделать вывод о том, что нормы, виды информационной деятельности профсоюзных работников советского периода сохраняются, поскольку в профсоюзных организациях трудятся их носители – старшее и среднее поколение.

Еще одним фактором, влияющим на состояние и развитие информационной культуры профсоюзных работников, является семья. 85% профсоюзных работников имеют семью. Семейные профсоюзные работники выполняют две и более социальных ролей. Ситуацию, связанную с необходимостью удовлетворять требованиям двух и более ролей, Р.К. Мертон назвал ролевым конфликтом [2]. Источником ролевого напряжения может быть неправильное понимание социальной роли (в том числе, семейной и профессиональной) либо слабая подготовка к ее исполнению. Ситуацию могут усугубить неблагоприятные внешние факторы: низкий уровень заработной платы, понижение заработной платы в связи с кризисом; загруженность на работе; необходимость решать проблемы, которые раньше не вызывали такой остроты, и пр. Наше исследование показало, что 26% респондентам семейные обстоятельства мешают заниматься самообразованием, повышать свою квалификацию, восполнять дефицит знаний, информации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что семья косвенно влияет на информационную культуру профсоюзных

работников. Это означает, что влияние оказывает не само наличие семьи как таковой, а те нерешенные проблемы, которые с нею связаны (материальное благосостояние, взаимоотношения в семье и пр.).

Следующим внешним фактором, влияющим на формирование и развитие информационной культуры профсоюзных работников, является профессиональная среда, та часть социокультурного пространства, в котором осуществляется взаимодействие профсоюзных работников с субъектами профессиональной деятельности, в том числе и информационное взаимодействие. Успешность личности в профессиональной деятельности во многом зависит от того, какие условия и возможности для ее реализации представляет ей среда, проявляющаяся в содержании, особенностях и режиме деятельности. На этот фактор указало 62% респондентов. Как известно, деятельность профсоюзного работника неразрывно связана с социальным взаимодействием с коллегами, членами профсоюза, работодателями (руководством предприятия) на основе имеющихся знаний, профессиональной информации и разделяемых норм. Специфика этого социального взаимодействия носит активный характер, так как профсоюзный работник, взаимодействуя с коллегами и работодателями, преобразует и изменяет эту среду.

Рассмотрим влияние отдельных субъектов профессиональной среды на информационную культуру профсоюзных работников. Одним из важных субъектов профессиональной среды является работодатель (руководство предприятия). На это указало 62% респондентов. Именно оно должно заботиться о повышении уровня информационной культуры. В профессиональной среде формируются и культивируются не только знания, нормы, ценности профессиональной деятельности, но и формы социального взаимодействия, в том числе и информационного. Отметим, что для профсоюзных работников информационное взаимодействие в рамках профессиональной деятельности является ведущим (работа с документами; выступления в аудитории и СМИ; работа с членами профсоюза и пр.). Данные исследования позволили нам сделать весьма неутешительные выводы о том, что только в половине случаев администрация предприятия создает условия для успешного формирования информационной культуры профсоюзных работников. Большинство профсоюзных работников (до 70% опрошенных) негативно оценило информационно-технологическое и техническое оснащение их труда. 45% рес-

пондентов указало на то, что они не имеют быстрого доступа к получению необходимой информации (отсутствие Интернета, электронной почты). Часть из них усматривает в этом причины неиспользования передовых способов получения, хранения и передачи информации, а также передовых способов информационного взаимодействия с членами профсоюза (Интернет, видеоконференции, web-сайты и др.).

В исследовании нас интересовал вопрос о том, что предпринял бы респондент для развития информационной культуры профсоюзных работников, если бы оказался на месте работодателя, председателя Федерации профсоюзов области, председателя Федерации независимых профсоюзов России (См. таблицу 1).

поведение и установки [3]. Такой референтной группой для профсоюзного работника является его непосредственный коллектив, кем он руководит (его заместители, ответственные профсоюзные работники и пр.). Исследование показало, что это самый благоприятный элемент профессиональной среды, способствующий успешному формированию информационной культуры профсоюзных работников. На это указало 68% опрошенных. Это вполне объяснимо. Именно в профессиональной среде формируется профессиональный тезаурус. Коллеги по работе, как правило, владеют одинаковой профессиональной информацией, профессиональными навыками, умениями работы с ней. В этой среде складываются определенные традиции информационного взаимодействия. К тому же необходимо учи-

Таблица 1. Мнение респондентов о необходимых мерах по развитию информационной культуры профсоюзных работников (в % к числу опрошенных)

Меры развития информационной культуры профсоюзных работников	Работодатель (руководство предприятия)	Председатель ФПСО	Председатель ФНПР
Создание условий для повышения квалификации профсоюзных работников (обучение в вузе, на семинарах, конференциях)	76,0	58,0	64,0
Улучшение информационно-технологического и технического оснащения труда (компьютер, сеть Интернет)	82,0	–	–
Организация компьютерных курсов	82,0	64,0	–
Оснащение библиотек новейшей профессиональной литературой	100	100	–
Повышение статуса профсоюзного работника	100	100	100
Разработка целевой программы комплексного подхода к формированию информационной культуры профсоюзных работников	58,0	92,0	64,0
Проведение цикла лекций по проблемам информационной культуры (поиску и использованию информации и пр.)	36,0	48,0	–

Сумма превышает 100%, поскольку у респондентов была возможность сделать несколько выборов.

Исследование показало, что респонденты предлагают вполне реальные меры развития и формирования информационной культуры профсоюзных работников, однако на сегодняшний день они остаются желаемыми.

Следующий важный субъект взаимодействия профсоюзного работника и профессиональной среды – коллеги, референтная группа. Под референтной группой мы понимаем реальную или воображаемую группу, которая является для индивида эталоном, с которым он сопоставляет свое социальное положение,

тывать тот факт, что информация всегда несет в себе некий смысл, некую ценность. В свою очередь ценность информации связывается с определенной человеком целью, достижению которой способствует полученная информация. В этом плане в профессиональной группе складываются общие цели, намечаются пути их достижения, что приведет к результату профессиональной деятельности. Все это говорит о том, что данный элемент профессиональной среды положительно влияет на формирование и воспроизводство информационной культуры профсоюзных работников.

Рассмотрим влияние социального взаимодействия профсоюзных работников с чле-

нами профсоюза. Что касается этого элемента профессиональной среды, то исследование зафиксировало важные факторы, влияющие на снижение информационной культуры профсоюзных работников – неумение учитывать профсоюзными работниками образовательного и культурного уровня членов профсоюза; оперативность работы с информацией, поступающей от членов профсоюза. На это указали 44 и 53% респондентов соответственно. Усугубляет эту ситуацию и тот факт, что зачастую члены профсоюзной организации требуют от своих руководителей решения вопросов, выходящих за уровень их профессиональной компетенции. На это указало 68% опрошенных. Данные экспертного опроса подтвердили мнение респондентов.

Таким образом, исследование показало неоднозначное влияние профессиональной среды на информационную культуру профсоюзных работников. С одной стороны, профессиональная среда не создает условий для успешного развития современной информационной культуры (низкий уровень информационно-технологического и технического обеспечения профессиональной деятельности; отсутствие быстрого доступа в Интернет и др.). С другой стороны, сложившийся в этой среде единый профессиональный тезаурус во многом позитивно влияет на формирование и воспроизводство информационной культуры профсоюзных работников.

В исследовании нас интересовал вопрос о влиянии гендера на информационную культуру профсоюзных работников. Исследование зафиксировало, что гендер оказывает косвенное влияние на информационную культуру профсоюзных работников. Это выражается в том, что в силу выполнения семейных обязанностей (роли жены, матери, бабушки, а также занятия бытом – воспитание детей, внуков, походы в магазины, уборка и пр.) у женщин меньше времени остается на самообразование, освоение новых видов информационной деятельности. На это указало 72% опрошенных.

Перейдем к рассмотрению субъективных факторов формирования и развития информационной культуры профсоюзных работников.

Как мы отмечали ранее, важным фактором, влияющим на информационную культуру профсоюзных работников, является самообразование. Именно таким образом большинство из них пополняет дефицит знаний, информации. Мы согласны с мнением С.Г. Вершловского о том, что самообразование выступает важнейшим инструментом, реализующим вовлеченность личности в процесс

образования. Оно наравне с образованием обеспечивает непрерывность процесса самосовершенствования, осознание человеком познавательной базы, необходимой для реализации запланированных изменений в деятельности. [1]. Осознавая дефицит профессиональной информации, 70% респондентов вынуждены заниматься самообразованием, самостоятельно работать над повышением своего профессионального уровня. Как мы отмечали ранее, формы этой деятельности различны: посещение лекций, семинаров, чтение специальной и художественной литературы, работа в Интернете и пр. Какие задачи решает профсоюзные работники с помощью самообразования? К ним были отнесены следующие: ликвидировать дефицит профессиональной информации (80%); познать новое (62%); изучить передовой опыт коллег (44%); научиться снимать усталость, читая психологическую литературу (38%); получить удовольствие, читая художественную литературу и совершая походы в театр и концертные залы (42%). Таким образом, анализ тех задач, которые ставят перед собой профсоюзные работники, занимаясь самообразованием, показывает, что эти задачи направлены на получение и использование новой информации. Мы видим, что за счет самообразования они ликвидируют дефицит как профессиональной, так и общекультурной информации. Таким образом, это еще раз доказывает то, что информационная культура является важным условием развития как профессиональной, так и общей культуры личности. В исследовании нас интересовал вопрос о том, что препятствует систематическому самообразованию профсоюзных работников. Опрос дал следующую картину. До 70% респондентов отметило, что мешает систематически заниматься самообразованием дефицит времени (занятость на работе; необходимость работать в быту (дача, огород)); 36% опрошенных указали на усталость, состояние физического здоровья; 10% отметили собственную лень. Вновь мы видим, что основной причиной, препятствующей занятию профсоюзных работников самообразованием, является фактор времени (отсутствие его на этот вид деятельности).

Как видим, исследование показало, что самообразование является одним из ведущих субъективных факторов, влияющих на развитие информационной культуры профсоюзных работников.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, насколько влияет стаж работы (личный опыт работы с информацией) проф-

союзного работника на информационную культуру. В этом аспекте нами проанализированы знаниево-ценностные и нормативные элементы информационной культуры. Что касается знаниевого компонента, то весьма показателен тот факт, что молодые профсоюзные работники дают более высокую оценку своим профессиональным знаниям (со стажем работы до 5–7 лет), достаточно высоко оценивают умения и навыки поиска и использования необходимой информации. Однако в силу незначительного опыта работы им сложнее учитывать нормативные составляющие информационного взаимодействия: учет тезауруса, психологических особенностей профсоюзных работников. На это указало до 50% респондентов.

Исследование показало, что чем больше у респондентов стаж профсоюзной деятельности (от 20 лет и выше), тем больше они испытывают дефицит профессиональных знаний, тем меньше они владеют новыми видами информационной деятельности (создание web-сайтов, проведение видеоконференций и т.д.).

Мнения экспертов о роли стажа в формировании и развитии информационной культуры профсоюзных работников разделились. На основании интервью с экспертами можно выделить следующие точки зрения:

1) стаж профсоюзного работника положительно влияет на развитие его информационной культуры; 2) стаж профсоюзного работника не влияет на развитие информационной культуры.

Таким образом, исследование показало, что среди респондентов нет единого мнения по этому поводу. На наш взгляд, стаж работы (опыт профсоюзной деятельности) благоприятно сказывается на развитии информационной культуры. Исследование зафиксировало: чем меньше стаж работы, тем лучше профсоюзный работник владеет современными способами поиска информации, новыми формами информационного взаимодействия. Эти данные коррелируют с возрастом респондентов. Очевидно, это связано с тем, что люди младшего возраста более мобильны и более подвержены овладению новыми информационными технологиями.

Важным фактором, влияющим на информационную культуру профсоюзных работников, являются информационные потребности – потребности человека в получении новой информации и ее использовании. Исследование

показало, что 74% респондентов испытывают дефицит информации, особенно профессиональной. Казалось бы, на первый взгляд, потребности в новой информации существуют. Однако исследование показало, что у большинства профсоюзных работников (до 60%) они не сформированы. Так, 45% респондентов не всегда могут четко выразить свои информационные потребности (сформулировать цели получения разного вида информации; способы ее получения и пр.). 62% опрошенных отметили, что у них уходит много времени на поиск необходимой информации, так как слабо ориентируются в информационном потоке. А 41% респондентов довольствуются той информацией, которая оказывается для них более доступной. Это говорит о том, что у них не сформированы требования к получаемой информации (достоверность, объективность, надежность и пр.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационные потребности являются важным фактором, влияющим на развитие информационной культуры личности. В нашем случае несформированные информационные потребности у профсоюзных работников негативно сказываются на развитии их информационной культуры.

С информационными потребностями связан такой фактор, как установка профсоюзных работников на получение и использование информации. Исследование зафиксировало: у большинства профсоюзных работников сформированы установки на данные виды деятельности, что положительно влияет на их информационную культуру.

Таким образом, анализ социальных, культурных, экономических факторов формирования и развития информационной культуры современных профсоюзных работников позволил оценить две группы факторов: объективные и субъективные, определить их взаимосвязи. При этом выяснилось, что различные факторы могут оказывать непосредственное и косвенное влияние на отдельные элементы информационной культуры, действовать постоянно или только на определенных этапах ее формирования.

Ведущими факторами, негативно сказывающимися на информационной культуре профсоюзных работников, являются: недостаточное технико-технологическое оснащение труда, низкий престиж профсоюзной деятельности в обществе, несформированные информационные потребности.

1. Вершовский С.Г. Образование взрослых: реальность, проблемы, прогноз. СПб, 1994. С. 56.

2. Мертон Р.К. К теории референтно-группового поведения / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой // Референтная группа и социальная структура, М., 1991, с. 3–105.

3. Szotmpka P. Robert K. Merton: an intellectual profile. London: Macmillan Education LTD, 1986, p. 82.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

УДК 35.08

В.В. РУДОЙ

Вопросы формирования эффективного кадрового резерва управленцев были актуальными всегда. Дополнительный импульс их безусловному решению в новых условиях был придан Президентом России в июле 2008 года. Посмотрим, как работа в этом направлении выглядит на практике. В регионах Южного федерального округа были определены кандидатуры и сформированы списки резервистов; этой проблеме была посвящена научно-практическая конференция, проведенная в Северо-Кавказской академии государственной службы в феврале 2009 года.

Однако наряду с положительными сдвигами в проведении кадровой работы с имеющимся составом резервистов, которые мы отмечаем, сохраняется немало число проблемных вопросов, так или иначе тормозящих работу в данном направлении.

Как теоретикам, так и практикам перечень этих проблемных ситуаций хорошо известен. Это:

- малоэффективное использование кадрового резерва;

- кадровый резерв на государственной службе должен формироваться на конкурсной основе в строгом соответствии с Федеральным законом «О государственной гражданской службе в РФ»;

- резерв, сформированный на действующих глав муниципальных образований, будет востребован не ранее начала очередной избирательной кампании;

- резерв на лиц, замещающих государственные должности, в силу ограниченного количества этих должностей в структуре органов государственной власти субъектов РФ, не имеет и не может иметь широкого использования.

Вследствие ряда обозначенных выше практических ситуаций для большинства резервистов продвижение по карьерной лестнице в ближайшей перспективе вряд ли будет возможным, а, следовательно, и успешным.

Есть ли данному положению альтернатива? Думается, что есть. Но, чтобы она реализовалась на практике, требуется изменить сам подход к пониманию и практике использования кадрового резерва, не связывая его исключительно с кадровыми перестановками и передвижениями.

По своей сути управленческий резерв представляет собой определенную выборку успешной части нашего общества – успешной и разрозненной, атомизированной.

Возможно, следует прежде всего поставить задачу создания элитарного клуба, который уже фактом своего существования устранил вышеназванную разрозненность, а на ее место поставит нечто противоположное, а именно – общение, обмен опытом, присоединение к эффективному проекту, приглашение в ту или иную команду.

Представляется, что именно на сплочении резервистов на клубной основе нужно сосредоточиться в первую очередь. Хорошо известно, что основным принципом создания и функционирования любого клуба выступают факты объединения по интересам и совместного обсуждения общих проблем. Переводя рассуждения в практическую плоскость, отметим, что база для элитарных клубов, например, на Юге России, имеется хорошая – это ряд престижных высших учебных заведений, в числе которых две региональные академии государственной службы, теснейшим образом сотрудничающие с органами государственной власти и местного самоуправления Южного федерального округа. Имеются финансовые средства, предусмотренные бюджетом субъектов РФ на переподготовку, повышение квалификации и стажировку государственных и муниципальных служащих.

Работу клуба можно квалифицировать как дополнительное профессиональное образование резервистов на менее формализованной, но сугубо профессиональной основе, где преподаватель выступает модератором, а формы обучения трансформиру-

ются содержательно и организационно – в активные.

В предложенном варианте имеется некий момент недосказанности, а именно, – не всегда достаточно высокий профессиональный уровень преподавателей, осуществляющих подготовку управленческих кадров.

Специалистами Северо-Кавказской академии государственной службы был проведен выборочный социологический опрос руководителей и специалистов кадровых служб органов исполнительной власти субъектов Южного федерального округа (январь 2009 года).

Цель опроса – выявление проблем, определение перспектив дальнейшей работы с кадровым резервом на региональном уровне.

Результаты опроса убедительно подтвердили, что возможности высших учебных заведений региона в кадровой работе используются неэффективно, если не сказать плохо. Так считают 39% респондентов, и около 18% (17,6) вообще не пользуются этими возможностями.

Расхождение между желаемым и действительным лежит в принципе на поверхности.

Работники высшей школы, конечно же, опираются на фундаментальные научные знания, которые, к сожалению, далеко не всегда уравниваются столь же основательными практическими аргументами в конкретных предметных областях знания.

На это обратил внимание и Президент РФ Д.А. Медведев, отметив в своем послании Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 года, что одним «из сдерживающих факторов экономического развития Северного Кавказа является низкое качество образования, особенно вузовского». Глава государства категорически требует принять соответствующие меры по подготовке и повышению квалификации преподавателей вузов, организации их стажировки.

Многие из этих программных целей должны решаться в системе академий госслужбы. В СКАГС, например, за неполных два года разработан и реализуется проект по повышению эффективности дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров самой академии.

Приказом ректора утверждено нормативное Положение о повышении квалификации и стажировке профессорско-преподавательского состава и руководителей структурных подразделений СКАГС.

В соответствии с требованиями Закона «О высшем и послевузовском образовании» в Положении учтено, что каждый научно-педагогический работник должен один раз за 5 лет пройти повышение квалификации. Здесь напомним, что по приказу Минобразования РФ штатные преподаватели вузов с той же периодичностью – один раз в 5 лет – обязаны проходить еще и стажировку.

Согласно Постановлению Правительства РФ стажировка является как самостоятельным видом дополнительного профессионального образования, так и одним из разделов учебного плана при повышении квалификации и переподготовке специалистов. Последний вариант, с нашей точки зрения, наиболее эффективен.

Он позволяет преподавателю, во-первых, обновить знания в рамках аудиторных занятий, во-вторых, дает возможность изучить применение новых технологий в работе органов власти.

Здесь появилось много новаций и приемов, благодаря которым управленческая практика шагнула далеко вперед. В наиболее продвинутых в этом отношении органах государственной власти и местного самоуправления накоплен большой инновационный потенциал, изучение которого следует положить в основу учебного процесса в вузах. На основании этого опыта есть чему учиться как государственным и муниципальным служащим, так и штатным преподавателям.

В нашей академии в целях эффективной увязки повышения квалификации со стажировкой на базе органов власти используется следующий механизм.

На основе индивидуальных планов профессионального развития преподавателей, утвержденных на заседаниях кафедр, на первом этапе формируется Программа профессионального развития работников СКАГС, рассчитанная на 5 лет.

Далее академия заключает соглашения с вузами, реализующими программы повышения квалификации по направлениям, предусмотренным Программой профессионального развития работников СКАГС.

Совместными усилиями вузов, заключивших соглашение, разрабатываются адаптированные учебные программы, включающие в себя модули теоретической подготовки преподавателей и их стажировки.

Базой для проведения стажировки выступают органы государственной власти и местного самоуправления, участвующие в проекте в качестве третьей стороны соглашения.

По итогам успешного освоения учебной программы и выполнения программы стажировки принимающий вуз выдает преподавателю СКАГС удостоверение или свидетельство о повышении квалификации.

Таким образом, педагогические кадры, осуществляющие подготовку государственных и муниципальных служащих, получают возможность систематически обновлять свои теоретические знания, а также осваивать современные методы и технологии работы органов власти. В итоге мы получаем профессионально подготовленного преподавателя, обладающего новыми знаниями и навыками работы в системе государственного и муниципального управления и, как следствие, повышение качества профессионального образования самих государственных и муниципальных служащих.

Для стимулирования преподавателей к получению новых знаний и навыков в академии налажена система поощрения преподавательского корпуса.

Преподавателям, прошедшим подготовку, включаются в их учебную нагрузку 72 академических часа.

Если повышение квалификации в результате завершилось установлением новых форм взаимоотношений с другим вузом или органом власти, что нашло, например, отражение в различных бонусах для академии (например, бонусов, связанных с расширением контингента слушателей, заключением договоров на выполнение научно-исследовательских работ и т.д.), то в соответствии с Положением об оплате труда преподавателю может быть установлена ежемесячная стимулирующая выплата до 20% от должностного оклада.

Эту практику целесообразно, на наш взгляд, ввести в ранг обязательной. А поспособствовать этому могло бы закрепление в рамках Указа Президента Российской Федерации о дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих нормы, в соответствии с которой к работе с государственными служащими следует допускать только тех преподавателей, которые прошли повышение квалификации и стажировку по предложенной схеме. Полагаю, что именно этот принцип вполне отвечает идеологии повышения профессионального уровня преподавательских кадров, заложенной в послании Президента Федеральному Собранию, более того, он мог бы

стать действующим правовым механизмом решения указанной проблемы.

Следующее перспективное, на наш взгляд, направление работы высших учебных заведений – это создание перспективного резерва кадров из числа старшекурсников, аспирантов, молодых преподавателей с целью их целенаправленной подготовки к будущей управленческой деятельности. Опрос, проведенный специалистами СКАГС в январе 2009 года, показал, что, несмотря на отдельный скептицизм (24,5% опрошенных), почти три четверти экспертов (73,5%) позитивно оценивают этот потенциал.

Что должен представлять собой молодежный резерв и как с ним работать?

Вот несколько конкретных фактов на этот счет. Из стен Северо-Кавказской академии государственной службы ежегодно выходит примерно 1,5 тысячи дипломированных специалистов.

В среднем 15% из них (каждый шестой – седьмой) получают дипломы с отличием. Берем мы очень толковых ребят, выбирать есть из кого. В 2009 году конкурс заявлений на очное отделение на все факультеты академии составлял 20,4 заявления на одно место. Средний балл по трем предметам ЕГЭ – 222,5. При этом только 5% выпускников этого года обратились в службу занятости за помощью в трудоустройстве. Можно утверждать, что выпускники региональных академий государственной службы востребованы органами власти, бизнес-структурами и в жизни, как правило, добиваются успеха.

Однако качественную широкомасштабную подготовку специалистов в вузе, думается, не следует отождествлять только с работой по подготовке молодежного управленческого резерва.

Резерв – это золотой, так сказать, кадровый капитал, элита. На наш взгляд, политическая элита и формирование резерва управленческих кадров – эти два явления теснейшим образом взаимосвязаны. Только на путях формирования управленческой элиты можно создать эффективный кадровый резерв. Не побоюсь использовать здесь такой термин, как селекция.

В краткосрочном временном интервале ее можно проводить путем отбора и объединения, даже неформального, лучших представителей управленческой подсистемы общества. Именно эта работа проведена за 2008-2009 годы в субъектах РФ в соответ-

ствии с поручением Президента по формированию списков резервистов, то есть вести отбор, что называется, с молодых ногтей.

Реализуя совместно с администрацией Ростовской области подобный проект, мы ввели в действие институт стажеров, в соответствии с которым в Северо-Кавказской академии государственной службы создано специализированное структурное подразделение – Центр планирования и развития карьеры выпускников. Одной из задач центра является мониторинг состояния качественного состава студентов и выявление лучших из них в разрезе успеваемости, научной, общественной работы, спортивной подготовки, участия в творческой и культурной жизни академии.

На выпускном курсе специалисты Центра проводят собеседование и психологическое тестирование с отобранными претендентами на предмет выявления того, кто из них может выстроить траекторию своей профессиональной карьеры или в вузе, или в органах государственной власти и местного самоуправления.

Заключение по каждой отобранной кандидатуре передается в Центр информационно-методической работы и подготовки кадров области. Подобная информация поступает от всех вузов, участвующих в проекте.

Наделенная полномочиями комиссия администрации области отбирает лучшую десятку студентов (по сути – выпускников), которым присваивается статус стажеров, и с каждым заключается трудовое соглашение.

Отобранные таким образом стажеры ректорским приказом назначаются на должности аналитиков в отдел по работе с молодыми учеными Учебно-научного центра СКАГС. Каждый из них поступает в аспирантуру академии.

Тематика их диссертационных работ согласуется с Центром информационно-методической работы и подготовки кадров администрации Ростовской области. В качестве стажеров и в соответствии с темой диссертации они закрепляются за тем органом государственной власти, который является для них профильным.

В качестве аналитиков отдела по работе с молодыми учеными стажеры в обязательном порядке включены в работу по реализации научных проектов, выполняемых по

заказам органов государственной власти и местного самоуправления в соответствии с индивидуальным планом подготовки диссертационной работы и планом стажировки в органах власти Ростовской области. К стажеру присоединяются, как правило, один – два студента выпускного курса, работающих над дипломным проектом по родственному тематическому направлению.

Создается, таким образом, некая творческая лаборатория, коллектив которой составляют:

- представители органов государственной власти – кураторы стажеров;
- научный руководитель диссертационной работы стажера;
- руководитель конкретного научно-исследовательского проекта, в реализации которого участвует стажер;
- сам стажер;
- и студент, в подготовке дипломного проекта которого стажер участвует в качестве консультанта.

Эксперимент, можно сказать, пионерский, уникальный и эффект от его реализации может превзойти самые смелые ожидания. Во всяком случае мы рассчитываем получить высокопрофессионального специалиста, обладающего глубокими теоретическими знаниями, и, вместе с тем, конкретным опытом и навыками практической работы, приобретенными в ходе реализации инновационного проекта, целью которого выступает повышение качества и эффективности государственного и муниципального управления.

Иначе говоря, можно получить прочный сплав науки и практики, получить кадровых элитных специалистов, которые одинаково комфортно будут чувствовать себя как в учебной аудитории, так и при исполнении государственной должности, где надо будет принимать те или иные управленческие решения.

Специалист подобного уровня и формации будет и мыслить, и работать в инновационном русле, умело и с пользой для дела реализовывать свой научный потенциал. Думается, что именно такие специалисты уровня кандидата, доктора наук нужны сегодня в управлении.

Именно они и должны составить тот кадровый резерв, ту управленческую элиту, за которой будущее.

ШОУ-ПОЛИТИКА: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА

УДК 32.019.51+323

О.Ф. РУСАКОВА

Истоки феномена шоу-политики восходят к глубокой древности, когда процесс укрепления государственности неизменно сопровождался подробной разработкой сценариев массовых зрелищ, политической символики и ритуалов. Церемонии коронации, восхождения на престол, принятие послов, княжеские пиры, королевские рыцарские «круглые столы», чествования триумфаторов и другие символические действия отличались впечатляющей пышностью, богатством красок, развлекательных визуальных моментов, эмоциональной пафосностью. Кроме того, весомый вклад в дискурсивное разнообразие шоу-политики внесли религиозные институты, освящая политические церемонии конфессиональной ритуальностью.

Сегодня внимание политологов и PR-специалистов к дискурсу шоу-политики заметно усилилось [6; 8, с. 177–187; 9]. Если говорить кратко, то *шоу-политика* представляет собой активное внедрение в политические и PR-коммуникации шоу-технологий, которые сегодня формируют способы жизнедеятельности массовой культуры в обществе массового потребления. «Развлекай и властвуй» – вот главный девиз шоу-политики.

Шоу-политика – прямая наследница двух типов культурной коммуникации – театрализованного спектакля и шоу-бизнеса. О том, что современное общество есть общество спектакля, еще в 60-е гг. прошлого века писал французский исследователь Ги Дебор [1].

Шоу-бизнес – это часть рыночной потребительской культуры. В нем символический обмен оборачивается утилитарным обменом, инвестиции в производство шоу, потребляемое массовым зрителем, являются выгодным капиталовложением.

Политику, театр и шоу-бизнес объединяет обязательное присутствие во всех трех типах коммуникации игрового начала. Участниками политической игры выступают политические акторы, у которых есть особые амплуа – вождь, лидер, соратник, оппонент, оппозиционер, критик, аналитик. Есть также определенные правила политической игры, зафиксированные в законодательных актах, указах, протоколах, традициях, ритуалах.

В шоу-бизнесе, как и в реальной политике, игра носит остро конкурентный характер. И там и там выигрывает тот, у кого больше

ресурсов – экономических, информационных, творческих.

Кроме того, современная политика, как и шоу-бизнес, не могут успешно развиваться без таких средств и источников влияния, как СМИ, реклама и PR. Мы живем в мире, где происходит непрерывное расширение политического и культурного пространства, подчиненного воздействию данных властных ресурсов. Именно в этих сферах оттачиваются сегодня эффективные способы воздействия на публику посредством шоу-дискурса.

В буквальном смысле слова «шоу» – это представление, перформанс. В отличие от театрального представления, разыгрываемого спектакля на театральной сцене шоу носит *интерактивный* характер. В шоу актеры и зрители, если и разделены в пространстве, то не рампой, а экраном. В телевизионной студии, на улицах и площадях между выступающими и зрителями коммуникативные барьеры сведены к минимуму. Для шоу это очень важно, поскольку одна из его главных задач – *вовлечение публики* в игровые моменты происходящего на ее глазах действия. «Играют все – вот принцип производства шоу».

В связи с тем, что в игру вовлечены все участники шоу, шоу приобретает черты карнавальной культуры. Карнавальная культура, как известно, выполняет функцию организации праздника, который позволяет людям выйти за рамки и нормы повседневности, вырваться из рутины жизни [6, с. 68–76]. Идеальный карнавал – это тот, где все носят маски и карнавальные костюмы, где серьезность не приветствуется. В этом плане подлинное шоу, содержащее элементы карнавальной культуры, будет заметно отличаться от пафосной серьезности религиозных и политических церемоний, которые, на наш взгляд, можно назвать шоу с определенной натяжкой. Точно так же серьезный спектакль и серьезный кинофильм, относящийся к разряду арт-хаусного кино, не вполне подпадают под наименование «шоу».

Карнавальный компонент характеризует дискурс разнообразных телевизионных ток-шоу. Функцию масок здесь выполняют определенные роли-амплуа: ведущий ток-шоу, оппоненты, группы поддержки, интерактивный зритель. В последнее время все чаще карнавально-игровой шоу-стиль становится неизменным атрибутом

политических кампаний и акций, включая избирательные кампании и партийные съезды.

Празднично-карнавалный характер шоу отвечает определенному заказу общества массовой культуры и массового потребления. Таким является *гедонистический заказ* – заказ на получение удовольствия особого рода. Характер ожидаемого от шоу удовольствия сродни удовольствию, получаемому от галлюциногенных препаратов.

Что же в дискурсе шоу отвечает массовому заказу на грезу и удовольствие? Не менее важным, а то и главным для понимания особенностей дискурса шоу, является вопрос о том, *какие властные ресурсы заложены в шоу-дискурсе?*

В ответ на данные вопросы мы предлагаем к рассмотрению следующий список атрибутивных черт шоу-дискурса: зрелищность и иллюзионистичность; интерактивность; презентационность; анипулятивность и маркетинговая прагматичность; карнавальность; гедонистичность; звездность (культивирование идолопоклонства у публики перед экранными знаменитостями).

Понятие *звезды* – важнейшая категория шоу-политики и политического маркетинга. Под звездой подразумевается успешная личность, организация или успешное сообщество, обладающие характеристиками политического бренда, а точнее – *медиабренда* [4; 8, с. 85–87; 11]. В политическом шоу в качестве звезд выступают легко узнаваемые, популярные и раскрученные политические лидеры, высокопоставленные чиновники, а также звезды шоу-бизнеса, кино, театра, спорта. С помощью звезды значительно проще и легче продать идею, улучшить имидж партии, движения, заразить необходимой эмоцией массового зрителя. За звездой уже тянется шлейф легенд, мифов, устойчивых образов успеха и побед, доверия и внимания к ней публики, которые экстраполируются зрителями на главных героев представляемого перед ними шоу. Любая звезда политического шоу выступает олицетворением и носителем определенных благ. При этом она разыгрывает спектакль личной преданности той или иной системе ценностей.

Дебор вводит в оборот понятие абсолютной звезды. Абсолютная звезда – та, чей спектакль построен на образе всеобщего блага, олицетворением которого она сама и выступает: «Навязываемый в ее спектакле образ блага вбирает в себя всю полноту того, что существует в качестве официально признанного, и, как правило, концентрируется на одном человеке – гаранте ее тоталитарной сплоченности. С этой абсолютной звездой каждый должен либо магически отождествиться, либо исчезнуть» [1, с. 43].

В соответствии с нашей трактовкой шоу выделим главные особенности дискурса шоу-политики.

Прежде всего, отметим такую особенность дискурса шоу-политики, как *преобладание визуально-чувственных компонентов над рационально-рассудочными*. В этом плане дискурс шоу-политики вполне соответствует общей мировой тенденции развития культуры в информационном обществе, которая характеризуется широким распространением визуальной метафоры [2] и тотальной визуализацией символического пространства посредством СМИ и рекламы [12]. Культура слова или вербальная культура стремительно вытесняется видеокulturой. Главным источником политической и иной информации становятся экранные СМИ (ТВ, Интернет, кино). Основная экранная продукция – картинки, анимационные, виртуальные образы. Озвученная картинка, как известно, обладает гораздо большей суггестивной силой, чем вербальные знаки. Ее эмоциональный заряд, связанный со зрелищно-развлекательной наглядностью, часто берет верх перед рациональным компонентом в массовом сознании. Экранные образы того или иного политического события, представленные яркой эмоциональной картинкой, воспринимаются как более достоверные свидетельства, чем те, которые описываются строчками газетных текстов. В этой связи основная конкуренция в политическом информационном пространстве разворачивается на полях сражений визуальных (экранных) дискурсов. Здесь побеждает тот, чей дискурс окажется наиболее зрелищным, суггестивным и агрессивно-массированным. Именно такая конкурентная борьба экранных политических дискурсов развернулась в мировом информационном пространстве во время и после российско-грузинского конфликта на Кавказе [3].

Другая важная черта политического шоу-дискурса – *способность к расширению символического пространства* благодаря визуальной доминанте. Данное свойство активно используется политтехнологами. Примером может служить массовая раздача гражданам на улице, а также владельцам машин, георгиевских ленточек накануне празднования Дня Победы. В итоге каждый повязавший ленточку становится приобщенным к символическому действию, политической игре. У тех, кто оказался вовлечен в игру, возникает определенное чувство удовольствия от причастия к общему смысловому полю. Аналогичная технология была применена в Киеве в дни «оранжевой революции». Тогда носителями оранжевых ленточек стали не только люди и транспортные средства, но также деревья и животные. В результате возник визуальный эффект

тотального повсеместного присутствия сторонников революции. Другой технологией, берущей на вооружение массовую зрелищность шоу-дискурса, является технология флэш-моба.

Шоу-дискурс представляет собой структурно-процессуальное зрелище, обладающее жанровой спецификой, фазовой дискретностью и особым нарративом.

В структурно-процессуальном плане шоу-дискурс представляет собой единство и последовательное разворачивание 4-х фаз.

Фаза 1. Постановочное стратегическое проектирование.

Данная фаза включает разработку и артикулирование следующих стратегий:

- стратегия маркетингового продвижения (промоушн) посредством имиджирования определенных групп, лиц, организаций,

- стратегия эмоционального заражения (манипулятивно-психологические приемы активизации и тонизирования массового восприятия шоу),

- драматургические и режиссерские стратегии – замыслы (сюжето-конструирование, отбор исполнителей, композиция мизансцен, монтаж и др.),

- стратегия зрелищной наглядности (создание эффектных декораций, креативный дизайн одежды основных исполнителей, визуальные спецэффекты),

- стратегия присоединения звезды в реальном времени и виртуально,

- стратегия интерактивной коммуникации и группового сплочения.

Фаза 2. Перформанс (исполнительская реализация стратегических замыслов). Данная фаза состоит из следующих опций:

- психологический «разогрев» публики (тизинг),

- презентация основных участников шоу,

- ролевая интерактивная игра (реализация драматургических и режиссерских замыслов);

- поощрение (поздравления, призы, премии, награды, подарки) как пролонгация удовольствия от игры.

Фаза 3. «Послевкусие»: отклики, воспоминания и вторичные образы шоу.

Фаза 4. Интеграция в семиосферу политической макрокультуры: запечатление на текстовых и электронных носителях, потребляемых массовыми политическими сообществами.

Жанровые особенности шоу, накладывающие отпечаток на характер его дискурса, связаны с особенностями конкретных стратегических замыслов, тематикой, а также – с определенными художественными и информационно-техниче-

скими способами представления шоу. Большинство жанров политических шоу рождены и демонстрируются на телевидении.

Существуют также особые жанры публичных политических шоу, к которым можно отнести следующие: праздничный парад, церемония открытия памятника национальному герою, государственному и общественному деятелю, съезд политической партии, встреча кандидата с избирателями, церемония инаугурации, марш протеста, митинг, пикет, презентация политического текста, символа, знаковой фигуры и т.д.

Следует отметить, что дискурс презентационных шоу [5] выстраивается в соответствии с определенными постановочно-исполнительскими требованиями: 1) «клиповость» (динамичная смена сценических «картинок»); 2) *драматичность* (развитие главной сюжетной линии от зачина к кульминации, от кульминации – к саспенсу); 3) *цикличность основного мессиджа* (вначале сформулированный мессидж должен непрерывно получать разнообразные свои воплощения, материализуясь перед публикой в визуально-вербальных, аудиальных, игровых и иных формах и фигурах); 4) *яркость и эмоциональная эффективность* транспируемых образов.

«Клиповый» характер дискурса презентационного шоу продиктован задачей обеспечения аудитории и непрерывной новизной и сменой впечатлений. Опытные пиарщики и шоу-мейкеры знают, что клиенту не надо давать опомниться от шоу-атаки. Зрелище должно постоянно удерживать внимание публики, развлекать ее все новыми «переменами блюд». Все сюжеты в информативно-образном плане должны быть плотно приторочены друг к другу.

Перформанс шоу может осуществляться либо по нормативному принципу «игры по правилам», либо по принципу управления неопределенностью с применением открытой модели.

Нормативная модель шоу предполагает разворачивание представления строго по плану, по заранее установленным правилам игры.

При использовании *открытой модели* в его сценарном проекте закладываются только рамочные условия проведения представления, расписываются более или менее подробно только главные стратегии шоу и стратегические имиджи презентаторов. Определяются также основные моменты, когда необходимо подключение к действию публики. Конкретные же ходы и повороты интерактивной игры с публикой детально не просчитываются, вмешательство шоу-мейкеров носит главным образом медиативный характер. Данная модель используется при организации следующих перформансов: разговоры с политиком-звездой в прямом эфире, выход политика

в народ, зафиксированный СМИ, политические теледебаты.

Фаза перформанса шоу-дискурса в обязательном порядке содержит презентационный компонент, который имеет свою динамическую нарративную структуру.

Нарративный компонент перформанса шоу-политики представляет собой цепочку презентационных шагов, выливающих в целостный или фрагментарный рассказ о главном герое шоу. Каждое звено данной цепочки призвано раскрыть перед публикой ту или иную привлекательную грань продвигаемого образа. К примеру, нарративными компонентами шоу, обозначаемого как «встреча кандидата в президенты с избирателями», являются печатные, визуальные или устные рассказы биографического характера о продвигаемом кандидате, содержащие в обязательном порядке сведения о его «подвигах» – достижениях в области профессиональной, общественно-политической и личной жизни.

В целях усиления у публики чувства доверия к кандидату политический презентационный нарратив должен обладать *амбивалентным дуальным характером*, иначе говоря, должен отвечать сразу двум, на первый взгляд, совершенно противоположным требованиям: 1) раскрывать образ кандидата по формуле «один из нас», 2) говорить о кандидате, как об уникальной личности, способной решать лучше других проблемы нации. Соединение в одном презентационном нарративе элементов тождественности с народом

и превосходства в уникальности лучше всего отвечает таким важным эмоционально-ментальным потребностям публики, как идентификация с лидером и присоединение к успеху будущего руководителя нации.

Убедительность формируемого посредством презентационного нарратива образа политического лидера будет значительно усилена, если включить в его содержание сюжеты, раскрывающие достижения кандидата сразу в плане двух имиджевых архетипов: 1) архетип строгого, но справедливого «отца», 2) архетип заботливой «матери». Именно на данных дуальных схемах были в свое время построены политические шоу, продвигающие в президенты России кандидатуру Д.А. Медведева. С одной стороны, образ кандидата раскрывался посредством рассказов о его студенческих годах и карьере государственного служащего (реализация модели «один из нас»), с другой стороны, Медведева позиционировали в качестве фигуры, добившейся наилучших успехов в плане реализации национальных проектов (модель уникально успешного лидера). В то же время в транслируемых по центральным каналам телесюжетах говорилось о том, что Медведев только на первый взгляд кажется мягким руководителем, а на самом деле он умеет строго спрашивать с ответственных лиц за порученное дело (архетип «отца»). Одновременно повествовалось о том, как Медведев озабочен выполнением планов по улучшению здоровья, благополучия населения, увеличения роста рождаемости и т.п. (архетип «матери»).

1. Дебор, Ги. Общество спектакля. / Пер. с франц. С. Офертас и М. Якубович; Под ред. Б. Скуратова. Послесловие А. Кефал. М. 2000.

2. Зенкова А.Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004.

3. «Круглый стол» «Объективность средств массовой информации в условиях политического противоборства общества: послесловие к российско-грузинскому конфликту в августе 2008 г.». (Швеция, Финляндия, Россия) // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы. / Под общей редакцией О.Ф.Русаковой. 2 октября 2008 г. Том 1. Екатеринбург. 2008.

4. Музыкант В.Л. Формирование бренда средствами рекламы и PR: Учеб. пособие. М. 2004.

5. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М. 2007.

6. Петрик А.Н., Петрик О.В. Карнавальный язык политики // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004.

7. Русакова О.Ф. Дискурс шоу-политики // БЕЗ ТЕМЫ. Научный общественно-политический журнал. 2008. № 1.

8. Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Дискурс политического бренда // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2007. 24 (96). Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 9.

9. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург. 2008.

10. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии. Материалы дискуссии. // Полис. 2004. № 4.

11. Устюжанина Д.Н. Дискурс бренда «Россия» // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах, выпуск 8. 2009.

12. Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов-на-Дону. 2006.

ЛИБЕРАЛЬНО-ЗАПАДНИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 32с

В.А. ДУБОВЦЕВ

Идеологические воззрения на русскую историю и современную ситуацию в России крайне поляризованы. Разумеется, есть множество срединных, половинчатых, «центристских» взглядов, но вести анализ целесообразно именно с крайних полюсов. В данной работе анализируются наиболее популярные в перестроечный и постперестроечный период, но имеющие сторонников и в настоящее время, либерально-западнические интерпретации российской истории и современности. Обычно приверженцы этой позиции противопоставляют свои взгляды как «патриотам-державникам», так и официально-центристской идеологии. Важнейшими темами и пунктами расхождения представляются:

1) характер политической культуры и менталитета русского народа (и шире — населения России),

2) государство, власть, отношение между властью и народом, государством и подданными (гражданами);

3) социальное и экономическое развитие российского общества;

4) проблема империи, отношения России с малыми народами, окраинами, «ближним зарубежьем»,

5) Россия на внешней арене (прежде всего в отношениях с Европой и Западом).

Рассмотрим следующую концепцию формирования идеологий, которую будем далее называть референтно-конфликтной. Идеология группы (социального слоя и т.д.), как правило, заимствует основные идеи, смыслы, тезисы из источников, ассоциированных с референтным для данной группы социальным субъектом или социально-исторической целостностью (словом, классом, страной, культурой). Эти смыслы трансформируются, во-первых, в соответствии с политическими интересами группы, осознаваемыми в контексте образа текущей ситуации, во-вторых, как инверсия по отношению к идеям и лозунгам основных политических противников и конкурентов, в-третьих, с ориентацией на привлечение

сторонников через приближение лозунгов к известным массовым настроениям.

Согласно гипотезе, полученной на основе этой концепции, современные социальные группы в России, заинтересованные в модернизации страны по образцам «развитых цивилизованных стран» (читай западных), должны наиболее активно заимствовать идеи и смыслы западной же идеологии мейнстрима, преобразуя их в соответствии с образом текущей ситуации, противопоставляя идеям и лозунгам основных политических противников и подстраиваясь, хотя бы отчасти, к наличным массовым настроениям.

При всей пестроте образов ситуации в либерально-западническом лагере явным инвариантом является разочарование в общих результатах перестройки и постперестроечного периода, фрустрация, связанная с неудачей прямого применения либеральных идей на российской почве. Осмысление той неудачи должно было привести к разделению мнений и позиций, что, как увидим далее, и произошло.

Прежде всего обнаруживаются весьма резкие расхождения в трактовке исконных ценностей культуры и менталитета русского народа в самом либерально-западническом лагере. Большая часть авторов весьма критически оценивают характеристики русского менталитета, рассматривая их с современных либеральных позиций. Наиболее резко пишет Ю. Афанасьев о столетиях «угнетения и духовного рабства» [1], Е. Гайдар, В. Инземцев и др. используют более мягкие формулировки, но, по сути, воспроизводят ту же позицию. Столетия рабства сформировали рабское сознание. Оно несовместимо с требованиями современного общества (модерна) и поэтому должно быть преодолено. Как именно преодолено — медленно и щадяще, либо быстро и резко — это уже частности. Здесь для нас важна общая негативная оценка. Кроме того, в данной модели уже просвечивает более глубокая историческая

схема, а именно модернизационная модель. Действительно, согласно этой позиции «рабское сознание» характерно для традиционных обществ. В России же, находящейся в переходном периоде (транзите) к современному либеральному и демократическому обществу, такая политическая культура и такой менталитет являются пережитками, досадными рецидивами из прежнего деспотического традиционного общества.

Один из наиболее ярких и авторитетных либеральных мыслителей А.Л. Янов проводит совершенно иную линию. Он критикует Е. Гайдара за то, что он квалифицировал Россию в своей книге «Государство и эволюция» (1995 г.) как «патерналистскую цивилизацию», тем самым смыкаясь с державниками и западными «деспотистами» (западными авторами, утверждавшими тотальность и безысходность деспотического режима и рабского менталитета в России). А.Л. Янов видит свою интеллектуальную и идеологическую миссию в указании на вторую не менее значимую и не менее долговременную традицию в русской политической культуре – либеральную и конституционную [10]. За этим скрывается понятное стремление укоренить либеральную традицию в русской истории, блокировать привычные убеждения о наносном, чужеземном и чуждом характере идей свободы, конституционализма и правового общества для России.

Общей для тех, кто хулит и оправдывает политическую культуру и менталитет в российском прошлом, оказывается модернизационная платформа. А.Л. Янов пишет: «...“выпадая” из Европы, настаивая на своей “особости” (или, на языке известного телевизионного националиста Михаила Леонтьева, “субъектности”), выпадала тем самым Россия и из мировой науки, просвещения и вообще цивилизации» [9, с. 43].

Остроумную модель циклов восприятия и переработки западных идеологий в России предложил В.Б. Пастухов. Он насчитывает три таких цикла (восприятие греческого православия, немецкого марксизма и англо-американского либерализма). Каждый цикл включает фазы импорта, адаптации, ритуализации и деградации. Либеральный цикл В. Пастухов описывает следующим образом.

«Импорт. Активное официальное заимствование западных либеральных идей начинается с признания универсальных, «общечеловеческих» ценностей. Все то, что

до этого с яростью отрицалось, теперь сочтено примером для подражания: плюрализм, гласность, рынок, конституционализм и прочие атрибуты либеральной мысли. Горбачев никогда не рассматривал «демократию» как практическую политическую цель, но он искренне верил, что задача состоит в том, чтобы *адекватно* (!) воплотить «общечеловеческие принципы в русскую жизнь» [3, с. 58].

Здесь следует обратить внимание на два момента. Во-первых, либеральные идеи захватывают, прежде всего, часть интеллектуальной и часть властной элиты. Во-вторых, западной политической практичности противопоставляется идейный и ценностный характер первоначальной фазы идеологического импорта. Поскольку сам В.Б. Пастухов не скрывает своей симпатии к демократии и либерализму, его циклическая историческая концепция также может быть рассмотрена как часть современной либеральной идеологии. Критические выпады всегда указывают на внутренние предпосылки и убеждения критикующего. С этой точки зрения Пастухов оказывается в лагере тех, кто утверждает чуждый, внутренне неприсущий русским характер либеральных и демократических идей. Последние приходят и насаждаются извне и «сверху». Кроме того, нормальная практичность и приземленность демократических порядков и практик на Западе противопоставляется оторванному от жизни, сугубо идейному, абстрактному, прекраснодушному восприятию этих идей в России. Об этом свидетельствует нескрываемая ирония по поводу увлеченности М.С. Горбачева «общечеловеческими ценностями».

Проблема возможности и границ диалога выводит на более глубокий вопрос цивилизационного статуса России, прямо относящийся к теме культуры и менталитета. Действительно, если Россия – это неотъемлемая часть европейской цивилизации, как в унисон утверждают все классические и современные западники, то европейская культура диалога, достижения консенсуса также должна быть внутренне присуща России, значит, нужно сосредоточиться на развитии как внутреннего диалога между различными общественно-политическими силами в стране, так и внешнего диалога, прежде всего, с цивилизационно родственной Европой и Западом в целом. Если же Россия – отдельная, самостоятельная Русская (Православная, Евразийская) цивили-

зация, культурно-исторический тип (тезис, распространенный от Н. Данилевского до А. Панарина, А. Дугина и Н. Нарочницкой), то картина становится иной.

Либеральный политолог Л. Шевцова отмечает, что для России всегда были характерны «нерасчлененность власти – восприятие государства и общества как некоей единой субстанции, наконец, понимание самой власти как чего-то неделимого и неструктурированного. Нерасчлененность упрощала саму конструкцию власти, которая в рамках унаследованных нами представлений рассматривалась как своеобразная иерархия – «вертикаль» с акцентом на подчиненности и субординации» [7, с. 199].

Заметим, что нерасчлененность подается здесь как негативная характеристика, что прямо соответствует и одновременно контрастирует с превозношением всякого рода «целостности» русского мирозерцания и общественно-политического устройства в почвенно-державническом дискурсе.

Второй важнейший момент либерального воззрения на власть – это стремление к ее десакрализации. Особенно ярко это проявляется в критике либералами-западниками державно-почвеннических представлений о государстве, как правилу, содержащих если не божественный, то мистический компонент [8, с. 95].

Пожалуй, можно говорить также об антирелигиозном, по крайней мере, антиклерикальном настрое большинства современных российских либералов, что проявлялось уже на гребне перестройки. Неприязнь к православию тесно связана с неприятием старой дореволюционной России и неприятием империи [6].

Наиболее яркую и внятную либеральную концепцию происхождения и особенностей русской власти представил А.Л. Янов. Он считает, что Иван Грозный совершил самодержавную революцию сверху и задал на многие столетия вперед стереотип отношений между властью и народом [10].

М. Покровский остроумно сравнивал земские соборы с последующими бесчисленными бюрократическими комиссиями: «и там, и тут правительство имело перед собой «свои собственные орудия», готовые исполнить его предначертания» [5].

Современный историк либерального направления Ю.С. Пивоваров делает по этому поводу весьма сильное утверждение

о прямо противоположной роли наших народных представительств в сравнении с ролью, которую играют их западные аналоги [4, с. 14].

Авторы либерального направления не отрицают исторической значимости модернизационных рывков при Петре I и Сталине, но сосредотачивают усилия на доказательстве их невоспроизводимости в современной России [2, с. 367].

Заведующий отделом социально-политических исследований Левада-Центра, социолог выраженной западнической ориентации Л. Гудков считает, что данный стереотип русской власти проявился даже в годы перестройки: «Разложение старой партийно-хозяйственной советской номенклатуры в 1989 – 1991 гг. сопровождалось выделением реформистских фракций, взявших верх в руководстве России и других союзных республик... Но сам принцип конституирования общества «сверху вниз» – формирование «управляющего контура» и затем реорганизация зависимых от него подсистем общества – не изменился...» [«Независимая газета», 28.05.2004].

Поворот к авторитаризму в начале XXI в., достаточно веско поддержанный основной массой населения России, приводит либералов к мысли, что никакого «транзита» не происходит, просто после очередной демократической оттепели прежний стереотип русской власти восстановился [2, с. 367].

Обращает на себя внимание не только понятная резко негативная оценка авторами либеральной направленности текущих трансформаций политического режима в России, но также постоянный рефрен возвращения к образцам либо царской России, либо СССР, либо к извечным общероссийским традициям. Глубинную концептуальную основу таких воззрений составляют две главные схемы: циклическая и аттракторная. Циклическая модель подразумевает наличие некоторого внутреннего механизма, обуславливающего маятниковые движения: краткие порывы к более либеральным режимам и непрямые возвраты к авторитаризму. Такого рода модели развивали А. Янов, а также А. Ахизер, Р. Вишневский, В. Лапкин, Ю. Пастухов, В. Пантин, Н. Розов, А. Фурсов и др. Аттракторная модель предполагает существование некоторого центра притяжения, в данном случае, неизбывного характера русской власти, который оказывается сильнее

всех внешних и спорадических воздействий и рано или поздно вновь притягивает к себе: восстанавливаются инвариантные характеристики той же русской власти. Наиболее ярко эта модель представлена в работах Ю.С.Пивоварова.

А. Погорельский в своей работе о преимуществах т.н. «социального либерализма» выделяет и противопоставляет друг другу две модели социально-экономического устройства. «Первая — это социально-рыночная модель, в которой (идеально конечно) люди получают достойную заработную плату, не воруют, платят налоги, доверяют своему государству, пользуются государственной защитой своих прав и возможностей.

Вторая модель — та, в которой мы живем, — посттоталитарно-рыночная. В посттоталитарно-рыночном обществе люди получают за редким исключением небольшую зарплату, воруют (и даже когда получают большую зарплату, продолжают воровать). Это общество, где люди стараются, по возможности, уходить от уплаты налогов, не доверяют своему государству, пытаются войти в дружеские, коррупционные связи с чиновниками. Преимущества в конкурентной борьбе в такой системе дает не высокая эффективность бизнеса, а близость к власти».

Рассмотрим теперь либеральные взгляды на т.н. «имперский» аспект российской политики в прошлом и настоящем. Очевидно, что огромная территория Российской империи, большей своей частью доставшаяся и Советскому Союзу, была следствием военной и мирной экспансии, неуклонного территориального расширения Москвы и позже Питерской России на все новые пространства.

То, что греет душу державникам, как правило, беспокоит либералов. Для последних главное — не величина территории, а социально-экономическое, политическое, технологическое развитие, измеряемое обычно по западным стандартам. В таком аспекте, оказывается, расширение Россией своих пространств не способствует, а напротив, препятствует развитию и прогрессу. Об этом, в частности, пишет историк явно либерально-западнического направления И.Г. Яковенко: «Самовоспроизводство максимально архаизированного традиционного общества было возможно только путем переселения на «ничейные» пространства» [8, с. 89].

С этой точки зрения «распад» («развал») империи — не трагедия, а благо. Ценностью для либералов является не империя, а современное национальное государство. Распад империи — шанс создания такого государства [8, с. 92].

В либеральной трактовке воссоздание империи в форме СССР — историческая гордость современных державников — не победа, а досадный откат назад, причем потребовавший огромное число жертв, а главное — напрасный и, что самое любопытное, противоречащий интересам самих русских [8, с.92].

Обращает на себя внимание резкое неприятие большинством либералов всего, что так или иначе напоминает великодержавие. Как можно было предугадать, оно напрямую связывается с привычно негативной оценкой российской власти и бюрократии.

Великодержавные, имперские идеалы своих оппонентов либеральные идеологи трактуют в терминах закономерных и всегда тщетных стремлений к реставрации.

Излюбленный тезис западников — изначальная принадлежность России к европейской цивилизации. Собственно, смысловой стержень западничества как раз и состоит в призыве к закономерному и насущно необходимому «возвращению» России в Европу. Если нужно возвращаться, то был выход, уход от Европы и европейскости. Такие досадные для западников уходы А. Янов называет «отпадениями», вызываемые ложными сомнениями в изначальном европействе России. Если мы возьмем на вооружение модель циклических движений между двумя аттракторами, то картина окажется совсем иной. Каждое «отпадение» по А. Янову (наиболее яркие: грозненское, николаевское и сталинское) вызываются не только «притяжением» со стороны аттрактора авторитарного традиционного политического режима, но также «отталкиванием» со стороны аттрактора европейского, «модернизационного». Резонно предполагать, что именно эти силы приводят и к появлению (усилению, росту легитимности) лидера, делают правдоподобной и популярной соответствующую антизападную идеологию, особенно в кругах властной элиты, дискредитируют российские прозападные круги, разводят Россию и европейские державы-лидеры по разным геополитическим лагерям. Как именно это происходит, — предмет самостоятельного

исследования. Здесь же отметим не досадный и случайный, а вполне закономерный характер регулярных «отпадений» от Европы и Запада, о которых пишет А. Янов.

На основе обзора и анализа либерально-западнических воззрений на российское прошлое и современную ситуацию России в аспектах политической культуры и менталитета, власти и государства, социально-экономической сферы, территориального и национального аспекта, отношений с Европой и Западом сделаны следующие выводы. Концептуальными и мировоззренческими основаниями либерально-западнического идеологического направления являются:

* Ставка на разум, аналитичность, расчлененность мышления, расчлененность власти и общества, власти и собственности, разделение самих властей.

* Недоверие к отвлеченным, абстрактным идеалам и ценностям, установка на практичность, прагматизм.

* Секуляризованный антропоцентризм с акцентами на индивидуализме или добровольных сообществах.

* Однолинейный эволюционизм как основа концепции модернизации (общества должны становиться «современными» и следовать наиболее продвинутому образцам).

* Национально-исторический негативизм (прошлое страны — серия неудачных попыток модернизации, «отпадений» от Европы и откатов к досовременности).

* Отчуждение от интересов и забот власти и бюрократии.

Есть существенные различия между крайним либерализмом (либертарианством) и социальным либерализмом, во многом близким к социал-демократии. Для крайнего либерализма (который уже почти никто открыто не защищает в России) характерны:

* Фритредерский антиэтатизм в экономике (государство не должно управлять экономической жизнью, но лишь предоставлять необходимое обеспечение для максимально свободного производства и торговли).

* Социал-дарвинизм с прикрытием гражданско-правового эгалитаризма (успеха закономерно добиваются сильнейшие, зато всем формально даны равные гражданские и политические права).

Как сильные, так и слабые стороны либерально-западнической идеологии следует учитывать, особенно при возможных сдвигах к либерализации общественно-политической жизни России при третьем российском президентстве, что ожидается многими аналитиками.

-
1. Афанасьев Ю. Феномен Познера // Новая газета № 35 (1157) 15.05 – 17.05.2006
 2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.
 3. Пастухов В.Б. Конец русской идеологии. Новый курс или новый путь? // Полис: Политические исследования. – 2001. – № 1.
 4. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис: Политические исследования. – 2006. – № 1.
 5. Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 2 // М., 1965. – 474 с.
 6. Ципко А. Перестройка, или бунт против марксистских запретов // Стратегия России. – 2005. – № 12.
 7. Цит по: М.М. Лебедева: Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития. М.: Экономика. – 2001.
 8. Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис: Политические исследования. – 1997. – № 4.
 9. Янов А. Идейная война. Эпигоны, либералы, Россия и Европа. // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 3.
 10. Янов А.Л. Тень Грозного царя // Загадки русской истории. – М.: КРУ К, 1997.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 32.001

И.А. ВЕТРЕНКО

Специфическая особенность политических процессов заключается в том, что их невозможно изучать как однотипные явления, поскольку каждый вид политического процесса характеризуется собственной структурой, что порождает сложность их исследования и анализа.

Своего рода проблемность в изучении политических процессов кроется в сущности самого этого явления, основанного на изменчивости. Обратимся к этимологии понятия «процесс», которое, на наш взгляд, имеет сущностное значение для данного словосочетания. Термин «процесс» происходит от латинского *processus* [5, с. 355], что означает продвижение и характеризует определенное движение, какой-либо ход, порядок движения, имеющий свое направление; последовательную смену состояний, стадий, эволюции; совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата.

Следовательно, политический процесс подразумевает мобильность и эволюцию политических явлений и событий, т.е. их изменение во времени и пространстве.

Нам представляется целесообразным рассматривать сущность политического процесса через изменение как модификацию и трансформацию политических явлений и событий. Следует отметить, что подобный подход в отечественной политической науке разделяет Соловьев А.И., но в его концептуальном пространстве изменение рассматриваются в узком аспекте, т.е. как политическое изменение [8, с. 249]. Мы же предлагаем понять смысл политического процесса через призму общей научной категории – изменение и только потом показать особенности изменений в политическом пространстве. Это в нашей понимании будет логичным по ряду причин:

– изменение как научная категория вбирает в себя все универсальные признаки, характеризующие данный процесс, соответственно они способны более точно показать смысл политических изменений, которые являются основным двигателем политиче-

ских действий, составляющих политический процесс;

– показать особенности политических процессов (изменений) становится возможным только тогда, когда мы выявим в них общее (универсальное), присущее всем изменениям. Поскольку особенное существует в общем и мы понимаем особенное через познание общего;

– и наконец, эксплицируя теорию изменений в политику, мы сможем уйти от той методологической сегментарности, которая сложилась в политической науке при изучении и анализе политических процессов.

Изменение представляет собой наиболее общую форму бытия всех явлений, в том числе и политических. Оно подразумевает всякое движение и взаимодействие, переход из одного состояния в другое. Политическое изменение, т.е. политический процесс – это все процессы развития в политике, а также возникновение новых политических явлений.

По мнению уже упоминаемого выше отечественного политолога Соловьева А.И., «Политическая система под воздействием качественных изменений в социальной среде постоянно находится в движении и развитии. Фактически не существует двух идентичных друг другу состояний одной и той же политической системы» [8, с. 303].

С другой стороны, каждый день в повседневной жизни все мы сталкиваемся с политическими процессами и пытаемся понять их, но делаем это субъективно, без приложения каких-либо усилий к углублению и усложнению этого понимания. Каждый обыватель уверен, что он достаточно осведомлен о политике, чтобы вывести собственные умозаключения. Он не задумывается над обоснованием излагаемого им знания. Есть и другая категория лиц, которая отстранена от политической жизни и пользуется теми выводами, которые им подсказывают, а иногда и навязывают СМИ или лидеры мнений.

Чтобы глубже понять факты политики, требуется выработать показатели для

их описания, прибегнуть к определенному способу выявления внутренних и внешних отношений между ними и, наконец, путем упрощений построить модель изучаемого фрагмента политической жизни общества. Кажется, что данный алгоритм изучения политических процессов напрашивается сам по себе, но сразу встает проблема в выборе подходящего и эффективного метода исследования.

Отмеченные выше сложности в отношении постижения политического процесса являются общими. Если говорить о научном изучении и анализе политических процессов, то здесь ситуация еще сложнее. На наш взгляд, данные трудности определяются особенностями самих политических процессов. Среди основополагающих следует отметить:

– некоторые политические процессы обладают ярко выраженным ненормативным характером, что объясняется наличием в политическом пространстве разнообразных типов движения (волнового, циклического, линейного, инверсионного, т.е. возвратного, и др.), обладающих собственными формами и способами трансформации политических явлений, сочетание которых лишает последние строгой определенности и устойчивости;

– политический процесс представляет собой совокупность относительно самостоятельных, локальных трансформаций политической деятельности субъектов (отношений, институтов), которые возникают на пересечении самых разнообразных факторов и параметров которых не могут быть точно определены, а тем более спрогнозированы;

– определенный тип политических изменений обладает собственной ритмикой (циклическостью, повторяемостью), сочетанием стадий и взаимодействий субъектов, структур, институтов;

– изучая практически сложившиеся изменения в политических явлениях, политический процесс непременно включает в свое содержание и соответствующие технологии и процедуры действий. Иными словами, политический процесс демонстрирует тот характер изменений, который связан с деятельностью конкретного субъекта, применяющего в то или иное время и в том или ином месте привычные для него способы и приемы деятельности [1, с. 37].

Таким образом, многомерность и изменчивость политики приводит нас к тому, что ее исследование подразумевает несколько уровней, а следовательно, и наличие различных по качеству методов и приемов изучения. Современный специалист в области политической социологии Меньшенина Н.Н. четко выделяет следующие уровни исследования политического процесса [6, с. 13]:

1. Методологический уровень связан с тем, что на его основе формируется теоретическая или концептуальная позиция, которая лежит в основе интерпретации проблемы или предмета. С данной исследовательской позиции нами в предыдущем параграфе были выделены методологические подходы к пониманию сущности политического процесса, такие, как институциональный, бихевиоральный, структурно-функциональный, системный (Р. Доул) и дискурсивный, на основе которых мы предлагаем собственную концептуальную позицию в интерпретации политического процесса, базирующуюся на изменении как процессуальном концепте политики и его стадиях.

По большому счету методология состоит из методов, процедур, рабочих концепций, правил, применяемых для проверки теории, направления исследований и поиска решений проблем реальной (практической) политики. Как отмечает Чилктон Р.: «Методология – это специфический способ изучения, систематизации и оформления исследований» [9, с. 16].

2. Методический уровень определяется механизмом измерения методов сбора и обработки первичной политической информации. К подобного рода методам исследования политического процесса можно отнести следующие: социологические, исторические, логические, системные, субстанциональные, нормативные, ценностные, антропологические, психологические, эмпирические. В отношении последних имеется в виду совокупность таких исследовательских методик, как статистические выборки, электоральная статистика, анализ документов, лабораторные эксперименты, включенное наблюдение, мозговой штурм и наконец игровые методики.

3. Процедурный, или технологический уровень представляет собой процесс определения совокупности технических, технологических и финансовых мероприятий, необ-

ходимых для осуществления поставленной политической цели.

Одной из наиболее важных проблем любой науки является проблема метода, решение которой позволяет получить новое знание и применить его в практической деятельности. Вместе с тем, это и одна из наиболее сложных проблем, которая и предвещает изучение наукой своего объекта и, кроме того, является итогом такого изучения. Как мы отмечали выше, при изучении политических процессов есть сложности как методологического, так и методического уровня. Отсюда и неоднозначность в понимании самого термина «метод». На наш взгляд, метод, применяемый при исследовании политики, представляет собой как сумму приемов, средств исследования наукой своего предмета, так и совокупность уже имеющегося, накопленного в отношении него знания. В более научной формулировке сошлемся на авторитетное мнение отечественного политолога Дегтярева А.А.: «В узком смысле метод науки есть совокупность подходов и принципов, правил и норм, инструментов и процедур, обеспечивающих взаимодействие познающего субъекта (то есть ученом) с познаваемым объектом для решения поставленной исследовательской задачи» [2, с. 163].

Наше пристальное внимание к методам исследования политического процесса связано с уже известным тезисом, что в науке важен не только результат исследования, но и путь, к нему ведущий, то есть средства, методы и инструменты научного познания, а также сам процесс их применения, составляющие его процедуры и операции.

За время существования политической науки методы исследования политических процессов претерпели настоящую эволюцию, сейчас очень сложно вычленишь те методы, которые привнесены в политологию из других исследовательских областей, и те, которые являются специализированно политическими. Для нас это не является целью исследования, поэтому ограничимся краткой характеристикой групп методов и проанализируем их преимущества и недостатки.

Следуя классическим научно-методологическим принципам, можно выделить три группы методов, используемых при изучении политического процесса: общенаучные; социально-гуманитарные и специально-научные (политологические) [4, с. 129].

Группа общенаучных методов предполагает внутреннее деление на две подгруппы – философские и логические. Первая связана с философско-мировоззренческими принципами и оценочно-аксиологическими критериями, из которых явно или неявно исходит каждый ученый в любой области научного знания. При исследовании политических процессов используются принципы диалектики, основы системного подхода и структурного функционализма.

К логическим методам традиционно относят сравнение, обобщение, синтез, анализ, определение, деление (классификация), аналогию, дедукцию и индукцию.

Вторая группа методов для нас крайне важна, поскольку используется только в социально-гуманитарных науках, к которым относится и политология. Соответственно, эта группа методов используется при изучении политических процессов. Данную группу составляют методы: исторический, компаративный, анализ документов, психологические (тесты, шкалирование), культурологические (методы изучения стереотипов и традиций), социологические (интервью, анкетные опросы, контент-анализ, фокус-группы и т. д.).

В отношении третьей группы, а именно специально-научных методов или как в ряде источников их именуют политологических, мы имеем ряд методологических сложностей. Если к ним отнести те приемы, которые уже наработаны в самой политологии: модификацию или комбинирование нескольких методологических компонентов в особый инструментарий, пригодный лишь при специфическом исследовании конкретного политического объекта, процесса или явления, то тогда эти методы нельзя считать чисто политологическими, они привнесены из других наук. Но их адаптирование под политологические исследования несколько модифицирует и трансформирует их. Говоря о наличии специально научных (политологических) методов исследования политических процессов, А.А. Дегтярев в качестве самых ярких примеров приводит следующие: «...имитационное моделирование политических ситуаций с использованием элементов теории игр или рейтинговые экспертные оценки популярности политических лидеров со шкалированием, или же, наконец, многомерно-статистический, сравнительный анализ государств и партий, который осуще-

ствим лишь с использованием компьютерной техники» [2, с. 34]. Конечно, все указанные методы взяты из других наук – теория игр из математики, составление рейтингов из социологии, статистический анализ из экономики, шкалирование из психологии, но все они имеют политическую специфику и политологическое содержательное толкование.

Следовательно, мы вправе говорить о формировании чисто политологического исследовательского инструментария и выделять его в отдельную группу специально научных (политологических) методов [3, с. 49].

Из психологии и медицины в политическую науку проникают тесты и лабораторные эксперименты, из социологии – анкетные опросы, интервью, наблюдение, а из математики и статистики – регрессионный, корреляционный, факторный и другие виды анализа, а также математическое моделирование и методы теории игр. И это далеко не весь перечень методов, которые вошли в политологию из других наук.

В политике пока не обнаружены закономерности, которые действуют так же универсально и неумолимо, как законы физические. Здесь всегда есть выбор. И в политологии имеется простор для гипотез, проектов, вариантов развития. Согласно К. Попперу вообще не может существовать общественная теория, на основании которой можно было бы предвидеть историческое развитие, а значит и политическое [7, с. 83].

Знание законов общественного развития может быть получено, но только в виде ограниченных гипотез. Политология имеет хорошие возможности быть наукой о накопленном политическом опыте, меньшие – о

политике настоящей и ограниченные – о политике будущего. Как выразился однажды современный французский политолог и социолог М. Дюверже в процессе чтения одной из своих лекций, политическая наука может разоблачать обман (и иллюзии), но не более того. Для самой политической сферы это уже немало.

Следует иметь в виду, что каждый из заявленных методов способен только собрать и сообщить информацию, но ни один из них не может достигнуть исчерпывающего понимания того или иного политического процесса. Они являются частью научного исследования и их применение только отдельный этап научного поиска. А само научное исследование, как мы знаем, обладает тремя важными свойствами: эксплицитность, системность и контролируемость [10, с. 23].

Первое подразумевает, что все правила для изучения политической реальности открыто сформулированы. Ничего не принимается на веру и ничего не скрывается. Системность политического исследования заключается в том, что каждый зафиксированный факт наблюдается во взаимосвязи с другими фактами. Не допускаются никакие отклонения от метода, выбранного и аргументированного. Контролируемость – все анализируемые политические явления рассматриваются со всей строгостью и объективностью, допустима в данной ситуации.

Бесспорно, политическое исследование будет объективным, насколько это возможно, только при выборе адекватных методов исследования. В связи с чем в современной политической науке идет активный поиск новых методов исследования политических процессов.

1. Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998.

2. Дегтярев А.А. Политологический учебник: Первые российские опыты сегодня и завтра, без опыта вчера // Кентавр. 1993. № 1.

3. Джорал Б. Мангейм, Ричард К. Рич. Политология. Методы исследования. М., 1999.

4. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебник. М., 2002.

5. Мельник В.А. Современный словарь по политологии. Мн., 2004.

6. Меньшенина Н.Н. Политический процесс как предмет политологического анализа // Политический процесс: введение в анализ. Учебник для вузов. Курс лекций. Часть I. Владивосток, 2001.

7. Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

8. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003.

9. Чилкот Рональд Х. Теории сравнительной политологии: в поисках парадигмы. М., 2001.

10. Шутов А.Ю. Политический процесс. М., 1994.

УЧАСТИЕ ИММИГРАНТОВ-НЕГРАЖДАН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ПРИНИМАЮЩИХ СТРАНАХ

УДК 342.726

А.С. ЧЕСНOKОВ

Одной из важнейших проблем современности в контексте взаимосвязи расширения географии глобальных миграционных процессов и императива соблюдения прав человека является проблема защиты и реализации прав иммигрантов, не являющихся гражданами страны прибытия/проживания. Под реализацией прав иммигрантов обычно подразумеваются социокультурные и экономические права. Вместе с тем, ничуть не меньшей важностью обладают права политические. В силу того, что абсолютное большинство иммигрантов не имеют гражданства страны, в которую они прибывают на постоянное место жительства, с формальной стороны они лишены возможности оказывать влияние на процесс принятия политических и административных, управленческих решений (в том числе и тех, которые непосредственно направлены на самих иммигрантов) в стране приема. Однако во многих странах мира существуют практики предоставления иммигрантам ограниченных политических прав при условии соответствия каждого конкретного иммигранта определенным требованиям (наличие вида на жительство, проживание в стране приема в течение некоторого количества времени, владение государственным языком страны приема, наличие заключенного договора об интеграции и пр.). Обычно под политическими правами подразумевается право принимать участие в выборах или референдумах, реализация которых для иммигрантов-неграждан, как правило, ограничивается местным уровнем. Однако очевидно, что спектр прав в действительности шире и включает в себя не только право участия в электоральных процедурах, но также и возможность участвовать в деятельности политических партий, движений и организаций, участие в массовых мероприятиях, имеющих политические цели, как-то: пикеты, демонстрации и др. Более того, в спектр политических прав следует включить возможность финансирования деятельности структур, создаваемых с политическими целями, организации лоббистской деятельно-

сти, создание СМИ. Иногда к политической деятельности относят также понимаемое в широком смысле участие иммигрантов и их объединений в общественной жизни, а также религиозный активизм [9].

Членство иммигрантов в религиозных организациях существенно влияет на их гражданскую сознательность, повышает информированность и мотивацию. В некоторой мере членство в религиозных организациях компенсирует бедность и недостаток образования, которые сами по себе являются препятствием для политической активности индивида. Исследования показывают, что иммигранты, принимающие активное участие в жизни религиозной общины, проявляют большую активность и в других формах общественно-политической деятельности [12, с. 884].

Принято считать, что, будучи политическим, право избирать и быть избранным проистекает из наличия у индивида гражданства, которое в свою очередь является формой правовой связи между данным индивидом и территорией, на которой он проживает. В действительности политическими правами любой индивид обладает вне зависимости от наличия у него определенного гражданства. Во многих международных конвенциях, к которым присоединились большинство государств мира, прямо указывается, что право принимать участие в выборах, а также право участвовать в работе профессиональных и иных экономических, социальных и политических союзов, включая политические партии, право свободно высказывать свое мнение (в том числе по политическим вопросам), право на участие в публичных акциях (забастовки, пикеты, демонстрации и т. п.) фактически не связано с гражданством. Точнее, гражданство страны проживания дает индивиду более широкие возможности и полномочия по достижению и защите своих интересов, отсутствие же гражданства не отменяет эти возможности, а лишь ограничивает их в большей или меньшей степени.

В качестве условий для политической эмансипации иммигрантов еще до момента

принятия ими гражданства страны пребывания следует обозначить, во-первых, официальную позицию государственной власти по отношению к иммигрантам и, соответственно, проводимую ею политику в сфере иммиграции, натурализации и интеграции. В этом плане имеет значение не только идеология, в рамках которой выстраивается стратегическая линия управления страной, но и то, как воспринимается властью и обществом сам институт выборов: как один из элементов политического процесса или же как его «кульминация». В первом случае электоральное участие иммигрантов, например, в виде голосования на местных выборах, воспринимается как начало их политической эмансипации в принимающем обществе и своего рода «тренировка» их гражданской сознательности. Во втором случае электоральное участие понимается как акт, который может быть совершен только и исключительно гражданином, т. е. лицом, в правовом смысле зафиксировавшим свое отношение к государству и потому наделенным правом и ответственностью участвовать в принятии политических решений [2]. Во-вторых, степень децентрализации или, иными словами, свободы региональных и местных властей принимать те или иные решения в миграционной сфере в пределах своих территорий. В-третьих, наличие объективных предпосылок (наличие активного лобби групп защиты прав иммигрантов, состояние общественного мнения, определенное количество иммигрантов и пр.) для необходимости в предоставлении или расширении объема прав, имеющегося у иммигрантов. В-четвертых, степень вероятности решения экономических, социальных и иных проблем в принимающем социуме в связи с включением в политическую жизнь иммигрантов-неграждан. Необходимость предоставления иммигрантам-негражданам политических прав обычно обуславливается фундаментальным правом каждого человека на участие в принятии решений, непосредственно его касающихся, а также императивом повсеместного искоренения дискриминации и неравноправия по каким бы то ни было основаниям. Действительно, иммигранты вовлечены в те же социальные и экономические отношения, что и граждане. И на тех и на других в одинаковой мере распространяются государственные законы, необходимость платить налоги и прочие обязанности вплоть до службы в вооруженных силах. При

этом иммигранты нередко лишены ключевой возможности влиять на принимаемые в стране (регионе, городе) политические решения, так как не имеют политических прав [7]. И, наконец, в-пятых, для многих стран введение практики предоставления избирательных и прочих политических прав иностранцам (негражданам) не в последнюю очередь связано с географией стран происхождения иммигрантов, сообщающей выходцам из них определенные этнические, лингвистические и культурные доминанты.

В целом можно выделить несколько разных вариантов электоральной инкорпорации постоянно проживающих в государстве иностранцев следующим образом: *первый вариант* предполагает предоставление иммигрантам-иностранным гражданам, являющимся постоянными резидентами в стране проживания, определенного набора избирательных прав, варьирующегося от страны к стране как в плане объема (право избирать, право быть избранным, право занимать определенные выборные должности), так и в плане уровня их реализации (местный, региональный и национальный) [5]. В некоторых странах вопрос предоставления избирательных прав иностранцам регулируется на общенациональном уровне и фиксируется в конституции, а в других – делегируется на местный или региональный уровни. Часто бывает так, что четкие указания относительно политических (в том числе избирательных) прав неграждан в национальном законодательстве отсутствуют, зато существует обширная и очень разнообразная практика политической эмансипации иммигрантов на местном или региональном уровне. Реже прямые указания на предоставление избирательных прав негражданам или, напротив, однозначная фиксация отсутствия у этой категории лиц таких прав (например в ЮАР, РФ, Германии) содержатся непосредственно в национальном законодательстве страны. Важно отметить, что в данном случае речь идет о государственной иммиграционной политике, не являющейся результатом гармонизации национального политического курса и законодательной базы вследствие взятых данной страной на себя внешнеполитических обязательств в сфере иммиграционного регулирования.

Так, например, на местном уровне постоянные резиденты имеют право принимать участие в выборах в Китае (САР Гонконг),

Республике Корея, а также в Израиле. В Бельгии, Люксембурге, Нидерландах, Италии (в г. Рим), Словакии, Словении, Ирландии, Швеции наряду с гражданами стран ЕС практически такими же электоральными возможностями по участию в муниципальных выборах пользуются все иностранные резиденты вне зависимости от страны происхождения. В Испании избирательными правами на местном уровне, кроме граждан ЕС, могут пользоваться только граждане Норвегии.

В конституциях многих стран Латинской Америки содержатся положения, формально разрешающие участие постоянно проживающих иностранцев в электоральных процедурах (в Аргентине, Колумбии и Боливии на местном уровне; в Чили – на местном и национальном; в Венесуэле – на местном, региональном и национальном уровнях; в Уругвае – на национальном уровне), однако не во всех странах электоральное участие иностранцев является общепринятой практикой и одинаково распространено.

Как было отмечено выше, в некоторых государствах, например в США и Швейцарии, вопросы, касающиеся возможности и особенностей электорального участия иностранных граждан, постоянно проживающих в стране, делегированы с общенационального на региональный и муниципальный уровни. В обеих упомянутых странах федеральное законодательство не позволяет иностранцам принимать участие в выборах на национальном уровне, однако, например, в Швейцарии в кантонах Невшатель, Юра, Во, Фрибур и Женева, постоянно проживающим иностранцам разрешено участвовать в региональных выборах, а в кантонах Аппенцель-Ауссерроден, Граубюнден и Базель-Штадт вопрос о допустимости участия иностранцев в выборах на местном уровне оставлен на усмотрение соответствующих муниципалитетов. В США во многих штатах в настоящее время ведутся дискуссии о необходимости восстановления практики участия неграждан в выборах на местном уровне, существовавшей с последней трети XVIII в. по 20-е гг. XX в. в большинстве североамериканских штатов. В настоящее время только в ряде муниципальных образований в штате Мэриленд постоянно проживающие иностранные граждане имеют право голосовать на местных выборах. С аналогичными инициативами выступали отдельные депутаты законодательных собраний в течение

1990-х – 2000-х гг. в штатах Калифорния, Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Миннесота, Нью-Йорк, Техас и федеральном округе Колумбия, однако все законопроекты, расширяющие политические права иностранцев на местном и региональном уровнях, были забаллотированы.

Согласно *второму варианту*, наделению иммигрантов, проживающих в определенной стране, избирательными правами, происходит по причине вхождения данной страны в международное межправительственное объединение, одной из функций которого является облегчение трансграничных перемещений людей внутри этого объединения и, как следствие, уравнивание прав и обязанностей лиц, мигрирующих в пределах данного международного объединения. Наиболее известным и показательным примером в данном случае выступает Европейский союз [6]. Кроме того, подобная практика существует в Северном совете, Содружестве наций и Содружестве португальскоязычных стран.

В границах Европейского союза граждане любой из стран ЕС могут принимать участие в выборах в Европейский парламент, а также в муниципальных выборах в любой из стран союза. В ряде стран, впрочем, есть некоторые особенности, касающиеся расширения электоральных прав на некоторые категории иммигрантов. Так, например, в Ирландии граждане стран, не входящих в ЕС, имеют право принимать участие в выборах на местном уровне; граждане стран, входящих в ЕС, помимо местных выборов, имеют право также участвовать в выборах в Европейский парламент; а граждане Соединенного Королевства, в дополнение ко всему вышеуказанному, могут также принимать участие в выборах на национальном уровне (кроме президентских). В Соединенном Королевстве все граждане стран, входящих в Содружество наций, а также Ирландии, пользуются теми же электоральными правами, что и сами граждане Соединенного Королевства, на всех уровнях: национальном, региональном и местном. Граждане стран ЕС имеют право принимать участие в выборах в Соединенном Королевстве как на местном, так и на региональном уровнях. Считается, что политическая эмансипация иммигрантов в Европейском союзе является результатом как внутренних интеграционных процессов, так и следствием пребывания на территории

ЕС значительного количества «гастарбайтеров», въезжавших в ЕС, начиная с 1960-х гг., на временных условиях, но оставшихся на постоянное место жительства и самим фактом своего присутствия потребовавших решения не только проблем их экономической, но и социально-политической интеграции [8].

Граждане Содружества (т. е. граждане стран, входящих в Содружество наций), проживающие в течение определенного периода в соответствующей стране, имеют право принимать участие в парламентских выборах в Антигуа и Барбуда, Барбадосе, Белизе, Доминике, Гренаде, Ямайке, Малави, Маврикии, Намибии, Сент-Киттс и Невисе, Сент-Люсии, Сент-Винсент и Гренадинах; в местных выборах – в Гайане и Новой Зеландии.

В Содружестве португальскоязычных стран (СПЯС) граждане Португалии, постоянно проживающие в Бразилии, имеют право на приобретение полного объема политических прав в этой стране путем подачи специального прошения в министерство юстиции. Граждане любой из стран, входящих в СПЯС, постоянно проживающие в Кабо-Верде, имеют право принимать участие в муниципальных выборах в этом государстве. В самой Португалии правом на участие в муниципальных выборах обладают постоянные жители (неграждане) – иммигранты из Бразилии, Кабо-Верде, Уругвая, Венесуэлы, Перу, Чили и Аргентины, а также Израиля, Норвегии и Исландии.

В Северном совете граждане всех стран, входящих в организацию (Исландия, Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция), и проживающие в любой из стран союза, имеют право принимать участие в выборах на местном уровне. Такие же права, с некоторыми ограничениями, касающимися длительности пребывания в стране, распространяются также и на всех постоянно проживающих иностранцев вне зависимости от страны происхождения. Кроме того, в Дании, Швеции и Норвегии, помимо муниципальных выборов, иностранцы также имеют право принимать участие и в региональных выборах.

В *третьем варианте* страна может предоставлять электоральные права (обычно одновременно со своим гражданством) жителям иных территорий, политически ассоциированных с этим государством или пользующихся его внешнеполитической поддержкой. В качестве примеров в дан-

ном случае выступают США, предоставившие свое гражданство жителям Пуэрто-Рико, Гуама, Северных Марианских и Виргинских островов, Американского Самоа; а также Россия, предоставившая свое гражданство большинству жителей Абхазии и Южной Осетии. С некоторыми оговорками согласно этому же варианту Франция и Соединенное Королевство предоставляют соответствующее гражданство жителям своих бывших колоний, а ныне – заморских владений и самоуправляемых территорий [1, с. 45–47].

Наконец, в *четвертом варианте* электоральные права могут предоставляться экспатриантам, постоянно и в течение длительного времени проживающим за пределами родины. При этом не всегда имеет значение тот факт, сохранил ли экспатриант гражданство страны эмиграции или нет. В последнем случае, в целях его идентификации как экспатрианта, предусмотрена практика предоставления специального статуса, позволяющего, например, принимать участие в выборах (а также иных общественных и политических мероприятиях), проводимых в родной стране, пользоваться различными льготами при реэмиграции и получении/восстановлении гражданства, посещать эту страну в безвизовом порядке и т. п. В ряде случаев, при достижении согласия между принимающей и отдающей мигрантов странами, речь может идти о предоставлении экспатриантам некоторых форм коллективных прав или автономии.

В конституциях (например, в Венгрии, Румынии, Словении, Македонии, Хорватии, Украине, Польше и Словакии) и национальных законодательных актах (например, в Германии, Австрии, Италии, Греции, Болгарии, России) многих европейских государств содержатся положения, указывающие на то, что соответствующая страна несет ответственность за часть нации, находящейся за пределами территории ее государственного самоопределения, и должна прикладывать все усилия для удовлетворения культурных потребностей соотечественников, проживающих за рубежом, и поддержания с ними всесторонних связей [11].

Существенную роль в деле привлечения к общественной жизни иммигрантов играют политические права, которые распределены в различных государствах по-разному. Однако электоральными правами политические права иммигрантов не ограничиваются. Еще

одним важнейшим инструментом интеграции является привлечение иммигрантов к общественной жизни. Обычно такое привлечение происходит в двух формах: во-первых, это создание специальных консультативных структур при исполнительных и законодательных органах власти (на местном или региональном уровнях), в которые входят представители институционализованных сообществ иммигрантов – выходцев из одного государства или представителей одной этнической группы, постоянно проживающих на территории данных территориальных образований. Как правило, такие сообщества объединяют как иммигрантов-неграждан, так и натурализованных граждан (иммигрантов, уже ставших гражданами принявшего их государства). Консультативные структуры при официальных органах власти обладают совещательными функциями и имеют право принимать участие в обсуждении решений органов власти в той их части, которая непосредственно касается иммигрантских общин. В частности в Норвегии на государственном уровне существует Контактный комитет для иммигрантов и органов власти, который является созданным правительством совещательным органом, в который входят представители организаций иммигрантов, политических партий, а также профильных правительственных министерств и ведомств. Контактный комитет служит форумом, в рамках которого обсуждаются актуальные вопросы политики в отношении иммигрантов и национальных меньшинств.

Во-вторых, иммигранты могут (в допускаемых действующими законами рамках) привлекаться к деятельности уже существующих в данной стране различных общественных и политических организаций (политических партий, профессиональных союзов, средств массовой информации и коммуникации, благотворительных, правозащитных, религиозных и иных организаций), либо учреждать свои собственные. Будучи институтами гражданского общества, такие организации, с одной стороны, способствуют комплексной интеграции иммигрантов в социально-политическую структуру принимающей страны, а с другой стороны, – позволяют иммигрантам более эффективно защищать и лоббировать свои интересы за счет институционализации групп иммигрантов и использования разрешенных в данной

стране каналов и инструментов диалога с органами власти. В частности, «иммигранты-неграждане, прожившие в Швеции как минимум три года, кроме права выдвигать свою кандидатуру и голосовать на выборах в местные управления, имеют право состоять в политических партиях и создавать объединения, которые могут ходатайствовать о государственном финансировании» [3, с. 63]. В 2006 г. на выборах в местные самоуправления в Швеции приняло участие 37 % неграждан, имевших право голоса. На финансирование из государственного бюджета (в основном на различные проекты по информированию иммигрантов о том, какими правами они обладают и какими возможностями они могут воспользоваться в принимающем обществе) также могут рассчитывать и сформированные на местном уровне организации иммигрантов в Норвегии. В этой стране в 2003 г. на местных выборах проголосовало 34% неграждан. Интересно отметить, что явка среди иммигрантов-неграждан из западных (европейских) стран составила 39%, а среди иммигрантов из-за пределов Европы – только 25%. Кроме того, более 80% иммигрантов голосовали за социал-демократические и прочие левые партии [10]. Выборы в Швеции и Норвегии позволили установить, что иммигранты голосуют активнее, если: размер диаспоры достаточно велик (а значит выше уровень институционализации иммигрантских организаций, их внутренней сплоченности и осознания коллективных интересов), проживают в стране в течение достаточно продолжительного времени (больше процент натурализованных граждан), постоянно проживают в столице/крупном городе (активнее и динамичнее идет процесс включения в жизнь принимающего социума и расставание с традициями оставленного социума) и, наконец, достаточно велика концентрация иммигрантов (больше вероятность, что они получают пропорциональное численности диаспоры представительство в выборных органах власти).

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что именно через общественно-политические организации иммигрантов власти принимающей страны могут успешно осуществлять различные интеграционные проекты: от распространения общей информации о различных аспектах социальной, культурной и экономической жизни в

принимающей стране, организации содействия в трудоустройстве и получении образования до осведомления иностранцев об имеющихся у них правах и обязанностях и, в особенности, пропаганды избирательной и гражданской активности среди неграждан и натурализованных граждан. Необходимо подчеркнуть, что не всегда и не везде политические права являются востребованным иммигрантами инструментом интеграции в принимающий социум. Как правило, того объема социально-экономических прав, который предоставляется иммигрантам вместе с разрешением на постоянное проживание, вполне достаточно для полноценного существования [4, с. 459–465]. Однако именно политические права являются тем механизмом, который используется для осуществления управленческих

функций в обществе. Следовательно, предоставление иммигрантам политических (в том числе электоральных) прав – яркий показатель не только степени интегрированности иммигрантов в принимающее общество, но и степени готовности этого общества их принять.

Очевидно, что с дальнейшим углублением процессов глобализации, требующей свободы передвижения не только товаров, капиталов и услуг, но также и людей, проблема либерализации политики иммиграции, натурализации и гражданства, ассимиляции и интеграции станет еще более острой, чем сегодня. Фактически, у демократического государства нет иного выбора, кроме инкорпорации иммигрантов как граждан, даже если это означает институциональные трансформации во всех сферах общественной жизни.

1. Боргулев М.В. Рудименты колониальной системы или новое звучание старых связей // Сообщение. 2003. № 2. С. 45–47.
2. Градировский С., Лопухина Т. Конец истории: о трех матросах, жарком солнце Магриба и цене гражданской солидарности. <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/usa-debat/end/?version=forprint> (дата обращения 27.10.2009 г.).
3. Политика в сфере интеграции и меры по ее применению. Исследование удачной практики применения на примере Швеции, Дании и Великобритании. Тарту, 2007. С. 63.
4. Чесников А.С. Проблемы и возможности репрезентации интересов иммигрантов в принимающих странах. // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах. Екатеринбург, 2005. С. 459–465.
5. Earnest D. C. Noncitizen Voting Rights: A Survey of an Emerging Democratic Norm. Paper prepared for delivery at the 2003 annual convention of the American Political Science Association, Philadelphia, Pennsylvania, August 28–31, 2003.
6. Guide to Locating Migration Policies in the European Commission. 2nd Edition. Strategic thinking on equality and mobility. A report by Mary-Anne Kate and Jan Niessen. Published by EPIM and MPG. Brussels, October 2008.
7. Hayduk R. Non-citizen voting: pipe-dream or possibility? Drum Major Institute for Public Policy. New York. October 2, 2002.
8. Hayduk R., Wucker M. Immigrant Voting Rights Receive More Attention. Migration Information Source. Washington D.C. November 2004.
9. Ray B. Immigrant Integration: Building to Opportunity. Migration Policy Institute. Washington D.C. October, 2002.
10. Report «Participation of non-nationals in local life in Norway» by Ms. Bjorg Unstad (Assistant Director General, Ministry of local government and regional development, Norway). Round table on «The participation of foreigners in elections». Moscow, 27 May 2005. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission).
11. Report of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) on the preferential treatment of national minorities by their kin-state. Adopted by the Venice Commission at its 48th Plenary Meeting. Venice, 19–20, October 2001.
12. Stoll M.A. Wong J.S. Immigration and civic participation in a multicultural and multiethnic context // International migration review. Vol. 41. Number 1 (Winter 2007).

ПРИЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1996 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)

УДК 324+32

Е.П. СОКОЛОВА

Современные масс-медиа все более и более становятся не только средством связи, обеспечивающим доступ людей к информации, но и приобретают черты мощнейшего инструмента формирования сознания, чувств, вкусов, мнений больших аудиторий людей. Речь идет о манипулировании общественным сознанием, под которым, как правило, понимают систему способов идеологического и социально-психологического воздействия с целью изменения мышления и поведения людей вопреки их интересам. Главная цель манипулирования – достичь выгодного манипуляторам поведения от индивидуума и социальных групп, сохраняя у них иллюзию свободного выбора. В основном это осуществляется через массированное информационное воздействие.

Политические манипуляции включают в себя как межличностные, так и массовые манипуляции. В первом случае для их осуществления манипулятор прибегает к определенной технике, т. е. набору манипулятивных приемов, работающих на межличностном уровне. Во втором случае на помощь манипулятору приходят манипулятивные технологии. Политические манипуляции служат средством достижения трех основных целей политического субъекта: достижению власти, ее реализации и удержанию [6].

В многочисленных политологических и социологических исследованиях отмечено, что СМИ обладают широким веером функций и задач, среди которых и манипуляция общественным сознанием [2, с. 23]. Например, культуролог А. Моль пишет о СМИ: «Они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры» [5, с. 94]. Исследователи информационных процессов также отмечают, что масс-медиа стали главным инструментом распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание [1].

В современных условиях в связи с быстрым развитием СМИ в сфере политики все активнее используются ресурсы, связанные с медиавоздействием, которые направлены не на «рациональное осмысление событий, а на

установку устойчивых понятий у аудитории за счет инсценирования аудиовизуальных эффектов» [4, с. 125]. В период выборов успех тех или иных политических сил зависит не от убедительной и грамотной идеологической программы, а от эффективного шоу в средствах массовой информации» [3, с. 127].

В связи с тем, что с начала 90-х годов в Российской Федерации в избирательном процессе стали активно применяться политтехнологии, в том числе и манипулятивные, исследование именно данной кампании такого рода (выборов президента РФ 1996 г.) представляется нам наиболее важным для понимания сути данного явления. Безусловно, нельзя недооценивать роль СМИ, в том числе и региональной прессы в процессе удовлетворения информационных потребностей аудитории. В газетах «Челябинский рабочий» и «Вечерний Челябинск» мы видим общественную дискуссию, мнения авторитетных экспертов, аналитиков, стремление к диалоговым контактам с аудиторией. Однако предметом нашего исследования являются манипулятивные технологии, нуждающиеся в глубоком научном исследовании. В данный момент статистических данных по соотношению рациональных и манипулятивных технологий воздействия не существует.

Выборы президента России были назначены на 16 июня 1996 года в соответствии с переходными положениями Конституции России и в связи с истечением срока полномочий президента России Б.Н. Ельцина, избранного в 1991 году. Для определения победителя потребовалось два тура. Голосование прошло 16 июня и 3 июля 1996 года. Ход избирательной кампании отличался острой политической борьбой между десятью кандидатами. Основными конкурентами считались действующий президент России Б. Н. Ельцин и лидер Коммунистической партии Российской Федерации Г. А. Зюганов. По результатам второго тура Б. Ельцин набрал более 50% голосов избирателей и был переизбран на второй срок.

Для определения спектра приемов политической манипуляции на Южном Урале в ходе кампании по выборам президента РФ 1996 г. мы выбрали ведущие региональные печатные издания «Челябинский рабочий» и «Вечерний Челябинск». База исследования: газеты «Челябинский рабочий» (с № 226 (22631) от 1 декабря 1995 г. по № 120 (22770) от 2 июля 1996 г.), «Вечерний Челябинск» (с № 1 (7934) от 4 января 1996 г. по № 120 (8052) от 28 июня 1996 г.). Метод исследования: контент-анализ. Выборка: сплошная.

В исследовании использовалась следующая интерпретация понятий:

1. Приемы политической манипуляции – различные коммуникативные средства, предназначенные для успешного решения задач и достижения целей манипулятивного воздействия.

2. Классификация манипулятивных приемов заключается в объединении этих приемов в группы (классы) по какому-либо признаку.

Выбирая параметры для сравнения, мы основывались на исследовании И.М. Дзялошинского [3], который дает сводную классификацию большинства известных приемов манипуляции. В своем исследовании мы рассматривали все представленные этим ученым классы, но ограничили число приемов внутри класса, исходя из невозможности или же нецелесообразности использования этих приемов в материалах печатных масс-медиа (к примеру, метод «антирекламная реклама», относящийся к манипуляции при рекламировании), а также в случаях, когда в рамках исследования отследить прием практически невозможно (к примеру, прием «зонтик», основанный на механизме, когда сообщение просто не достигает запланированного адресата).

В рамках нашего исследования за 100 % мы приняли все найденные нами в материалах прессы приемы политической манипуляции (всего 400 примеров), при этом единицей счета выступало упоминание приема (т.е. один и тот же прием мог быть посчитан неоднократно, в рамках одной статьи могли использоваться несколько приемов).

Исследуя частоту использования приемов политической манипуляции, относящихся к различным классам, в ходе кампании по выборам президента РФ 1996 г. нами были получены следующие результаты:

1. Класс «Мифологическое манипулирование (использование образов)» – 3,75%, причем приемы «покровитель», «кумир», «виртуоз или ловкач» и «дьявол» набрали по 0%, прием «хозяин или господин» – 3,25% при создании положительного образа и 0,25% при создании

отрицательного, прием «авторитет» – 0,25% при создании положительного образа.

2. Класс «Манипулятивные психотехнологии» – 24,5%. Приемы внутри класса использовались со следующей частотой: «осмеяние» – 6,5%, из которых 0,25% для создания положительного образа и 6,25% для создания отрицательного образа; «использование пугающих тем и сообщений» – 6%, из которых 1% в случае создания положительного образа и 5% в случаях создания отрицательного образа; «допущения» – 2,75%, из которых 1,25 для создания положительного образа и 1,5% для создания отрицательного образа; «триузмы» – 2,5%, из которых 1,75% для создания положительного образа и 0,75% для создания отрицательного; «использование контраста» – 2,25%, из которых 1% для создания положительного образа и 1,25% для создания отрицательного образа; «использование противопоставлений» – 2%, из которых 0,5% для создания положительного образа и 1,5% для создания отрицательного; «выбор без выбора» – 1% для создания положительного образа; «упрощение проблемы» и «концентрация на нескольких чертах или особенностях» – по 0,75%.

3. Класс «Манипуляция посредством управления информационными потоками или информационной средой» – 4,75%. Прием «выборочный подбор информации» использовался в 2% случаев (в 0,25% случаев для создания положительного образа и 1,75% для создания отрицательного образа); «опережающее использование затруднительного вопроса или проблемы» – 1,75%, из которых 1,5% для создания положительного образа и 0,25% для создания отрицательного; «использование слухов» – 0,5% для создания отрицательного образа; «односторонний негативный вентиль» и «утечки секретной информации» – по 0,25% для создания негативного образа; «односторонний позитивный вентиль», «временной селектор, «колесо», «замена», «спиндоктор», «метод отвлечения, или копченая селедка» – по 0%.

4. Класс «Ценностно-эмоциональное манипулирование» – 39,25%. На прием «неопределенные выражения (положительные)» приходится 10,75%, из которых 10,5% для создания положительного образа и 0,25% для создания отрицательного; «неопределенные выражения и намеки, несущие негативную окраску» – 8,5%, из которых 0,25% для создания положительного образа и 8,25% для создания отрицательного; «использование слов, относящихся к основным ценностям общества» – 5,5%, из которых 3,25% для создания положительного

образа и 2,25% для создания отрицательного; «перенос положительного образа» и «метод исторических аналогий» – по 3,75%, из которых первый прием использовался исключительно для создания положительного образа, а второй в 1,25% случаев для создания положительного образа и в 2,5% случаев для создания отрицательного образа; «наклеивание ярлыков» – 3,5%, из которых 0,25% для создания положительного образа и 3,25% для создания отрицательного образа; «перенос негативного образа» – 2,5% для создания отрицательного образа; «использование эвфемизмов» – 1%, из которых 0,25% для создания положительного образа и 0,75% для создания отрицательного; «метод забрасывания грязью» – 0%.

5. Класс «Использование механизмов социального контроля» – 10,75%. Прием «использование авторитетов (групп влияния)» использовался в 8,5% случаев, из которых в 8% для создания положительного образа и в 0,5% случаев для создания отрицательного образа; «такой же, как все, как мы» – 1,5%, из которых 1,25% для создания положительного образа и 0,25% для создания отрицательного; «дополнительное свидетельство» – 0,75% для создания положительного образа.

6. Класс «Логические уловки. Использование особенностей мышления человека. Манипулирование рациональными, убеждающими аргументами» – 17%. На прием «псевдологические выводы» приходится 5%, из которых 0,75% на создание положительного образа и 4,25% на создание отрицательного; «результаты опросов общественного мнения» – 4%, из которых по 2% на создание положительного и отрицательного образа; «наименьшее зло» – 3,25% на создание положительного образа; «утвердительные заявления» – 2,75%, из которых 0,75% на создание положительного образа и 4,25% на создание отрицательного; «экспертный комментарий опросов общественного мнения» – 1,25% на создание положительного образа; «публикация мнений рядовых участников конфликта» – 0,5% на создание положительного образа; «сопоставление мнений экспертов» – 0,25% на создание отрицательного образа.

Мы видим, что чаще других использовались приемы, относящиеся к классам «ценностно-эмоциональное манипулирование» – 39,25%, манипулятивные психотехнологии – 24,5%. Также часто использовались приемы, относящиеся к классам «манипулирование рациональными, убеждающими аргументами» – 17%, «использование механизмов социального контроля» – 10,75%.

В противовес вышеназванным приемам они воздействуют на рациональную сторону человека. Одновременное использование «эмоциональных» и «рациональных» приемов позволяет воздействовать на общественное сознание наиболее эффективно.

Такие классы, как «мифологическое манипулирование» и «манипулирование посредством управления информационными потоками», использовались довольно редко, соответственно 3,75% и 4,75%. Вторым по частоте использования, согласно нашим результатам, является класс «манипулятивные психотехнологии» (24,5%). Однако лидирующие позиции данный класс занимает в основном благодаря частотности применения всего нескольких приемов (в классе их всего 9), а именно «использование пугающих тем и сообщений» и «осмеяние», которые в совокупности составляют 12,5%. Поэтому следует говорить в большей степени о популярности вышеназванных приемов, а не самого класса «манипулятивные психотехнологии». Аналогично можно объяснить и результаты, полученные по классу «использование механизмов социального контроля» (10,75%), где частота применения приема «использование авторитетов» составляет 8,5%.

Частота использования приемов класса «манипулирование рациональными, убеждающими аргументами» составила 17%. Мы объясняем это тем, что, с одной стороны, приемы данного класса не очень сложны в использовании, а, с другой стороны, их эффективность значительно меньше, чем эффективность приемов класса «ценностно-эмоциональное манипулирование». При этом в рамках класса отдельные приемы не набирают более 3,25%. Редко используемыми (4,75% и 3,75%) оказались приемы, относящиеся к классам «манипуляция посредством управления информационными потоками» и «мифологическое манипулирование».

Последний класс приемов – «мифологическое манипулирование» – оказался самым редко используемым, хотя мы предполагали обратное. Он набрал 3,75%. При этом в рамках класса были задействованы всего два приема – создание образа «хозяин» и создание образа «авторитет», причем последний использовался один раз. Некие образы кандидатов на момент проведения кампании 1996 г. в сознании избирателей уже существовали, потому приемы данного класса были задействованы в меньшей степени.

Рассмотрев частоту употребления конкретных приемов политической манипуляции,

мы выяснили, что самыми применяемыми являются приемы «неопределенные положительные выражения» – 10,75%, «неопределенные выражения и намеки, несущие негативную окраску» и «использование авторитетов (групп влияния)» – по 8,5%. Часто использовались и такие приемы, как «осмеяние» – 6,5%, «использование пугающих тем и сообщений» – 6%, «использование слов, относящихся к основным ценностям общества» – 5,5%.

Исследование показало, что прием «использование пугающих тем и сообщений» относится к самым популярным, но при этом в тройке лидеров такие приемы, как «неопределенные положительные выражения» (10,75%), «неопределенные выражения и намеки, несущие негативную окраску» и «использование авторитетов (групп влияния)» (по 8,5%). Прием «использование пугающих тем и сообщений» по частоте использования стоит лишь на четвертом месте (6%) после приема «осмеяние» (6,5%). Также по результатам исследования к популярным относится прием «использования слов, относящихся к основным ценностям общества» – 5,5%.

В рамках рассмотрения вопроса о частотности применения тех или иных приемов мы рассмотрели специфику использования приемов внутри одного класса. Приведем наиболее яркие примеры.

Использование приемов внутри класса «мифологическое манипулирование (использование образов)». Прием создание образа «хозяин или господин» использовался в 93% случаев, из которых 87% приходится на создание положительного образа и 6% на создание отрицательного, прием «авторитет» – в 7% случаев для создания положительного образа.

Как мы видим, в рамках класса «мифологическое манипулирование» было использовано всего два приема – создание образа «хозяин или господин» и образа «авторитет». Причем на первый прием приходится 93%, а на второй всего лишь 7%. Поэтому мы можем говорить о доминировании в рамках класса приема «хозяин или господин», который преимущественно использовался для создания положительного образа Б.Н.Ельцина.

Использование приемов внутри класса «манипулятивные психотехнологии». Прием «осмеяние» использовался в 27% случаев; «использование пугающих тем и сообщений» – в 25% случаев, из которых 4% для создания положительного образа и 21% для создания отрицательного. Согласно полученным результатам в рамках класса «манипуля-

тивные психотехнологии» самыми популярными являются приемы «осмеяние» и «использование пугающих тем и сообщений».

Исследуя частоту использования приемов внутри класса «манипуляция посредством управления информационными потоками или информационной средой», мы выяснили, что на прием «выборочный подбор информации» приходится 42%, из которых 6% на создание положительного образа и 36% на создание отрицательного; на прием «опережающее использование затруднительного вопроса или проблемы» – 37%, из которых 32% на создание положительного образа и 5% на создание отрицательного; на прием «использование слухов» – 11% на создание отрицательного образа; на приемы «односторонний негативный вентиль» и «утечки секретной информации» – по 5% на создание отрицательного образа. Прием «выборочный подбор информации» в основном использовался для создания отрицательного образа Г.А. Зюганова и коммунистов. Прием «опережающее использование затруднительного вопроса или проблемы» в 32% случаев был использован для создания положительного образа. Этот прием активно использовался командой Б.Н. Ельцина.

Исследуя частоту использования приемов внутри класса «ценностно-эмоциональное манипулирование», мы получили следующие результаты: прием «неопределенные выражения (положительные)» применялся в 27% случаев в основном на создание положительного образа; прием «неопределенные выражения и намеки, несущие негативную окраску» – 22% на создание положительного образа и 21% на создание отрицательного; прием «использование слов, относящихся к основным ценностям общества» – 14%, из которых 8% на создание положительного образа и 6% на создание отрицательного; приемы «перенос положительного образа» и «метод исторических аналогий» – по 10%, причем первый прием использовался исключительно для создания положительного образа, а второй только в 3,5% случаев – для создания положительного образа и в 6,5% случаев для создания отрицательного; прием «наклеивание ярлыков» – 9%, из которых 1% на создание положительного образа и 8% на создание отрицательного образа; прием «перенос негативного образа» – 6% на создание негативного образа; прием «использование эвфемизмов» – 2,5%, из которых 2% – на создание отрицательного.

Таким образом, в классе «ценностно-эмоциональное манипулирование» по частоте применения выделяются два лидера – приемы «не-

определенные выражения (положительные)» и «неопределенные выражения и намеки, несущие негативную окраску». Прослеживается четкая тенденция – первый прием используется для создания положительного образа, а второй – для создания отрицательного.

На третьем месте находится прием «использование слов, относящихся к основным ценностям общества» – 14%. При этом прием используется как для создания положительного, так и для создания отрицательного образа.

В рамках класса «*Логические уловки. Использование особенностей мышления человека. Манипулирование рациональными, убеждающими аргументами*» чаще всего использовались приемы «псевдологические выводы» (29%) и «результаты опросов общественного мнения» (24%). При этом прием «псевдологические выводы» использовался преимущественно для создания отрицательного образа, а прием «результаты опросов общественного мнения» – для создания положительного и отрицательного образов (по 12% на каждый).

Итак, мы рассмотрели специфику использования конкретных приемов внутри соответствующих классов. В рамках каждого класса мы выделили наиболее популярные приемы и определили, на создание какого образа (отрицательного или положительного) они чаще всего работают.

Для создания положительного образа Б.Н.Ельцина в ходе кампании по выборам президента РФ 1996 г. в региональной прессе чаще всего использовались приемы «неопределенные положительные выражения» (9,25%) и «использование авторитетов (групп влияния)» (7,75%). Также использовались следующие приемы (они применялись относительно редко, но частота их применения равняется или превышает 1%): «хозяин или господин», «перенос положительного

образа», «наименьшее зло» (все по 3,25%); «использование слов, относящихся к основным ценностям общества» (2,5%); «опережающее использование затруднительного вопроса или проблемы», результаты опросов общественного мнения» (по 1,5%); «метод исторических аналогий», «экспертный комментарий опросов общественного мнения» (по 1,25%).

Для создания отрицательного образа Б.Н. Ельцина в региональной прессе чаще всего использовались следующие приемы: «осмеяние», «неопределенные выражения и намеки, несущие негативную окраску» (по 3,25%); «псевдологические выводы» (2%); «наклеивание ярлыков» (1,5%); «метод исторических аналогий», «использование слов, относящихся к основным ценностям общества» (по 1%).

Подводя итог вышеизложенному, мы можем констатировать, что, начиная с выборов президента Российской Федерации 1996 года, традиционные методы избирательных кампаний (раздача листовок, встречи с избирателями, поквартирный обход, размещение имиджевых материалов в СМИ) был дополнен большой группой относительно новых для российской практики приемов политической манипуляции массовым сознанием: выборочный подбор информации, осмеяние, использование слухов, пугающих тем и сообщений, контраста, противопоставлений, наклеивание ярлыков и др. В региональной прессе эти приемы также активно использовались, о чем свидетельствует анализ ведущих региональных газет «Челябинский рабочий» и «Вечерний Челябинск».

Опыт, накопленный политтехнологами в процессе рассматриваемых выборов, активно осваивался все последующие годы. И современная политическая элита России активно использует масс-медиа в качестве инструмента воздействия на общество.

1. Балынская, Н.Р. Журналистика в политическом процессе: монография / Н.Р. Балынская, под ред. М.М. Ковалевой. – Екатеринбург: Уральский гос. университет им. А.М. Горького, 2008. – 166 с.

2. Дзялошинский, И.М. Российские СМИ: Как создается образ врага. Статьи разных лет / И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская. – М.: Московское бюро по правам человека Academia, 2007. – 168 с.

3. Дзялошинский, И.М. Как нами манипулируют? <http://www.dzyalosh.ru/dostup-pravo-2004.shtml>

4. Засурский, И.И. Масс-медиа второй республики / И. Засурский. – М.: Изд-во Московского университета, 1999. – 271 с.

5. Моль, А. Социодинамика культуры /А. Моль. – М.: Прогресс, 1973.– 234 с.

6. Цуладзе, А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. http://www.koob.ru/culadze/polit_manipulatsii

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

УДК 32

В.П. БРОЗОВСКИЙ

Региональная элита России как важнейший субъект политического процесса сравнительно недавно исследуется российскими и зарубежными политологами, социологами и экономистами. За короткое время реформ в субъектах федерации сформировались группы лидеров, обладающие высоким политическим влиянием на дела региона и страны, имеющие высокий уровень социального капитала. Однако изучение региональных элит сталкивается с рядом методологических проблем, обусловленных процессами развития самой общественной науки. Проблемы методологии затрагивают фундамент науки и подразделяются, на наш взгляд, на несколько взаимосвязанных рубрик: 1) место элит в историческом процессе; 2) определение основного критерия выделения элиты; 3) функции элиты в постиндустриальном обществе; 4) классические, неоклассические и неклассические теории элиты. В настоящее время складывается следующая структура отечественной элитологии: 1) онтологическая элитология; 2) элитологическая гносеология; 3) социально-философская элитология (нормативная теория элит); 4) социология элиты [2, с. 64–69]. Социология элиты занимает центральное место в элитологии, так как занимается исследованием реально существующих элит. Элитология в нашей стране пока лишь обретает общую методологию и общие теоретические основания, поэтому говорить о единстве подходов исследователей к определению ее основных категорий, закономерностей и объектов преждевременно.

В отечественной элитологии с самого начала был поставлен острый и неожиданный вопрос о том, существует ли у данной теории предмет исследования. Так, вполне обоснованный скепсис в этом отношении высказывает в своих статьях и книгах известный российский социолог Ж.Т. Тощенко. Он считает, что рассмотрение современного правящего класса России через призму элитистских или просто лидерских теорий не имеет смысла, поскольку «ни о какой элите в сегодняшней (да и вчерашней) России не может быть и речи» [16, с. 123]. Большинство представителей нынешнего правящего класса следовало бы назвать лидерами, если бы не перманент-

ное состояние кризиса всей социально-экономической и политической системы страны. Таким образом, «нами правят – и в политике, и в экономике – не элиты, а группы людей... как «клики», «кланы», «касты» [16, с. 130]. На наш взгляд, последовательное развертывание этой точки зрения приведет нас либо к отказу от теоретического исследования лидерских (правящих) групп нашего общества, либо к необходимости разработки особой теоретико-методологической модели для анализа так называемых «превращенных форм» элиты (лидерства).

Выходом из данной ситуации является предлагаемый нами подход, согласно которому современную российскую элиту необходимо рассматривать как становящийся феномен, к которому неприменимы в полной мере критерии и характеристики, сформулированные применительно к уже сложившимся элитам демократического общества. Ведь с той же степенью основательности можно говорить об отсутствии в России и демократии, и рыночной экономики, и партий, и современной системы образования, и гражданского общества, многого другого. Переходные состояния вообще характеризуются спецификой, требующей дополнительных (по сравнению с классической теорией) теоретико-методологических приемов. В нашем случае таким приемом может стать применение к переходным, становящимся элитам функциональных определений, которые относительно, инструментальны и не претендуют на полноту отображения предмета в его развитой форме существования.

Функциональные определения по своей гносеологической природе относятся к научным теориям так называемого среднего уровня. Использование функциональных определений является относительно новым для отечественной социальной науки и связано, в первую очередь, с тем обстоятельством, что в рамках социальной науки, особенно – политологии, еще не получили развития познавательные приемы и процедуры, характерные для теорий среднего уровня. Особые значения, которые мы придаем функциональным определениям, обусловлены тем, что они имеют во многом прикладной

характер, могут быть применены к первичной научной обработке новых феноменов, спорных с точки зрения устоявшихся теоретических представлений.

С нашей точки зрения, феномен элит реализуется сегодня в форме социальных групп, осуществляющих функции лидерства и социально-политического управления территориями. При всей новизне, структурной расплывчатости, функциональной «многопрофильности» деятельность этих групп становится осязаемым фактором функционирования территориальных систем различного уровня и вида.

Так, согласно точке зрения ряда исследователей (О. Гаман-Голутвина, О.В. Крыштановская, А.В.Понеделков, М.Фарукшин, В.П. Мохов и др.) в России все-таки существуют центральные и региональные административные, политические и бизнес-элиты, составляющие в новых условиях трансформации социума – его правящий класс. Свообразным конструктивным продолжением дискуссии, открытой в отечественной социологии статьей Ж.Т.Тощенко, явилось уточнение категорий и основных понятий социально-политической теории элит («российская элита», «элитное рекрутирование», «новая российская бюрократия», «политическое лидерство», «олигархия» и т.п.) [5, с. 930–105].

В отечественной политологии и социологии конкурируют несколько теорий, имеющих существенное значение для исследования всех аспектов проблематики становления региональных элит и формирования инновационного потенциала бизнес-элиты как субъекта модернизации в условиях российской провинции.

Согласно одной из них персональное наполнение властных позиций и набор политических акторов в регионах свидетельствуют о возвращении к власти бывшей советско-партийной номенклатуры и конвертацию в новых демократических условиях ее прежнего статуса (О.В. Крыштановская, Д.В. Бадковский, М.Н. Афанасьев и др.) [9, с. 37–44; 10, с. 3–12; 1, с.59–67]. Альтернативную позицию занимают В. Гельман, С. Рыженков, И. Егоров, В. Нечаев, С. Борисов, М. Мендрас с концепцией «сообщества элит», которая моделирует институты новых политических практик, применяя транзитологические и традиционные элитистские методики для описания «дрейфа» региональных политических режимов в направлении демократизации, ротации людей власти и

замены их новыми людьми [6, с. 79–97; 7, с. 39–128; 17, с. 63–80].

Условно «промежуточное положение» занимают теоретические работы О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, Е.В. Охотского, Н. Лапиной, А. Чириковой, А.В. Огарёва [4; 11; 12; 13; 14]. Значительный вклад в анализ парадигмы политического управления региональными системами вносят исследования А.М. Старостина и А.В. Понеделкова. В этих исследованиях они отталкиваются от политических, социально-экономических и цивилизационных особенностей развития России и приходят к выводу, «что в отличие от западных государств для российской действительности программно-целевой метод политического управления оказывается самым адекватным, а также единственным, позволяющим сохранить государственную целостность и идентичность в условиях сложившихся геополитических и географо-климатических реалий. Что касается социально-представительского типа управления (к которому тяготеет Запад), то он больше подходит для развития России на региональном уровне, да и то не повсеместно (значительная часть северных и восточных регионов не сможет длительное время существовать без опоры на программно-целевые методы и на местах)» [15, с. 45].

Что касается конкретных схем взаимоотношений региональных политических, административных и бизнес-элит, то, на наш взгляд, весьма продуктивный подход к этой проблеме был предложен А. Чириковой и Н. Лапиной [11, с. 85–94]. Они выделили несколько моделей взаимодействия бизнеса и власти, которые в настоящее время сложились в регионах России. Первая – это модель патронажа, предполагающая административный диктат власти по отношению к бизнесу. Вторая – модель партнерства, в рамках которой представители бизнеса и власти эффективно взаимодействуют. Третья модель – борьба всех против всех. Четвертая – приватизация власти, когда власть контролируется или формируется бизнес-элитой. Анализ процессов формирования региональной элиты, влияния на него тех или иных моделей взаимодействия власти и бизнеса должен учитывать более общий контекст взаимоотношений элиты и регионального сообщества. В этой сфере преобладают элитократические тенденции, вклад в укрепление которых вносят все отряды региональной элиты, и административная, и политическая, и бизнес-элита. Можно даже

говорить об интенсификации в регионах этого процесса в последние годы. Он сигнализирует о стремлении основной части элиты к «аристократизации» на фоне постепенного угасания демократических тенденций, позволивших современной элите «притти к власти» и к обладанию собственностью [15, 51–52].

Сложившаяся за последние пятнадцать лет теоретико-методологическая ситуация в российской элитологии характеризуется наличием нескольких проблем. Во-первых, это проблема назначения элиты – вопрос, по поводу которого существуют различные, порой прямо противоположные суждения. Исходный пункт здесь – обоснование необходимости элиты для общества. В свое время В. Парето писал, что элитой именуется лица, получившие наивысший индекс в области их деятельности; помимо власти и богатства, предполагается наличие определенных качеств у людей, претендующих на принадлежность к элите, таких, как военная доблесть, происхождение, личное достоинство, искусство управления. Кроме дефиниции Парето, в настоящее время активно используются также нормативные и позитивные определения элиты. Вслед за позициями, сложившимися в истории науки, элиту и ее представителей рассматривают в различных ракурсах: как наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть, как организованное меньшинство общества (Г. Моска); как людей, обладающих высоким положением в обществе и благодаря этому оказывающих влияние на социальный процесс (Г. Дюпра); как лиц, пользующихся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством (Г. Лассуэлл); как людей, обладающих повышенным чувством ответственности (Х. Ортега-и-Гассет); как «бог вдохновенных» личностей, которые откликнулись на «высший призыв», услышали «зов» и почувствовали в себе способность к лидерству (Л. Фройнд); как харизматических личностей (М. Вебер); как творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); как руководящий слой в любых социальных группах – профессиональных, этических, локальных (например, элита провинциального города); как лучших, наиболее квалифицированных членов определенной социальной группы, обладающих интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу [2, с. 64–69]. В любом случае дихотомия элиты и массы является ведущим методоло-

гическим принципом элитистского анализа социальной структуры общества.

Вторая теоретико-методологическая проблема, связанная с анализом региональных элит, заключается в установлении основного критерия выделения элиты. В своем современном виде эта проблема сводится к выбору между тремя подходами: нормативным, кратологическим и функциональным. В своей совокупности эти три подхода раскрывают эволюцию представлений об элите в XX веке и составляют их своеобразный «мейнстрим». Современное развитие исследований элит дополняют социокультурный и институциональный подходы, которые давно относятся к числу классических в исследовании элит.

Нормативный подход был обоснован В. Парето еще во второй половине XIX века. Согласно ему выделение элиты происходит на основании особых качеств, отличающих эту группу от остальной массы населения. Этот подход можно отнести к аксиологическим концепциям, поскольку ценностная составляющая в нем является ведущей. Самое сложное при данном подходе – раскрыть содержание качественных характеристик элиты и определить, что значит «лучший»? Этот и другие вопросы составляют то проблемное поле, в разрешении которого видят свою задачу сторонники нормативного подхода. Следует отметить, что в исследовании региональных элит нормативный подход создает известные трудности. И главная из них заключается в том, что критерии качества, применяемые для выделения элит всего общества, должны получить специфическое преломление применительно к каждому региону и его элитам. Вместе с тем аксиологическая составляющая может сильно различаться в зависимости от социального, национального, конфессионального, демографического составов населения регионов. Поэтому существует опасность использования разнотипных критериев для описания элит различных регионов, что затрудняет сопоставление результатов анализа. Однако большим преимуществом нормативного подхода является четкое разделение элитной, профессиональной, социально-экономической и властной структур, которые в современном обществе не должны совпадать и не совпадают друг с другом.

Следующим по распространенности является кратологический подход. Его основоположником считается Р. Михельс. Он сформулировал так называемый «железный закон

олигархии», который, по его мнению, действовал и действует в истории всех известных в настоящее время народов. Суть подхода, как и собственно «железного закона олигархии», предельно проста. В условиях любого режима и социальной организации управляют обществом избранные, или элита. Элита – это те, кто находится у власти. Уже сам факт пребывания у власти создает основания для отнесения человека к элите, а не наличие особых качеств. Данный подход является преобладающим в исследованиях элит, в том числе и региональных элит. Под влиянием кратологического подхода к элите относят определенные категории (группы) политических, административных и экономических субъектов в соответствии с их статусными позициями, ролевыми функциями, номинально занимаемыми должностями. Эта процедура часто сводится к формальному списку влиятельных игроков в политическом пространстве регионов. Большинство конкретно-социологических и политологических исследований на региональную тематику выполнено в данном ключе. Властные отношения, пронизывая общество и его структуры, создают основу для формирования соответствующих групп элиты. Данный подход применим к обществу любого типа, а основной критерий отнесения к элитам совпадает с определением структуры власти.

Наконец, третий – функциональный подход, который образован трактовкой элиты как особой социальной группы, выполняющей определенные жизненно важные функции в обществе. В реализации любого из описанных выше подходов можно указать на специфические функции, которые выполняет элита. Но только при переходе к индустриальному, а затем и постиндустриальному обществу, у элиты как правящего класса появляются специфические функции, отличные от функций сословных, кастовых, классовых или иных властвующих групп. Именно социальная структура индустриального общества, кроме стратификации групп, классов и слоев, включает в себя дополнительный параметр – отношения между элитами и массами.

Элиты выполняют в индустриальном обществе ряд важнейших функций, что предопределяет возможность, достаточность и неизбежность их существования и функционирования. По мнению И.А. Ильина, отличительными чертами элиты являются не классовая или кастовая принадлежность, знатность происхождения или денежный

капитал, а наличие волевого характера, веры, искреннего патриотизма и национализма, правосознания, чести и совести, образования, организаторских способностей и опыта политической работы, ответственности и способности к бескорыстному служению долгу. Он считал критерием отбора элиты «повышенное чувство ответственности и способность забывать о своем личном «успехе-неуспехе» перед лицом Дела» [8, с. 357].

Фрагментация современного общества, дробление индустриальных масс на отдельные группы, усложнение общественной жизни в целом – естественная основа для структурно-функциональных изменений элиты. Диверсификация регионального, национального и мирового производства выступает как составной элемент диверсификации элит. Процессы глобализации также изменяют характер, ценности, состав и функции элит. Глобализация имеет своим прямым следствием образование наднациональных элит (руководящие слои транснациональных корпораций, банков, органов управления международных организаций, международных политических организаций и т.п.). Рост и увеличение элитарных групп общества сопровождаются своеобразной «элитизацией масс», то есть рекрутированием все большей их части в состав специализированных функциональных элит, деятельность которых становится критически важной для функционирования общества или отдельных его систем и подсистем.

Неожиданным следствием глобализации и становления наднациональных элит в современном обществе является интенсивное формирование региональных элит, повышение их роли в жизнедеятельности региональных сообществ, а также растущее влияние на действия центральной власти. Данное обстоятельство требует решительного обновления теоретико-методологических основ исследования региональных элит. В этом случае изучение властных элитных позиций дополняется функциональным анализом влияния тех личностей и групп, которые, не будучи включены в «официальные» властные структуры, тем не менее, определяют как политику самой элиты, так и поведение масс через неполитические институты и инструменты. Это может быть бизнес-элита всех уровней, информационная элита, научная элита, лидеры местных сообществ, оппозиция, околотэлитное окружение и т.д. Структура региональных элит

включает более широкие группы влиятельных акторов.

В федеративных многонациональных государствах региональные элиты обеспечивают, во-первых, воспроизводство основных (общенациональных) параметров социума в данном регионе. Это достигается благодаря выполнению интегративной функции, свойственной элитам в индустриальную и информационную эпоху. В политически и административно сложно организованных обществах каждый регион должен действовать и как единое целое, и как составная часть всего общества, обеспечивая его воспроизводство.

Во-вторых, региональные элиты осуществляют в условиях модернизации целый спектр важнейших коммуникативных функций, так как именно в регионах, в россий-

ской провинции происходит реальное взаимодействие масс и власти, масс и элиты.

В-третьих, региональные элиты выступают как фактор идентификации траектории развития социума, стабилизируя и вертикаль власти, и социальную устойчивость в условиях неравенства. Региональные элиты способны защитить социум от «раскачивания», от неожиданных кризисов, вызванных импульсивными решениями или действиями отдельных личностей, организаций или социальных групп. Таким образом, междисциплинарный функциональный подход, опирающийся на нормативные, социокультурные и институциональные исследования элиты, транзитологический анализ динамики ее структуры позволяют исследовать региональные элиты в более широком контексте отношений и взаимодействий.

1. Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Политические исследования. – 1994. – № 6.
2. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк / Г.К. Ашин. – М., 1985.
3. Ашин Г.К. Философская составляющая элитологии // Вопросы философии. – 2004. – № 7.
4. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О.В. Гаман-Голутвина. – М., 1998.
5. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Политические исследования. – 2000. – № 3.
6. Гельман В.Я. «Сообщество элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // Политические исследования. – 1999. – № 1.
7. Гельман В.Я. Трансформация региональных политических режимов в России // Власть и общество в постсоветской России / В.Я. Гельман, И.В. Егоров, С.И. Рыженков. – М., 1999.
8. Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. – М., 1993.
9. Крыштановская О. Анатомия российской элиты / О. Крыштановская. – М., 2004.
10. Крыштановская О.В. Новая элита общества // Человек и карьера. – 1995. – № 8.
11. Лапина Н. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации / Н. Лапина, А. Чирикова. – М., 1999.
12. Охотский Е.В. Политическая элита и российская действительность / Е.В. Охотский. – М., 1996.
13. Понеделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России / А.В. Понеделков. – Ростов-на-Дону. 1995.
14. Понеделков А.В. Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры) / А.В. Понеделков. – Ростов-на-Дону. 1995.
15. Старостин А.М. Анализ позиционирования в политическом процессе и эффективности деятельности современных административно-политических элит России // Социум и власть. – 2004. – № 2.
16. Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. – 1999. – № 11.
17. Центр и регионы России. – М., 2000.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ЮГА РОССИИ

УДК 323.3:316.3

В.В. РУДОЙ, А.В. ПОНЕДЕЛКОВ, А.М. СТАРОСТИН, В.Д. ЛЫСЕНКО

В отечественном общественном знании и прежде всего в политологии в последние годы были предприняты значительные усилия по разработке элитологического подхода, который в настоящее время, с нашей точки зрения, может претендовать на статус парадигмы.

По крайней мере, именно отталкиваясь от анализа деятельности российских политических элит, многие отечественные и зарубежные политологи объясняют и прогнозируют ход политических процессов в России. В то же время, по мнению многих авторитетных авторов, обозревающих степень оригинальности и продуктивности современной российской политологии, отмечаются результаты именно российской политической элитологии. Эти результаты интересуют и зарубежных политологов, и отечественных. Именно шаги в этом направлении позволяют, на наш взгляд, дать наиболее адекватную картину современных политических процессов, развертывающихся и в России (на ее микро- и макроуровне), и в других регионах, и на глобальном уровне, что придает уверенности в обосновании парадигмального статуса современной политической элитологии. Думается, что это не только наш вывод.

Так, профессор Г.К. Ашин пишет: «Пора в полный голос заявить о формировании российской школы элитологии. Эта школа сложилась в последние полтора десятилетия XX в. (главным образом, в последние десять лет). И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время на обсуждение элитологической проблематики было наложено табу. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а значит, и цензурным) соображениям... И исторически элитологическая проблематика входила в советскую науку с "черного хода" – через разрешенный жанр "критики буржуазной социологии"... Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия "выстрадала" элитологию» [8].

Что касается конкретизации принципов элитологии на теоретическом уровне,

то речь может идти о той или иной коллективной или авторской элитологической концепции. Практически в каждой из них просматривается не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода. Иными словами, мы имеем дело и с конкретно-теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиций элитологии.

Авторское видение данных процессов изложено более чем в 300 публикациях, выходящих на протяжении последних 15 лет, и основано на обширной эмпирической базе. За эти годы было реализовано свыше десяти социологических проектов, нацеленных на исследование российских элит. В рамках этих проектов проводились опросы населения в регионах Северного Кавказа и в ряде других регионов России, интервьюировались представители элиты и эксперты, использовались включенное наблюдение, биографический и другие методы. Это и позволило зафиксировать основные характеристики региональной административно-политической и бизнес-элиты, а также особенности некоторых других элитных групп.

При рассмотрении региональных элит следует, прежде всего, заметить, что характеристики российских элитных групп, как и общества в целом, мозаичны и весьма отличаются в зависимости от региона и путей формирования. Поэтому, как показали исследования О.В. Гаман-Голутвиной, А. Чириковой и Н. Лапиной [3; 4; 2], региональные элиты России вряд ли возможно описать какой-либо унифицированной моделью. В российских регионах закладываются различные стержневые составляющие элит. На наш взгляд, можно, например, говорить об этнократических элитах республик, административных элитах многих русскоязычных областей. В ряде регионов у власти находится

либо элита бизнеса, либо сами губернаторы стали таковой, и мы имеем дело с элитой, приватизировавшей власть. Наконец, многие региональные элиты ныне представлены силовиками, т.е. приобрели военно-административную составляющую.

Анализируя структурные характеристики современных региональных политических элит социологическими методами, имеет смысл обратиться к данным, касающимся, прежде всего, их высшего состава: глав администраций (президенты республик и губернаторы) и их заместителей, глав региональных правительств и законодательных собраний.

Вот как характеризовался этот состав по состоянию на начало 2000-х годов по Южному федеральному округу (13 субъектов РФ). Средний возраст – 53,6 года, образовательный уровень – все имеют высшее образование, 47% – два и более высших образования, 33% – ученую степень кандидата или доктора наук.

По первому высшему образованию 72% закончили технические и сельскохозяйственные вузы. 64% имеют опыт партийно-советской работы. Средний срок пребывания в партийной номенклатуре – около 10 лет. Более половины представителей характеризуются своей трудовой биографией простыми рабочими или колхозниками (остальные – студентами, военнослужащими).

Анализ свидетельствует о незначительных изменениях в существующей объективной картине, происходящих со временем. Однако очевидно, что такие изменения могут произойти по завершении в ближайшей перспективе волны переназначения губернаторского корпуса и осуществления шагов административной реформы на региональном уровне.

Значительный интерес представляет образ политических элит, формирующийся в общественном мнении, в глазах населения. Остановимся на результатах нашего последнего социологического проекта.

Опрос был проведен в сентябре-октябре 2009 г. в 13 субъектах РФ, входящих в состав Южного федерального округа, по репрезентативной выборке, разработанной в социологическом центре РАГС при Президенте РФ. В регионах ЮФО опрошено около 700 респондентов-экспертов.

Выделим общие итоги проведенного анализа результатов.

1. Общие тенденции проявлены не только в данном, но и в более ранних оп-

росах населения и экспертов по аналогичной методике. Они обозначились и устойчивы по меньшей мере последние пять лет, что, скорее всего, свидетельствует об устойчивой диспозиции в системе «население» – «элиты», «власть» – «население».

2. Анализ содержательных оценочных позиций граждан, проявившихся в последние годы, показывает, что налицо заметное расхождение в оценках состава и деятельности элит по оси «сущее – должное». Сущее – это достаточно низкая оценка деловых и человеческих качеств элитного сообщества и очень низкая – гражданских. Обозначился острый запрос на элиту патриотичную, гражданственную, профессиональную, сформированную по заслугам и достижениям и чутко реагирующую на интересы и запросы общества.

Наличие таких устойчивых «ножниц» в оценочном контексте свидетельствует о существенных предпосылках делегитимизации власти, которая может проявиться в острой форме, например, в период ее смены. За примерами далеко ходить не нужно. У многих в памяти период смены власти в середине-конце 1980 годов и последовавшее за этим крушение СССР.

3. Данные этого и предшествующих опросов населения и экспертов позволяют вполне обоснованно говорить о современных российских элитах как о *протоэлитном образовании*. Ни состав, ни стиль управленческой деятельности, ни легитимность современных элит не являются устоявшимися. А по ряду показателей элиты проявляют себя в девиантных формах. Что скорее характеризует маргинальные слои, нежели привилегированные. Эти проявления не остаются без внимания у населения и экспертного сообщества.

Пути и механизмы коррективов состава и деятельности элит в целом известны, но блокируются рядом влиятельных групп внутри самого элитного сообщества. Надежды на разблокирование таких действий население возлагает прежде всего на высших руководителей страны, которые смогут реформировать и систему управления, и кадровую политику.

Значительный интерес представляет сопоставление полученных данных с результатами, которые были получены нами 15 лет тому назад [5; 6; 1]. Несмотря на существенное сходство использованного инструментария, полностью корректного сопоставления здесь добиться сложно, но ряд тенденций

общего плана высвечивается достаточно отчетливо.

Прежде всего, обращают на себя внимание изменения в источниках формирования состава элит и их управленческого опыта. Они носят естественный характер. За прошедшие 15 лет произошло обновление региональных элит. Постепенно уходит от рычагов управления основная ее страта, получившая первичный управленческий опыт в партийно-советской системе. Она замещается людьми, получившими первичный опыт, работая уже в структурах современной администрации. По экспертным оценкам представителей о самой региональной элите, удельный вес последней страты вырос почти вдвое, достигнув 30% от общего состава. Он почти уравнивал слой управленцев, получивших серьезную закалку на партийно-советской и комсомольской работе (в настоящее время их около 35%). В то же время слой, прошедший управленческую социализацию в прежней социально-политической системе, за прошедшее десятилетие сократился в полтора раза.

Показательно и то, что серьезно ослаблены составляющие технократического влияния на региональное управление. Если в 1993 г. более 27% опрошенных указывали на производственный опыт как на серьезную школу управления, то в 2009 г. таких осталось не более 16,5%. Это подтверждается и данными об образовании. Впервые за 15 лет численность представителей элиты с базовым гуманитарным образованием превысила число тех, кто имеет техническое и естественнонаучное образование. Да и сведения о востребованности тех или иных блоков знаний свидетельствуют о том же.

Если в 1993 г. около половины опрошенных указывали на недостаточную компетентность в сфере экономики и права, то в настоящее время таковых насчитывается менее 25%. В то же время выросла значимость таких блоков, как информационное обеспечение руководства и искусство делового общения.

Существенно изменилась за 15 лет оценка представителями региональной элиты основных «центров власти» в регионе. Если ранее первая тройка выглядела так («кому ранее принадлежит власть в регионе?»): «коррупцированная часть аппарата управления – мафия, криминальные структуры – глава региональной администрации», то сейчас это: «глава администрации – богатые люди, коммерсанты, банкиры – кор-

рупцированная часть аппарата управления». Причем оценка влияния такого «центра власти», как глава администрации, возросла за десятилетие в 2,5–3 раза (превысив 40%). В то же время оценка влияния регионального законодательного органа мало изменилась, оставшись на уровне 9–10%. Существенно (в 4–5 раз) снизилась оценка влияния прежней партноменклатуры.

Это выразилось и в оценке источников формирования современной региональной элиты, где бывшей партноменклатуре уделяют свое внимание менее четверти опрошенных. Произшли и значительные подвижки в представлениях о ценностно-идеологической направленности современного политического руководителя. Практически осталось неизменным за 10 лет предпочтение руководителей-«прагматиков» (до 36% опрошенных против 35% 15 лет назад) и существенно снизилась ориентация на лидеров-«патриотов» (до 44% против 61% в прошлом). В то же время предпочтение «диктаторов» осталось на прежних позициях (соответственно 5–6%). Существенно упали рейтинги лидеров-«либералов» (с 25 до 10%). И еще одно в оценках экспертов представителей элиты привлекает внимание – изменение роли факторов, определяющих прочность пребывания в эшелонах власти. Если 15 лет назад безусловное лидерство принадлежало умелой микросоциальной и макросоциальной ориентации («умение улавливать и защищать интересы людей» и «умение поддерживать неформальные отношения с людьми»), то ныне на ведущих позициях – лояльность политическому режиму и профессионализм.

Таким образом, за прошедшие 15 лет региональные элиты значительно обновились и в структурном, и в деятельностно-стилевом, и в ценностном измерениях. Они стали в существенной мере менее гетерогенными по своим политико-идеологическим ориентациям, более четко идентифицируют свои интересы в системе государственных целей и приоритетов; более адекватны в профессиональном отношении, хорошо ориентируются в современных экономических и правовых реалиях; более подготовлены к современному публичному политическому дискурсу. В то же время произошла апробация и оценка силовой составляющей политических элит в роли политических лидеров и руководителей, которая дала противоречивые результаты, но, скорее всего, носила тактический характер. Вместе с тем региональ-

ной бюрократии так и не удалось создать устойчивые механизмы рекрутирования административно-политической элиты. Ими не стали ни новая партийная система, ни сама система административной карьеры, ни силовые структуры. По нашему мнению, в ближайшей перспективе – рекрутирование в высшие эшелоны региональной власти представителей бизнеса, прошедших ранее школу нового государственного администрирования и ушедших на время с государственной службы.

Проведенные исследования поставили и ряд проблем, связанных с методологией и методикой исследования современных российских элит. В центре внимания находится проблема выявления «элитной субстанции», поскольку в современной российской действительности в глаза бросается принципиальная «неэлитарность» того человеческого материала, который включается в состав элит. Создается впечатление, что в российских условиях главную роль в генерировании элиты играют своеобразные «элитные операторы» или, говоря математическим языком, функциональные системы, возводящие в элитный ранг практически любого индивида, включенного в область их действия. Отсюда и акцент в современных российских элитологических исследованиях прежде всего на

методы позиционного анализа, ориентация на статусные позиции в анализе элит и лидеров, в комментариях и прогнозах по поводу их деятельности.

Опора на статистическую обработку биографических данных, изучение карьеры траекторий (О. Крыштановская) или аккумуляция данных о сетевых взаимодействиях в элитных группах (А. Мухин) позволяют лишь детализировать общее представление о неукорененном и нестабильном положении российских элит, о некоем неустойчивом состоянии «элитной взвеси». Тем не менее, анализ картины элитного сообщества, составленной с использованием композиции основных методов (позиционный, репутационный, биографический, изучение конфидентных и конституэнтных сетей) показывает гетерогенный характер элитного сообщества, действие разнородных механизмов генерирования лидерских и элитных групп и несформированность капитала социального влияния, позволяющего консолидировать общество. Вместе с тем, и общество, находясь в несформированном, гетерогенном состоянии, не в состоянии пока выработать относительно интегрированные механизмы легитимации и признания элитных групп и программ их деятельности.

(Продолжение следует)

-
1. Административно-политическая элита региона, социологический анализ. 1995. Ростов-на-Дону.
 2. Властные элиты современной России (по материалам III Российского политологического конгресса). 2004. Ростов-на-Дону.
 3. Гаман-Голутвина О.В. 2004а. Региональные элиты: персональный состав и тенденции эволюции. – Полис, № 2–3.
 4. Гаман-Голутвина О. В. 2004б. Региональные элиты России: теоретические модели и практики. – Гаман-Голутвина О. В. (ред.). Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты регионов России. М.: Имидж-контакт.
 5. Понеделков А.В. 1995а. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов-на-Дону.
 6. Понеделков А.В. 1995б. Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов-на-Дону.
 7. Понеделков А.В., Старостин А.М. 2007. Элитологи об элитах. Ростов-на-Дону.
 8. Элитологические исследования. Ежегодник. 2005. 2006. Ростов-на-Дону.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

УДК 322

О.В. ОСИПОВ

Наблюдаемый в настоящее время в России ренессанс религиозных духовных ценностей не случаен. Так же, как не случаен взлет популярности религиозных институтов всех основных, «традиционных» конфессий. Дискредитация и крах марксистско-ленинской государственной идеологии, развал СССР вызвал к жизни поиски новых духовно-нравственных ориентиров и идей национального сплочения российского общества, формирования гражданского общества.

Выдающийся русский философ XIX века В.С. Соловьев обозначил важнейшую черту русского национального идеала. «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе... англичанин с любовью говорит: старая Англия... Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит и, желая выразить свои лучшие чувства к Родине, говорит о Святой Руси. Вот и идеал – не либеральный, не политический, не эстетический, а идеал нравственно-религиозный» [8, с. 195], – подчеркивал он.

Не вдаваясь в частности и исключения, можно утверждать, что с момента принятия православия в 988 г. Киевским великим князем Владимиром Красно Солнышко и до падения российского самодержавия в 1917 году Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) была тесно слита с государством, являлась неотъемлемым его элементом. Более того, с начала XVIII века, лишившись института Патриаршества, РПЦ превратилась в одно из государственных ведомств – Святейший Правительствующий Синод.

Святейший Синод определял следующие задачи Церкви: «Деятельность Церкви – в проповеди в церкви или в домашнем назидании прихожан, в приобретении особого уважения и доверия их, в ощутимом влиянии на них, во вразумлении заблудших, в христианском образовании детей, в благотворительности, в наставлениях врачебных и хозяйственных». Церкви, кроме того, выполняли и государственные функции – занимались учетом населения, отмечали родившихся, бракосочетания и регистрировали умерших.

Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства Российского определялись следующим образом: «Церковь тесно слилась с государством, последнее господствовало над Церковью, сделало ее орудием политики, а та широко пользовалась услугами государства вплоть до обращения в свое лоно иноверцев» [7, с. 29].

Основными сферами деятельности РПЦ были: литургическая, культурно-идеологическая, публично-правовая, политическая, административная и морально-нравственная. Однако в синодальный период, под воздействием государства, она была вынуждена помимо своей главной – литургической – все более активизироваться в тех из них, которые были тесно связаны с охранением самодержавия, особенно – в культурно-идеологической.

Российская империя делилась на церковные административно-территориальные округа – епархии, количество которых постепенно увеличивалось. За 30 лет царствования Николая I оно выросло с 40 до 53, а в 1917 г. достигло 68.

В частности, Оренбургско-Уфимская епархия, в состав которой входил весь Южный Урал, была образована в 1799 году, а архиерейская кафедра переведена в Оренбург в 1859 году в результате самоопределения Уфимской епархии. В ее состав входили Оренбургская

губерния (в составе уездов – Оренбургского, Орского, Троицкого, Верхнеуральского, Челябинского) и две области – Тургайская и Уральская. Численность населения епархии составляла 2 млн 706 тыс. 512 человек, из которых 47% – православного и единоверческого вероисповедания, 45% – мусульманского, 4% раскольников и сектантов, 3,5% – язычники-калмыки и 0,5% других вероисповеданий [9, с. 225].

Особенностью административно-территориального деления Православной Церкви было то, что границы епархий, как правило, совпадали с границами губерний. Так обеспечивался дополнительный контроль государства над РПЦ и необходимое согласование действий светской и духовной властей.

Таким образом, до начала XX века Русская Православная Церковь, по сути, структуре, функциям, характеру деятельности являясь главным идеологическим ведомством государства, использовала систему нравственного, патриотического воспитания населения России посредством богослужебных обрядов, обычаев, массовых и индивидуальных форм воздействия на сознание и быт прихожан.

Не являясь самостоятельным институтом в государстве, она находилась в кильватере его политики, разделяла в полной мере его деспотизм и неспособность властных структур адекватно и эффективно отвечать на актуальные политические и социальные вызовы.

Революционные преобразования первой четверти XX века стали причиной формирования для РПЦ принципиально новых условий существования, болезненного и мучительного поиска нового места, миссии в обществе, в принципиально новых условиях советского воинствующего атеизма.

Одними из наиболее значимых ответов РПЦ на новую политическую ситуацию стало восстановление в 1917 г. института Патриаршества и активизация либерально-обновленческого движения, выдвинувшего программу модернизации православия с учетом перехода России на новый путь развития. В итоге восстановление института Патриаршества, так же, как и идеи «обновленчества», имело решающее воздействие на модернизацию Русской Православной Церкви и формирование принципиально нового качества ее статуса и условий функционирования в условиях социалистического общества. Официальная власть четко обозначила свое отношение к РПЦ, де-юре

отделив ее деятельность от государства и образовательной среды, декларировав свободу вероисповедания, предоставив ей автономное существование в рамках существующего светского законодательства, де-факто развернув масштабную политику уничтожения ее наиболее активных, авторитетных священнослужителей, адептов и собственно культовых атрибутов (от имущественных до обрядовых), сопровождая свои действия идеологическим обличением религиозного вероучения. Это был период «советского средневековья, инквизиции» государства над Церковью.

Некоторые изменения в подходах к пониманию и учету ментальной роли, функций РПЦ в обществе были продемонстрированы Советской властью в период Великой Отечественной войны, во время которой деятельность Церкви заметно активизировалась. Впрочем, этот период был скорее вынужденным для власти, когда необходима была победа любой ценой и любыми средствами.

Прагматичный мотив государственной власти СССР подтвердили послевоенные события, в 50–60-е годы XX века вновь продолжается изначальный процесс вытеснения религии и церкви из общественно-политических процессов, ужесточение контроля за ее функционированием в обществе, всяческое воспрепятствование ее деятельности различными официальными и неофициальными методами и приемами.

Настоящий ренессанс РПЦ, но уже в ином качестве, был связан с революционными процессами в России 80–90-х годов XX века, ознаменованными отказом от социалистической модели развития, развалом СССР, крахом мировой системы социализма и прекращением «холодной» войны между Востоком и Западом. Эти процессы не могли не касаться и вопросов обретения истинной свободы совести, вероисповедания.

В советские времена РПЦ завоевала подлинную автономию (ценой смирения, толерантности, больших человеческих жертв), а торжественное празднование тысячелетия крещения Руси послужило одним из сигналов к религиозному пробуждению общества.

«Она стала полноценным институтом гражданского общества, который рассматривает себя как частное явление в обществе и не может претендовать на всеобщность, зато получает полную независимость для отправления задач, возложенных на Церковь Христом. И все же в этом новом для себя социальном статусе Церковь оказалась си-

люю исторических обстоятельств, а не собственной волей. Собственная воля и развитие начинается только сейчас» [5, с. 32].

Уникальность момента, который переживает в настоящее время РПЦ, связана с коренным изменением ее роли и статуса в политической структуре общества. Суть этого изменения выражается в повороте от обслуживания интересов государства к защите общественных интересов и индивидуальных прав и свобод. Процесс, который в западных церквях в целом уже завершился, протекает в России в течение всего последнего века и только сейчас вступает в свою наиболее активную фазу.

Жизнедеятельность современного российского общества существенно отличается от состояния общества периода советской власти. В современной России законодательно очерчен статус церковных учреждений и религиозных отношений в государственно-политической сфере, тем самым подтвержден их негосударственный статус.

Значительную роль в этом процессе сыграло принятие в 1993 г. Конституции РФ, согласно ст. 14 которой Российская Федерация является светским государством и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В 1997 году конституционная норма о светском государстве практически дословно была воспроизведена в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» с дополнением, касающимся того, что не должно и вправе делать государство в лице своих органов.

В соответствии со ст. 28 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется свобода совести.

Свобода совести – это право человека мыслить и поступать в соответствии со своими убеждениями, его независимость в моральной самооценке и самоконтроле поступков и мыслей. В то же время исторически свобода совести приобрела и более узкое понимание – свобода в области религии. Она стала рассматриваться в плане взаимоотношений церкви и государства. В соответствии со ст. 28 Конституции РФ свобода совести означает право человека исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы и обряды и осуществлять атеистическую пропаганду. За незаконное воспрепятствование

деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов предусмотрена уголовная ответственность (ст. 148 УК РФ).

В преамбуле Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры; указывается, что в равной степени уважаются христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России.

Многие священнослужители, высшие иерархи РПЦ, политики и общественные деятели в многочисленных дискуссиях пытаются осмыслить роль Церкви в современной формирующейся политической системе России. Позиция одного из светских авторов, на наш взгляд, наиболее продуктивна. «Никакого изменения может не произойти, если не будет найдено богословского определения и понимания гражданского общества. Одна из наших ошибок состоит в том, что это понимание не появилось своевременно. Не была понята проблема, которую несет в себе новый социальный порядок и положение в нем Церкви, а проблема эта очень сложна. Дело в том, что понятие общества, тем более гражданского общества, является крайне слабо осмысленным и разработанным в православном богословии» [5, с. 44].

Поиски своего места в новых российских реалиях – по-настоящему качественная, профессионально подготовленная программа участия РПЦ в жизни гражданского общества, предусматривающая, в том числе, попытки ответов на злободневные вызовы современного мира, была сформулирована в 2000 г. в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви».

Прежде всего, Церковь определила правила сотрудничества и своих взаимоотношений с государством, обозначив, по меньшей мере, 16 сфер его потенциальной реализации. Согласно этому документу Церковь как богочеловеческий организм имеет не только таинственную сущность, не подвластную стихиям мира, но и историческую составляющую, входящую в соприкосновение и взаимодействие с внешним миром, в том числе с государством. В результате исторического развития усложнение общественных связей привело к образованию государств, в то же время во взаимоотношениях между Церковью и государством должно учитываться различие их

природ. «Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии» – гласят Основы.

В современном цивилизованном мире государство, как правило, является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с Церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Однако, в большинстве своем, государства сознают, что земное благоденствие немисливо без соблюдения определенных нравственных норм – тех самых, которые необходимы для вечного спасения человека. Поэтому задачи и деятельность Церкви и государства могут совпадать как в достижении земной пользы, так и в осуществлении спасительной миссии Церкви.

Церковь, как указано в Основах, не должна брать на себя функции, принадлежащие государству. В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством. «Государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику и т.д., равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям».

На первый взгляд, Церковь рассматривает светский характер современного российского государства, равно как и отделение от него всех религиозных объединений в качестве свершившегося позитивного факта. Открывая научную конференцию «Христианство на пороге нового тысячелетия» (2000 г.), Патриарх Алексий II заявил, что его «глубочайшее убеждение» состоит в необходимости отделения Церкви от государства и построения отношений между ними на «невмешательстве Церкви в политическую жизнь и невмешательстве государства в жизнь Церкви».

Однако декларации не всегда совпадают с действительностью. Еще на стадии обсуждения Основ социальной концепции Русской Православной Церкви многие авторитетные церковные деятели высказывали

предложения о том, что «законы, которые создаёт государство, должны создаваться при участии Церкви», и внести соответствующую «строчку в Конституцию», звучали призывы к государству «вернуть Церкви ее прежнее положение в обществе, защитить от поруганий».

В конечном счете возобладали наиболее оптимальная и адекватная времени позиция. Окончательные решения РПЦ более взвешенные, обтекаемые, конкретные предложения завуалированы или вообще отсутствуют, но стремления высшей иерархии священнослужителей к предоставлению РПЦ особого статуса и преимуществ в государстве продолжают систематически проявляться в ее практической деятельности.

РПЦ на протяжении последних лет достаточно отчетливо призывает государство к отказу от равного отношения ко всем конфессиям, более того – к устранению, или по крайней мере, ограничению деятельности нежелательных конкурентов, что является одним из традиционных направлений ее деятельности – миссионерством. Так, среди государственных праздничных дней только один конфессиональный, христианский (Рождество Христово – 7 января) с обязательным, негласным, присутствием на церемонии всего высшего политического бомонда государства. Стремление РПЦ к тому, чтобы стать «равнее других», равно как и выхолостить содержание принципа светского государства, усиливается, выражается надежда как на «помощь и содействие государства» в осуществлении «общественно значимых программ» РПЦ, в том числе и образовательных, так и на то, что «государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию». Недавно правящая политическая партия РФ выступила с предложением к Патриарху Московскому и всея Руси о проведении консультаций по законопроектам, вносимым ею в Госдуму, как было заявлено, «чтобы избежать взаимного непонимания».

Создается ощущение, что РПЦ стремится к достижению такого положения, при котором она, не будучи управляема государством, не допуская его вмешательства во внутрицерковные дела, в то же время сможет, получив если не де-юре, то де-факто особый статус, с помощью власти решать собственные задачи, в том числе получение

преференций в расширении конфессионального поля за счет конкурентов.

Авторитет РПЦ в области вероучения не нуждается в каких-либо доказательствах и апробации; общественная, социальная же ее деятельность вправе претендовать на эксклюзивное и льготное положение в российском обществе только на основе демонстрации реальной дееспособности и эффективности инициируемых и реализуемых проектов. «Стабильное и авторитетное положение Церкви в современном российском обществе должно происходить не из накопления суммы эксклюзивных практик «добрых отношений» церковных организаций с симпатизирующими им людьми, наделенными компетенцией принятия управленческих решений либо праведно или неправедно нажитым капиталом, а из системной пропаганды и демонстрации Церковью жизненной силы своего учения в современных условиях» [6].

Этого мнения придерживаются и ведущие иерархи современной РПЦ. «Этический аспект миссии Церкви определяет место Церкви в современном гражданском обществе. Совершенно очевидно, что уровень качества общественной структуры обусловлен уровнем нравственной сформированности каждой отдельной личности. Благополучным мы можем назвать такое общество, в котором будут устранены или сведены к самому ничтожному минимуму такие явления, как нравственная распущенность, разводы, аборт, алкоголизм, наркомания, табакокурение, психические и соматические болезни, преступность и суицид. Поскольку вместе с семьей и школой Церковь является важнейшим институтом формирования духовной и нравственной личности, ее вклад в повышение уровня общественной структуры и создание благополучного гражданского общества является несомненным, а миссия ее нравственного служения – жизненно необходимой и социально востребованной» [1].

Сегодня проблему взаимного непонимания Церкви и общества часто сводят к проблеме излишнего догматизма православного вероучения (Russian Orthodox Church – РПЦ по-английски). Но «... проблема – в отсутствии языка общения с обществом, в современном обществе все чаще разводятся понятия религии и Церкви. Люди часто идут к вере принципиально в обход Церкви, с которой ассоциируются только обряды, нетерпимость и консерватизм. Но и православные прихожане не чувствуют потребность идти с миссией в мир. Они не пойдут по квартирам, как

ходят сектанты, они не станут строить приют для бездомных или организовывать кружок изучения Библии. Вас не остановят на улице и не пригласят в православный храм, а из православного храма могут попросить, если вы в джинсах и без платка» [5, с. 39].

Еще один примечательный факт. По данным социологических исследований ВЦИОМ 2008 года доля населения РФ, причисляющих себя к православной конфессии, составляет 73%. Однако уровень религиозности считающих себя православными граждан ставит под сомнение количество истинных приверженцев православного вероучения. «Большой процент опрошенных даже не верят в Бога или верят в некую высшую силу, при этом называя себя православными. Люди не прониклись религиозностью, в большинстве своем не знают даже основ вероучения» [4]. Таков общий вывод по результатам исследования «Религия и религиозность в России», проведенного Левада-Центром в феврале 2009 года и представленного широкой публике 25 июня на конференции социологов религии в Берлине. Всего были опрошены 1600 человек, представляющих собой точную модель населения России в миниатюре.

В целом 72,6% опрошенных назвали себя православными, атеистами обозначили себя лишь 7,3%. К какой-либо другой ветви христианства (в том числе к католицизму) причислили себя всего 1,2%, к исламу, буддизму и иудаизму – 6,3% участников исследования.

Однако лишь 42% православных безоговорочно верят в Бога. Остальные либо сомневаются в его существовании, либо признают некую высшую силу. У 12% православных дети не крещены. Лишь 3% ходят в Церковь каждую неделю или чаще, 55% – от одного до нескольких раз в год, прежде всего по особым праздникам, никогда не ходят – 12%.

Следует согласиться с обобщающим выводом исследования, что «православие в современной России – этнический, а не религиозный признак. Я русский, а значит, православный – вот основная мысль» [4]. РПЦ сегодня, прежде чем претендовать на духовное лидерство в гражданском сегменте общества, должна серьезно заниматься «окоормлением собственной пасты», как сообщество религиозных единомышленников, а не декларированных сторонников.

Существует и другая, социальная сторона «затворничества» Церкви. В условиях перехода от порядка «государственной общности» к «гражданской обществен-

ности» меняется весь социальный и идеологический облик общества. Представители исчезающей идеологии, «государственничества», не просто растворяются в общей массе, а, напротив, становятся настроены все более бескомпромиссно и агрессивны. Консерватизм переходит в реакционность. Именно такое часто происходит под флагом православия в национально-патриотической идеологии, когда, как писал И.А. Ильин, «патриотизм становится слепым аффектом, который разделяет участь всех слепых и духовно непросветленных аффектов: он незаметно вырождается и становится злой и хищной страстью – презрительной гордыней, буйной и агрессивной ненавистью; и тогда оказывается, что сам «патриот» и «националист» переживает не творческий подъем, а временное ожесточение и, может быть, даже озверение» [3, с. 218].

То же самое можно сказать об отношении к форме государственного управления. Политическая этика православия сконцентрирована в этике православного монарха – самодержца, помазанника и слуги Божия, хранящего народ в нравственной чистоте и вере. Монархия непосредственно вытекает из христианских принципов. Если представить самодержавие осуществленным в современном обществе, то придется запретить конституцию, устранить разделение властей и забыть о гражданских правах, а инакомыслящим уходить в подполье. Государственная политика в нем будет повторять политику российских императоров или большевиков. Это тупиковый путь.

Для сохранения своего уникального места в структуре российского общества, политической самости, РПЦ предстоит доказывать и демонстрировать это обществу

посредством реальных дел.

Церковь могла бы обрести новых партнеров в гражданском обществе: в независимых профсоюзах, в общественных ассоциациях и движениях, в гражданах, окончательно причислив себя к обществу, а не государству. Она может ясно высказать свою социально-патриотическую позицию, не пересекаясь с политической конъюнктурой, а выражая нравственную оценку положенных в основание политики принципов и ценностей. Она призвана напомнить христианам о высоких принципах трудовой и гражданской этики, о началах национальной православной культуры. Она может пытаться строить мосты к науке и философии, прекращая бесплодные попытки их «переспорить». Она вынуждена, на наш взгляд, перейти на принципы равного диалога со всеми общественными силами, в том числе с другими конфессиями и вероисповеданиями. В Церкви могли бы найти обоснование новые принципы общезития – диалог, терпимость, ненасилие, солидарность. В православии можно найти основу для утверждения всех необходимых сегодня обществу гуманитарных ценностей – достоинства личности и ее прав, свободы и любви, чести и совести.

Таким образом, являясь одной из авторитетных и массовых ячеек гражданского общества современной России, РПЦ обязана учитывать исторический опыт собственной деятельности, политические реалии современного периода существования, сохранять кредо независимого от государства общественного института, объединяющего активную, инициативную часть населения, готовую и способную действовать совместно, во имя достижения «общественного блага».

1. Архимандрит Платон (Игумнов). Миссия церкви в прошлом и настоящем и ее место в гражданском обществе (Казанская духовная семинария) <http://www.archipelag.ru/authors/gradirovsky/?library=1111>
2. Данные изложены в публикации: http://religion.ng.ru/events/2009-07-1/3_vocerkvlenie.html
3. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1991.
4. Коновалов И.П. Недовоцерковленные // Опубликовано в НГ-Религии от 01.07.2009, http://religion.ng.ru/events/2009-07-1/3_vocerkvlenie.html
5. Костюк К.Н. Русская Православная Церковь в гражданском обществе. М. 1999.
6. Пудов В. Роль верующих и Церкви в построении гражданского общества /Христианский информационный Интернет-портал: Baznica.info // <http://www.baznica.info/index.html>.
7. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М.,1999.
8. Соловьев В.С. Любовь к народу и русский религиозный идеал. М.,1983.
9. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып.2 //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып.Х. Оренбург.1900–1902.

РОССИЙСКАЯ ПАРАДИГМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 327

О.И. ПЕЧЕРСКИХ

Очевидно, что на современном этапе международные отношения выходят из фазы однополярной системы межгосударственных взаимоотношений, которой свойственно отчетливое доминирование одного актора. Мы являемся свидетелями формирования многополярной картины международных отношений, которая, однако, еще не достигла своей завершающей стадии.

Для того чтобы проиллюстрировать этот тезис, мы проанализируем основные положения и инициативы российской политической элиты, содержащиеся в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 года, в выступлениях российских политических деятелей в различных форматах международного общения, а также рассмотрим знаковые факты международной политической жизни современного этапа.

Итак, в качестве главного приоритета международной политической реальности Президент назвал укрепление международной законности, которая складывается, прежде всего, из соблюдения государствами международных соглашений и договоров. Однако новейшая история содержит массу примеров, когда международные договоренности, закрепленные в уставах таких авторитетных международных организаций, как Организация объединенных наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе попросту не соблюдаются. Достаточно вспомнить примеры с Югославией, Афганистаном, Ираком, Косовом, Южной Осетией.

Именно в этом черпает объективные основания тезис Президента о том, что «...чем лучше состыкованы действия государств на мировой арене с международно-правовыми нормами, тем выше уровень безопасности на планете» [2]. В этом смысле показательно то, что именно вразрез с двусторонними и многосторонними договоренностями с нашими международными «партнерами» нам приходится сталкиваться с конструированием глобальной системы противоракетной обороны (далее – ПРО), с расширением НАТО и размещением на территориях вновь принятых государств воинских континентов

(кстати, это делается еще и вразрез с уставом этой организации), с откровенными попытками некоторых государств силовыми методами, в одностороннем порядке и в нарушение всех норм международного права добиваться решения своих задач.

Резонный вопрос о том, как реагировать на подобные провокации вполне справедливо актуализирует силовую составляющую российской внешней политики и выражается в заявлениях о возможном размещении в приграничных западных районах новейших стратегических комплексов «Искандер», в усилении ракетных дивизий ранее планируемых к расформированию, в осуществлении комплекса мер по радиоэлектронному подавлению новых объектов системы ПРО США в случае их размещения на территории Чехии и Польши.

Следует отметить, что после заявления российского лидера о возможности размещения российских ядерных комплексов в Калининграде, президент Франции Н. Саркози призвал США скорректировать планы по развертыванию третьего позиционного района системы ПРО в Европе и попросил Россию не спешить с контрмерами. Хотелось бы напомнить, что Россия устами своих официальных представителей неоднократно призывала США к подобным действиям, к сожалению, на эти призывы первой откликнулась Европа и то после того, как Россия объявила о реальных контрмерах.

Хотим обратить особое внимание, что во многом именно то, что предложения Российской Федерации не находят отклика в США и отчасти в Европе, актуализируется восточное направление российской внешней политики. Говоря о диверсификации российской внешней политики, следует обратить внимание на активное развитие регионального сотрудничества в формате таких региональных организаций, как СНГ, ЕврАзЭС, ШОС, ОДКБ и других. Эта мысль была озвучена Президентом России, который в своем Послании отдельно отметил важность «...интеграционного ядра в лице Союзного государства и ЕврАзЭС...взаимодействия в военно-политической сфере в ОДКБ» [2]. Об этом же, правда в контексте евроазиатской сущности Российского государ-

ства, неоднократно упоминал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: «...реализуя свой европейский выбор, мы не забываем о том, что как мировая держава, расположенная на двух континентах, наша страна обязана сохранять должную свободу в определении и проведении своей внутренней и внешней политики, свой статус и *преимущества евро-азиатского государства* (курсив мой – О.П.) ...партнерство Россия–ЕС хотя и имеет для нас одно из приоритетных значений, не может противопоставляться отношениям с другими странами и регионами» [1].

С.В. Лавров в качестве примера инициатив России, связанных с коллективным разрешением сложных проблем, привел азиатский регион, в котором нет договорно-правовой основы для обеспечения безопасности, а угроз безопасности существует достаточно много. Ярким примером такого сложного вопроса является ядерная проблема Корейского полуострова. Предложения России в этом вопросе связаны с созданием механизма по поддержанию мира и безопасности в рамках шестисторонних переговоров.

Конкретной проблемой во взаимоотношениях с европейскими и заокеанскими партнерами являются так называемые «двойные стандарты» в оценке тех или иных событий, происходящих в мире. Ярким примером такого подхода, равно как и примером односторонних, несогласованных действий, является проблема Косова. Очевидно, что желание США в одностороннем порядке решить этот вопрос, подтвердив еще раз свое намерение действовать в соответствии с принципом прецедентного права, стало ведущим в моделировании ситуации вокруг Косова. Логика событий показала, что создан прецедент с далеко идущими последствиями, и он еще не раз привлечет к себе внимание мирового сообщества.

Реакция российского руководства в этом отношении предельно конкретна и легко экстраполируется на ситуацию с Ю. Осетией и Абхазией: «...откровенно предвзятой выглядит позиция наших партнеров, еще недавно приложивших максимум усилий, чтобы в обход норм международного права добиться отделения Косова от Сербии и признания этого самопровозглашенного региона в качестве субъекта международного права, а теперь как ни в чем не бывало критикующих Россию» (Президент имеет в виду признание Россией независимости Ю. Осетии и Абхазии – О.П.) [2].

Основная концептуальная мысль, определяющая российскую парадигму международной безопасности, содержательно противопоставлена модели «баланса сил». Квинтэссенция российского подхода к определению концепта международной безопасности легко синхронизируется с концепцией «коллективной безопасности». Эти два подхода противопоставлены друг другу в теории международных отношений. Российская позиция обозначена Президентом России: «...ответы на новые угрозы могут быть найдены только коллективными усилиями. Именно поэтому мы выступаем за продуманную реформу ООН. За укрепление ее центральной роли и повышение эффективности ее структур и механизмов» [2]. Эта концептуальная позиция находит свое отражение в деятельности соответствующих государственных структур, в частности Министерства иностранных дел РФ. Так, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров неоднократно заявлял, что международные отношения должны выстраиваться на договорно-правовой основе, и это есть основа международной безопасности как таковой. «Решение региональных проблем возможно лишь на основе равноправия, взаимного уважения и полной прозрачности...принципов неприменения силы в межгосударственных отношениях и мирного урегулирования споров» [1].

Заместитель министра С. Рябков в качестве ключевой задачи отмечает необходимость «...внедрить в сферу международных отношений характерную для нашей внешней политики философию равноправия и учета интересов всех стран». Он также отмечает, что «...коллективные подходы к решению любой проблемы – это «альфа» и «омега» российской внешней политики» [4].

Именно с этой целью во взаимодействии с другими государствами мы создаем такие международные дискуссионные площадки, как Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций» (основан Россией, Индией и Грецией в 2002 г.), которые ставят своей целью укрепление международной безопасности путем учета интересов по возможности всех участников международных отношений, принципов равноправия, взаимного уважения.

Дело в том, что тема «неэффективности» международных организаций как таковых, будь то Организация объединенных наций, Организация по безопасности и сотрудни-

честву в Европе или любая другая организация, свойственна концепту «realpolitik». Такой подход к международной безопасности акцентирует внимание на силе конкретного актора международных отношений, будь то государство или блок.

Что же касается ООН, то эта организация хоть и является ключевой в обеспечении международной безопасности и стабильности, все же действительно не в полной мере отвечает современным международным реалиям. В ряде случаев она демонстрирует свою неэффективность, однако это не дает достаточных оснований говорить о ее ликвидации. Скорее речь надо вести о ее усовершенствовании. В этом контексте можно рассмотреть инициативы, связанные с расширением цивилизационного представительства в центральных структурах ООН, таких, как Совет безопасности, и допустить к процессу принятия важнейших решений представителей всех цивилизационных групп государств. На сегодня в СБ ООН не представлены, к примеру, исламская и африканская цивилизации, государства АТР.

Еще один важный вопрос международной безопасности, в решении которого необходимо коллективное сотрудничество при определяющей роли России и США, это вопрос *разоружения*. Особенно это касается ядерной сферы. На сегодняшний день сотрудничество наших государств в этой сфере практически приостановлено. Вместе с тем, этот вопрос касается не только оружия массового уничтожения, но и обычных вооружений. В этом смысле необходимо отметить, что вопрос ограничения обычных вооружений также является на сегодня проблемным, что обусловлено, прежде всего, нератификацией базовых соглашений со стороны США. Этим вопросам уделяется ключевое внимание на высшем уровне, и мы возлагаем большие надежды на новое американское руководство относительно положительной динамики в их решении: «...надо предпринять шаги по развитию международного режима контроля над вооружениями. И ключевое значение имел бы прогресс в российско-американском взаимодействии. ...Мы надеемся, что... новой администрацией США будет сделан выбор в пользу полноценных отношений с Россией» [2].

На фоне сложных российско-американских отношений целесообразно обратиться к конструктивной позиции ядерных государств

Европы. По выражению Президента, «...мы будем углублять наши отношения с Европой в сфере безопасности» [2].

Именно наши ключевые европейские партнеры (Германия, Франция, Италия) показали конструктивный подход к решению такого тонкого для России вопроса, каким является вопрос противостояния с Грузией. Эти ядерные европейские государства в сложный для России исторический момент избежали призывов «наказать» Россию и однозначно дали понять, что Европе нужны конструктивные отношения с нашей страной.

Вообще надо отметить, что сами европейцы во многом пересматривают сегодня свою роль в мировых процессах, роль США и свои отношения с этим государством, а также роль и значение России в деле обеспечения международной стабильности и, наконец, свои отношения с нашим государством. Особенно это видно на фоне такого сложного испытания для международной стабильности, каким стала агрессия Грузии в Южной Осетии.

Постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкосе отмечает, в частности, что «...за лето-осень...отношения между ЕС и Россией претерпели серьезную эволюцию. Причиной стали события на Кавказе...Именно тогда произошло нечто важное. До сих пор в ЕС не отдавали себе отчета в том, какое место Россия занимает в континентальных и мировых делах...Россия вернулась на международную арену как мощное государство, не желающее больше поступаться своими интересами» [5].

Темой, заслуживающей отдельного внимания, является вопрос о степени единства Европы. Условную разделительную линию можно провести между так называемыми «старыми» европейскими государствами и «новичками», принятыми в ЕС в последние несколько лет. Очевиден тот факт, что старожилы европейской политики проявляют большую самостоятельность в своем волеизъявлении, тогда как их молодые коллеги в гораздо большей степени образуют свои действия с позицией США.

Грузинский кризис августа 2008 года отчетливо показал, что, во-первых, ЕС не является монолитной организацией с единой позицией по сложным вопросам, а во-вторых, высветил уровень лояльности по отношению к США. Оказалось, что ЕС условно

можно разделить по обозначенным критериям на два «лагеря», в каждом из которых свои предпочтения относительно интеракций с США и свое видение механизмов международной политики как таковой: «грузинский кризис показал, что ЕС не является единым целым. В то время, как руководители Польши, Украины и трех прибалтийских стран срочно вылетели в Тбилиси, чтобы поддержать Саакашвили, председательствующий в ЕС президент Франции вел переговоры с Россией» [5].

В контексте «собственной» позиции Европы по проблеме грузинско-югоосетинского конфликта показателен тот факт, что вслед за своим президентом глава МИД Франции Б. Кушнер высказался против языка угроз в отношении России. Во время августовского кризиса он публично заявил о том, что не может идти речи об ультиматумах, поскольку угрозы противоречат самим целям дипломатического процесса, который требует терпения. Вместе с тем, он заявил, что не может быть политического решения этой проблемы без участия самой России.

Проблема расширения НАТО по мнению самих европейцев так же показывает, что в ЕС нет единства. В частности, на саммите НАТО в Бухаресте Франция, Германия и Италия высказались против приема Грузии и Украины.

Показательно, что именно представители так называемой «старой», или «ядровой», Европы выступают за то, что надо найти для сотрудничества (России и ЕС – О.П.) особый формат, так же, как для взаимоотношений Евросоюза и Турции, у которой сегодня осложнились отношения с США. Европейцы же выступают сегодня за то, что отношения ЕС к России – чисто европейское дело.

В пользу того факта, что Европа далеко не едина, говорит и отношение европейских государств к расширению американской системы ПРО.

Необходимо отметить, что размещение в Европе элементов американской системы ПРО по принципу дислокации позиционных районов является чисто американской инициативой, которая затрагивает ряд европейских государств. Часть из них поддерживает эту инициативу США, аргументируя необходимость ее реализации упрочением международной безопасности. Очевидно, что не является простым стечением обстоятельств тот факт, что большинство государств, поддерживающих расширение системы американской ПРО, являются бывшими

соцстранами. Вместе с тем, в самой Европе, в данном случае в восточной ее части, существует мощная оппозиция этой американской инициативе. Важно то, что недовольство по поводу возможного размещения элементов ПРО США на территории восточноевропейских государств высказывают не только представители политической элиты этих государств, но и сами граждане.

Ярким примером, подтверждающим эту мысль, является ситуация в Чехии. Напомним, что мэры 30 городов этого государства в ноябре 2008 г. подписали коллективное обращение к избранному президенту США Б. Обаме, в котором попросили будущего главу Белого дома «...отказаться от идеи размещения элементов американской ПРО в Восточной Европе. Авторы обращения...напомнили, что две трети населения Чехии...выступают против размещения элементов ПРО на территории их страны» [3].

Все это показывает, что европейцы становятся более независимыми, и это проецируется на их отношения с США. Так как «...Европе надо быть независимым игроком в международных делах, а не действовать по заокеанским схемам. Мы подошли к точке, когда ведущие европейские страны, составляющие ее костяк, ...убеждены в том, что Европа должна проводить самостоятельную политику, в том числе и в диалоге с Москвой, которая является важнейшим действующим лицом на континенте. То есть к России надо подходить с исключительно европейских позиций, а не с тех, которые диктуются НАТО или США» [5].

Мы полагаем, и в пользу этого говорят последние события, что позиция европейцев относительно системы международных отношений, ее устройства *самостоятельно эволюционирует в сторону многополярности*. Наши позиции становятся во многом схожими.

Постоянный секретарь Французской академии Э.К. д'Анкосс отмечает изменения, происходящие в мире. По её мнению, мир отходит от американской монополярности и движется в сторону плюрализма. Россия так же, как и Европа, возлагает большие надежды на новую администрацию и Президента США: «...проблема сейчас в том, чтобы он понял: нынешний мир уже не тот, каким был после...исчезновения СССР, когда США остались единственной супердержавой. В основном благодаря тому, что Россия вернулась на мировую арену» [5].

Резюмируя тему отношений России и ЕС, отметим, что отношения России и Евросоюза

в принципе не могут быть беспроблемными, поскольку наряду с сотрудничеством в них присутствует и конкуренция. Как отметил глава МИД России, «...важно добиться того, чтобы мы соперничали по установленным совместно правилам, не пытались подчинить или подавить друг друга» [1].

Теперь более подробно коснемся этих правил. Важным вопросом является разработка договора о европейской безопасности, а также базового соглашения о сотрудничестве между Россией и ЕС. Здесь у России имеется своя принципиальная позиция. В инициативе российской стороны по данному договору один из разделов договора о европейской безопасности специально посвящен вопросу об урегулировании конфликтов. Там изложены некие универсальные принципы, на основе которых, по мнению представителей России, все без исключения государства должны подходить к любому конфликту. Один из таких важнейших принципов неоднократно озвучивался С.В. Лавровым – уважение к имеющимся договоренностям, уважение к существующим переговорным форматам.

Такой подход нашел свое отражение в Послании Президента России Федеральному Собранию. В частности, Президент предложил сосредоточиться на следующих ключевых аспектах практической деятельности.

Во-первых, продолжить работу по укреплению правовых основ международных отношений, поскольку уважение к праву даст возможность упорядочить международные отношения и избежать внедрения принципа прецедентного права, что будет способствовать снижению фактора жесткой силы и утверждению принципа коллективного принятия важнейших решений. На наш взгляд такая система способствует снижению конфликтности в международных отношениях.

Во-вторых, реализовывать в практических действиях идею многополярной системы международных отношений, исключив

единоличное доминирование отдельных международных акторов в какой-либо сфере.

В-третьих, укреплять международные институты, что предполагает участие России во всех без исключения дискуссионных форматах, таких, как «Группа восьми», ШОС, БРИК, АТЭС, ЕврАзЭС, СНГ, ОБСЕ, ОДКБ, а также в других объединениях.

В-четвертых, утверждать универсальные дипломатические методы урегулирования кризисных ситуаций. При этом Президент особо отметил необходимость вовлечения в диалог «проблемных государств». Эта позиция, на наш взгляд, особенно важна в условиях наличия перманентных очагов напряженности [2].

Президент России отдельно отметил необходимость обеспечения финансово-экономических интересов всех субъектов мирового общения, при этом финансовая архитектура должна быть защищена от использования в интересах одной страны или группы стран. Иными словами, чем больше будет в мире сильных финансовых центров и чем выше будет степень общей взаимозависимости, тем безопасней и устойчивей будет глобальное развитие.

Все ключевые предложения российской стороны, сделанные на вашингтонском саммите «двадцати», касались именно усиления сотрудничества и привлечения к нему развивающихся стран всех цивилизационных групп. В заключение еще раз подчеркнем, что практически ни один серьезный вопрос, касающийся международной безопасности, не может быть конструктивно разрешен вне переговорного дипломатического поля. Будь то ядерная программа Ирана, косовский вопрос или проблема безъядерного статуса Корейского полуострова – Россия всегда выступала и неизменно продолжает выступать за мирный переговорный процесс как универсальный метод решения проблем в сфере международных отношений.

1. Лавров С.В. «Россия отказалась от членства в Евросоюзе»/По материалам информационного агентства ПРАЙМ-ТАСС.

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5.11.2008 года /Официальный сайт Президента РФ www.kremlin.ru.

3. «ПРОснулись». – Российская газета. 25 ноября 2008 г., №241 (4798).

4. Рябков С. В МИДе наивных нет. – Российская газета. 14 ноября 2008 г., № 235 (4792).

5. «Чисто европейское дело». (Из интервью с постоянным секретарем Французской академии Элен Каррер д'Анкокс о саммите Россия – ЕС в Ницце). – Российская газета. 14 ноября 2008 г., № 235 (4792).

ЕВРОПОЛИТИКИ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

УДК 336.02

М.С. НОРЕКЯН

По мнению вице-президента Еврокомиссии Гюнтера Форойгена, «немецкие банки являются чемпионами мира в области проведения ничем не обоснованных банковских операций» [10].

В марте 2009 года один из самых популярных экономических журналов Германии задался вопросом «Почему немецкие банки мутируют в зомби» [6], при этом не важен вывод, к которому пришел автор статьи, интересен сам факт постановки вопроса.

Нигде в мире, и даже в США, не было зафиксировано такого рвения к установлению деловых контактов с абсолютно непредсказуемыми последствиями, как это имело место в ФРГ. В первую очередь перестарались банки, находящиеся в ведении федеральных земель [10].

(Земельный банк и расчетная палата Шлисви́г-Гольштайн). Тот факт, что самая большая по территории Бавария не собирается экономить за счет масштабов и не уходит от ответственности за деятельность действующего на ее территории Bayern LB, может привести к мысли, что сохранение самостоятельности земельных банков связано с величиной самого субъекта федерации.

Имеющая 1 млн населения земля Саарланд (население города Гамбург в несколько раз больше, чем Саарланд) не хочет объединяться ни с одним из своих немецких соседей, и более того увеличивает долю своего участия в SaarLb до 51%. Являющийся наиболее прибыльной частью баварского земельного банка банк земли Саарланд стремится получить полную независимость [4]. В Гер-

Таблица 1. Величина прибыли некоторых немецких банков (млрд евро) [1]

	2006	2007	2008	2009
Deutsche Bank (вместе с Postbank)	7,0	7,50	-4,00	1,65
Commerzbank (вместе с Dresdener Bank)	3,6	3,30	-0,40	-1,0
Hypo Real Estate HRE	0,57	0,58	-2,90	-2,4
LBBW (mit Sachsen LB)	1,29	0,34	-0,80	-2,2
Bayern LB	1,33	0,25	-5,00	-1,3
West LB	0,80	-1,50	-0,10	-3,0
Landesbank Hessen-Thuringen	0,50	0,40	0,2	-0,5
HSN Nordbank	1,20	0,15	-2,5	-4,7

Последние пять банков из вышеприведенной таблицы являются собственностью федеральных земель. Земельные банки очень часто организованы не по федеральному принципу. Предположение о том, что можно резко оптимизировать расходы и повысить эффективность управления за счет объединения земельных банков привело к тому, что в результате в ФРГ действуют 7 банков вместо 18 субъектов федерации. Например, федеральная земля Шлисви́г-Гольштайн и город федерального значения Гамбург делят между собой ответственность за деятельность HSN Nordbank, образованного после слияния Hamburgischen Landesbank (Гамбургский земельный банк) и Landesbank Schleswig-Holstein Girozentrale

мании слышны и другие голоса, требующие разделения страны на три части: на Север, Центр и Юг [2] и таким образом забыть о роли земельных правительств в области регулирования банковской системы. Но это тоже не все, премьер министр земли Нижняя Саксония Вульф не исключает возможности создания единого земельного банка для всей страны [3].

Спектр очень велик: от самой маленькой Саарланд с ее прибыльным банком, уже перешагнувшим не только границы собственной земли в рамках ФРГ, но и еще показавшим пример удавшегося немецко-французского приграничного экономического сотрудничества со стремлением к автономии. С другой стороны, наименее пострадавший от

Таблица 2. Количество немецких страховых компаний, находящихся в ведении федеральных и земельных органов регулирования [9]

	Всего		Компании, надзор за деятельностью которых осуществляется органами федерального контроля		Компании, надзор за деятельностью которых осуществляется органами контроля федеральных земель	
	количество	млн евро	количество	млн евро	количество	млн евро
2004	1.606	157.822	589	156.978	1.017	844
2005	1.591	164.255	574	163.383	1.017	871
2006	1.523	166.863	564	165.972	959	890

кризиса земельный банк Нижней Саксонии, в частности его руководство, видело будущее за еще большим укрупнением земельных банков.

Нам не хочется утверждать, что доводы одной стороны более убедительны, чем другой, хочется лишь подчеркнуть, что величина банка может быть связана с величиной как его потерь, так и успехов, и величина эта не может быть изначально, раз и навсегда задана и неизменна.

Как уже указывалось, потери в банковской сфере колоссальны. По некоторым данным все земельные банки вместе имеют около 350 млрд евро крайне сомнительных вложений, 180 млрд из них оценены как высокотоксичные [8].

И не самая последняя вина в этом земельных органов регулирования.

Деятельность регулирующих органов ФРГ также расценивается Еврокомиссией, мягко выражаясь, не самым положительным образом. Естественные законы развития общества не только не предусматривают заключение сделок с необычайно высокой степенью риска, но и исключают их благословления со стороны государственных институтов, а в Германии все было как раз наоборот [10].

Регулированием деятельности финансового рынка в Германии занимаются:

- Федеральный Банк (Deutsche Bundesbank).

- Федеральный орган, регулирующий деятельность рынка предоставления финансовых услуг (BaFin – Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht).

- Органы земельных правительств.

В рамках данной статьи нам бы не хотелось останавливаться на роли Бундесбанка, подчеркнем лишь, что:

- Бундесбанк был вынужден неоднократно защищаться от вмешательства политиков

разного ранга, пытающихся вмешиваться в закрепленную в конституции страны степень независимости национального банка [7].

- Регулирующие функции Федерального Банка Германии после 2002 года были несколько ограничены, но роль этого Банка сегодня трудно переоценить.

Который из вышеперечисленных государственных институтов ответственен за ту или иную компанию, решает федеральное министерство финансов, решение это может быть изменено в зависимости от изменения экономической значимости данной фирмы.

На земельном уровне за качество финансовых услуг отвечают политики. Надзор за деятельностью финансовых услуг осуществляется на основе земельных законов. В Северной Рейн Вестфалии согласно собственному закону о надзоре за деятельностью страховых компаний эта функция возложена на министерство финансов, которое делегировало свои обязанности административным округам.

Руководителями высших органов управления, созданных на земельные средства финансовых компаний, тоже являются политики. Это может быть премьер-министр, или член его кабинета, или городской глава, или кто-либо другой из числа партийного руководства победившей на выборах в ландтаг (земельный парламент) партии. Обычно это высококвалифицированные в своих областях специалисты, заслужившие уважение выборщиков, хорошо разбирающиеся в финансовой политике люди, но не имеющие навыков контроля за деятельностью менеджеров. Земельные банки организуют свою деятельность на тех же принципах, что и коммерческие, и имеют, как и последние, совет директор и наблюдательный совет. В отличие от частных банков председателями их наблюдательных советов, то есть орга-

нов непосредственного надзора, являются представители политической элиты. Возглавляющая долгие годы правительство Шли-свиг-Гольштайна госпожа Симонис в одном из телеинтервью откровенно сказала, что с трудом может объяснить, что собой представляют финансовые дериваты или хедж-фонды, но тем не менее исходит из того, что земельные банки – это такие же банки, как и все остальные, и тоже должны приносить прибыль и пополнять земельную кассу [5].

BaFin – это типичный мегарегулятор, созданный в мае 2002 года в результате слияния трех специализированных государственных агентств, регулирующих:

- страхового рынка (BAV),
- рынка ценных бумаг (BAW),
- кредитные учреждения (BAKred).

На BaFin работают приблизительно 1700 человек, и он финансирует свою деятельность за счет взносов и поступлений от находящихся под его попечением 2100 кредитных организаций, 700 компаний, предоставляющих финансовые услуги, 560 страховых компаний, 25 пенсионных фондов и 80 инвестиционных компаний, имеющих 6000 фондов.

Сложности у BaFin были всегда вплоть до того, что его сотрудники обвинялись в коррупции. Последняя трудность, с которой он столкнулся в мае 2009, была связана с национализацией одного из немецких банков. BaFin активно вовлечен в этот процесс и по собственному заявлению не имел возможности полностью выполнять возложенные на него обязанности по надзору за остальными финансовыми компаниями. В связи с чем оппозиционные партии начали обвинять министра финансов ФРГ в несостоятельности организации нормальной деятельности BaFin [11].

Еще одна причина, приведшая к глобальному финансовому кризису, видится в неоптимальной координации усилий национальных органов регулирования. В связи с чем хотелось остановиться на примере поиска решений в одной составляющей финансового рынка – в страховании. В сентябре 2009 года на встрече руководителей государств стран-участниц группы G20 было еще раз подтверждено стремление этих стран консолидировать работу своих регулирующих органов. Еще дальше пошли страны-члены Европейского Сообщества, решившие установить единые европейские правила. Исходным пунктом для совместного обсуждения была принята так называемая Солвенци 2

(Solvency 2). Эта европейская инициатива финансового контроля, как видно из названия, существует уже во второй модификации. Она была создана по примеру принципов банковского регулирования, созданного на основе Базельского соглашения, но не получившая подобного распространения. Тем не менее интерес к Солвенци, стремление сдвинуть реформы с места с ее помощью пока еще имеет своих сторонников.

Солвенци 2 условно подразделяют на два «столпа», один из них должен отображать количественные компоненты деятельности страховых компаний, а второй качественные. Не останавливаясь на описании той или другой части, скажем лишь, что Солвенци 2 или какой-либо его модифицированный вариант может стать реальностью лишь в случае его принятия всеми 27 странами ЕС. На сегодня этому препятствует ряд факторов, наиболее значимыми из них являются отсутствие согласия относительно:

- группового контроля;
- органа регулирования;
- единого, или децентрализованного резерва.

Групповой контроль за деятельностью страховых компаний предусматривает такое положение дел, при котором регулирующий орган одной страны не только может, но и должен контролировать деятельность дочерних фирм за пределами государства, на территории которого зарегистрирован сам концерн. Государства, в которых нет интернационально разветвленных страховых обществ, не заинтересованы в потере или сокращении инструментов надзора за деятельностью страховщиков только потому, что штаб-квартира концерна находится за их рубежами. Глобализация, приведшая к стиранию европейских границ и увеличившая доверие к иностранному капиталу, привела также к сокращению числа компаний, действующих исключительно в рамках национальных образований.

По идее инициаторов внедрения группового контроля предполагалось создание единого для концерна резервного фонда и достаточных для реагирования в случае форс-мажорных обстоятельств собственных средств (“group support regime”).

На практике это может выглядеть следующим образом. Например, имеющийся во всех европейских странах немецкий концерн концентрирует свои собственные средства в Германии и контролируется в основном не-

мецким регулирующим органом как в самой ФРГ, так и за ее пределами. Орган страхового надзора, например Испании, активно выступающей против перехода к такому порядку взаимоотношений между национальными органами регулирования, должен ограничить границы своей компетенции в пользу немецкого регулирующего органа. И надеяться при этом приходится на то, что их немецкие коллеги не совершат слишком много глупостей, за последствия которых придется, в конечном итоге, отвечать испанскому налогоплательщику.

Кроме того, у испанского регулирующего органа, как и у многих других небольших европейских стран, не наблюдается большого стремления к делегации части своих компетенций в третьи руки. В этом вопросе они выступают за укрепление роли Еврокомиссии, то есть, если за пределы собственной страны, то, по крайней мере, не соседям, а в Брюссель. Еврокомиссар, ответственный за проведение экономических реформ, испанец по национальности, Йоахим Алмуниа (Joaquín Almunia) является одним из самых активных сторонников подобного подхода в решении проблем группового надзора.

Испанцы выступают за создание нового, всеильного европейского центра регулирования финансового рынка, с чем англичане, часто скептически относящиеся к централизованно принимаемым в Брюсселе решениям, не совсем согласны. Поддерживает их ирландец Чарли Макгреви (Charlie McCreevy), в компетенцию которого входит приведение в соответствие с современностью требований к регулированию, возникших вследствие мирового финансового кризиса.

Итак, мы имеем очень сложную ситуацию, в которой необходимо найти наиболее оптимальное решение, устраивающее все 27 вовлеченных в этот процесс сторон.

Для этого была создана специальная комиссия, возглавляемая бывшим председателем Банка Франции, бывшим руководителем Международного Валютного Фонда (IMF), а затем и Восточноевропейского банка, 78-летнего француза Де-Ларосьера (De-Larosiere). В конце февраля 2009 года в Брюсселе был представлен итог ее деятельности, изложенный на 66 страницах.

Де-Ларосьер отдает предпочтение осмотрительному и взвешенному европеизированию органов банковского и страхового регулирования. С этой целью он хочет ис-

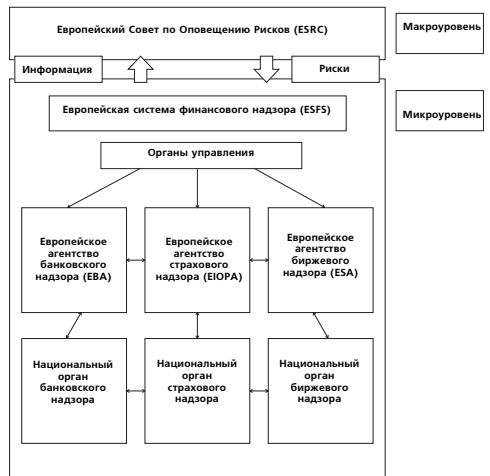
пользовать уже существующие и действующие в качестве информационных центров институты:

- расположенный в Лондоне Европейский Комитет Банковских Супервайзеров (Committee of European Banking Supervisors (CEBS);
- действующий из Франкфурта Комитет Страховых и Профессиональных Пенсионных Супервайзеров (Committee of Insurance and Occupational Pension Supervisors (CEIOPS);
- парижский Европейский Комитет Регулирования Ценных Бумаж (Committee European Security Regulators (CESR).

Де-Ларосьер предлагал до 2012 г. CEBS, CEIOPS и CESR реорганизовать в агентства, усилить их кадрами и передать им весомые полномочия установления правил деятельности и контролирования их соблюдения. Подлинная функция надзора, по его мнению, должна оставаться в компетенции национальных органов регулирования.

Идея концентрация всех и вся под крышей Европейского Центрального Банка (ЕЗБ) была им не только не поддержана, но последнему даже и не отведена какая-либо роль в области надзора. Вместо этого предлагается создать систему раннего обнаружения финансовых катаклизмов под эгидой ЕЗБ, что должно быть претворено в жизнь в виде создания Европейского Совета по Оповещению Рисков (European Systemic Risk Council), в состав которого, кроме членов правления ЕЗБ, будут входить председатели вновь созданных европейских агентств.

27 мая 2009 года президент Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозо обнародо-

вал окончательное отношение Брюсселя к созданию совместных органов регулирования финансового рынка, основные принципы которого в основном были созвучны итогам работы комиссии, возглавляемой Де-Ларосьером. До этого, 22 апреля 2009 года, были приняты основные положения по Солвенси 2, полномасштабное введение которого предполагается завершить до 2012 года. При этом решение основного камня преткновения – проблемы группового контроля – отложено на три года.

И еще один вопрос, на котором коротко хотелось бы остановить внимание, это создание основ регулирования рейтинговых агентств. Ни для кого не секрет, какую роль сыграли эти квазирегулирующие частные влиятельные институты в деле углубления кризиса. Полученная компанией или государством оценка, выставленная тремя крупнейшими рейтинговыми агентствами, могла/может иметь неимоверное как положительное, так и отрицательное влияние на уровень доверия к ним. «Стражи добросовестности» выносят свои вердикты о надежности эмитентов на рынке капитала. Именно их нерасторопность привела к повышению доверия к высоко сомнительным операциям на рынке недвижимости в США. Одной из мер предотвращения подобных ситуаций в будущем является принятое Евросоюзом решение о регулировании деятельности рейтинговых агентств.

Предусмотрено установление правил:

- лицензирования компаний, занимающихся рейтинговыми оценками;
- контроля деятельности рейтинговых агентств;
- взаимоотношений между агентствами и их «подопечными».

До сих пор агентства принимали самое активное участие в разработке и продвижении оцениваемых ими продуктов, что, по мнению европолитиков, не могло быть нейтральным явлением. С принятием нового регламента одни и те же лица не имеют права заниматься одновременно консультированием и оценкой деятельности одной и той же компании. Рейтинговые эксперты не имеют также права давать экспертные оценки одним и тем же финансовым институтам на протяжении более чем пяти лет. Они обязаны предоставлять информацию о своей структуре и методах деятельности. Такое отношение к агентствам пока еще единственный пример в мировой практике, но приходится надеяться на его распространение и усовершенствование.

Подытоживая все выше сказанное, можно прийти к следующему выводу: создание общеевропейских органов регулирования требует времени и терпения. Это постоянно изменяющийся, динамичный процесс согласования интересов не только самих участников финансового рынка, но и не в последнюю очередь политиков, представляющих страны-члены Евросоюза, выступающих с позиций защиты интересов собственных выборщиков, то есть, в конечном счете, налогоплательщиков. Прибавьте к этому еще федеральный принцип организации Германии, где каждая земля имеет свой парламент и свое правительство, которые уже делегировали свои полномочия в Берлин. Таким образом, архисложная задача согласования диаметрально противоположных интересов, в конечном счете, может привести к поступательному развитию экономики и общества.

-
1. Величина прибыли за 2009 спрогнозирована с учетом возможности получения государственной поддержки, Mueller Leo, Deutsche Banken vor dem aus., Capital, 03.2009, 155
 2. Capital, Landesbanken werden neu geordnet, 14.11.2008, 14
 3. Handelsblatt, "Bank deutscher Länder" denkbar, 22.05.2009
 4. Handelsblatt, SaarLB fütchet in Alleingang, 27.04.2009
 5. Landesbanken, Aufsicht Fehlanzeige, NDR, Dienstag, 3. März 2009 im Ersten/ http://www.daserste.de/plus-minus/beitrag_dyn~uid,s194lv5gr2m28667~cm.asp
 6. Mueller Leo, Deutsche Banken vor dem aus., Capital, 03.2009, 154
 7. P.Bruessel, M. Schroers, EU nimmt Notenbank in die Pflicht, Financial time Deutschland, 15.09.2009
 8. Spiegelonline, Saarland will eigene Landesbank wiederbeleben, 28. April 2009, <http://www.spiegel.de/wirtschaft/0,1518,druck-621556,00.html>
 9. Statistisches Bundesamt Deutschland, Statistisches Jahrbuch 2008, Kapitel 17 Finanz – und andere Dienstleistungen, 457
 10. Sueddetsche Zeitung, EU-Kommissar Verheugen, "Weltmeister in riskanten Bankgeschäften", 16, 18.05.2009
 11. Welt, Hypo Real schränkt die Arbeit der Bankenaufsicht ein, 22.05.2009 <http://www.welt.de/die-welt/article3771460/Hypo-Real-schraenkt-die-Arbeit-der-Bankenaufsicht-ein.html>

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ? ИЛИ ПРОПЕДЕВТИКА КО ВСЯКОЙ ПРОШЛОЙ И БУДУЩЕЙ МЕТАФИЗИКЕ... ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

УДК 1Ф

С.В. БОРИСОВ

Философия – не наука. По своему «мировому» значению это духовное явление гораздо масштабнее науки. В отличие от науки философия не «раздирает» мир на части, а наоборот, собирает его в единое целое. Да и цели философии гораздо достойнее сиюминутных научных целей. Было бы ошибочно искать в философии по аналогии с наукой ее особый специфический предмет. Всякий раз нужно проникаться самим философским мышлением, философствованием. А философствование – это духовный акт, в котором действует не только интеллект, но вся совокупность духовных сил человека, включая эмоциональные и волевые качества. В основе философии лежит опыт человеческого существования во всей его полноте. Но сумеем ли мы постичь эту полноту, сумеем ли преодолеть поверхностность своего мышления? Ответом на эти вопросы и является философствование, самый лучший способ которого – диалог. В данном тексте (как и прежде) в философском диалоге участвуют: *Ignorant* (профан), *Doctor* (ученый) и Мыслители прошлого и современности, оставившие наиболее заметный след в философии.

Основания философской рефлексии

Doctor: Видишь ли, мой друг, каждое философское учение, по сути, есть система ориентирования в жизни, следовательно, знакомство с этими системами расширяет пространство нашего выбора.

Ignorant: Однако у меня есть право соотносить любое философское учение со своим собственным жизненным опытом, рассматривать его с точки зрения практической ценности, полезности для меня. Ведь, в конечном счете, самым главным философом для каждого человека является он сам. Все дело в том, хорошим он будет для себя философом или плохим.

Doctor: О, кажется ты уже начинаешь улавливать суть дела! Давай рассуждать дальше. Итак, мы целиком и полностью погружены, по сути, в одну реальность – жизнь как историю, временность. Данная реальность дана нам посредством различных форм «отражения».

Ignorant: То есть нас можно уподобить зеркалам, отражающим мир?

Doctor: Видишь ли, не все так просто. Вообще «отражение» как всеобщее свойство реальности связано с потенциальной информацией, кроющейся в бытии. Так вот для нас это своего рода *информационное взаимодействие* с реальностью.

Ignorant: А что представляет собой это «информационное взаимодействие»?

Doctor: Думаю, тебе это отчасти известно. Его простейший вид – раздражимость, далее – возбудимость нервных тканей (нейрофизиологическое «отражение») и, наконец, – психика. Если информационное взаимодействие на уровне раздражимости и простейшей чувствительности обеспечивает активность организма, то нейрофизиологическое «отражение» по мере развития нервной системы дает возможность осуществлять сложные схемы организованной последовательности действий, в конечном счете направленной на достижение жизненно значимой цели.

Ignorant: А как это происходит?

Doctor: Организм в процессе взаимодействия с внешней средой не просто реагирует на внешние раздражители, но и активно реализует в столкновении с внешней средой свою внутреннюю программу, в основе которой лежат структуры, аккумулирующие весь «видовой опыт» организма. Так возникает *психический образ* как результат отношения, взаимодействия его носителя с внешним миром. Это своего рода модель, отображение реальности, представляющей собой определенную программу возможного поведения, схему «действия до действия». Таким образом, Я и окружающий мир находятся в неразрывной взаимообусловленной связи.

Пьер Тейяр де Шарден (французский философ XX века): Даже не нужно быть человеком, чтобы заметить, как предметы и силы располагаются «кружком» вокруг нас. Все животные воспринимают это так же, как мы сами. Но только человек занимает такое положение в природе, при котором это схождение линий является *не просто видимым, а структурным*.

Ignorant: А что это значит?

Пьер Тейяр де Шарден: Это значит, что в силу качества и биологических свойств мысли мы оказываемся в уникальной точке, в узле, господствующем над целым участком космоса, открытым в настоящее время для нашего опыта. Центр перспективы – человек, одновременно центр конструирования универсума [6, с. 38].

Ignorant: То есть во всех ключевых вопросах восприятия и понимания мира мы обращаемся к нашему непосредственному жизненному опыту?

Doctor: Совершенно верно, но мы не можем обнаружить ничего значимого в каком-либо опыте иначе как посредством рефлексии, т.е. способности сознания сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением. Хотим мы того или нет, но рефлексия всегда будет «искажать» наш опыт. Вместо предметов, ценностей, целей, вспомогательных средств мы рассматриваем тот субъективный опыт, в котором они «являются», т.е. всегда имеем дело с «явлениями» (*феноменами*).

Ignorant: Ну вот... Мне казалось, что хотя бы в чем-то мы уже достигли ясности, но опять возникает проблема. Неужели мир, который существует в нашем восприятии, и мир, который существует сам по себе, не одно и то же?

Doctor: Давай разбираться. Исследованием сознания и его феноменов занимается такое направление современной философии, как феноменология. Так вот одним из важных свойств, характеризующих сознание, которое установили феноменологи, является свойство интенциональности. Оно обозначает свойство психических феноменов (в отличие от физических) быть направленным на что-либо, т.е. всегда быть *сознанием чего-то*. Принцип интенциональности сознания говорит о том, что всякий акт сознания направлен на какой-то объект; при этом важно то, что объект, на который направлен тот или иной акт сознания, сам является составной частью этого акта не в качестве, конечно, физического, скажем объекта, а в качестве объекта интенционального.

Ignorant: Ну все. Теперь ты меня совсем запутал...

Doctor: На самом деле все просто. Например, если мы смотрим в окно и видим дерево, растущее во дворе, то составной частью этого акта сознания будет не только само наблюдение, но и содержание этого наблюдения, т.е. это дерево, как видимое нами. В этом качестве данное дерево будет не физическим, а лишь

интенциональным объектом, лишь феноменом нашего сознания.

Ignorant: То есть ты хочешь сказать, что дерево, которое мы видим, существует только благодаря тому что мы на него смотрим, а также оно существует не само по себе, а только в качестве феномена нашего сознания? Прекрасно! Но я всегда считал и продолжаю считать, что оно существует само по себе как физический объект!

Doctor: Давай будем последовательными. Мы ведь сейчас говорим о свойствах нашего сознания, а не о наших убеждениях. Не будем подменять тему. Так вот, мы установили, что наше сознание как бы двуслойно: один слой – это сама направленность его актов, их интенция, а другой – это содержание данной направленности: объекты, на которые направлены акты сознания, т.е. чисто интенциональные объекты.

Ignorant: Да, это мне понятно. Но у меня возникает другой вопрос: когда же все-таки философия становится необходима, актуальна для человека? Когда у человека появляется потребность философствовать? Какие «реальности» (и внешние, и внутренние) формируют эту потребность?

Doctor: Философия становится востребованной в условиях так называемых «пограничных ситуаций», когда наши чувства и разум сталкиваются с неразрешимыми проблемами, парадоксами, противоречиями, побуждающими нас к размышлению.

Ignorant: А что такое «пограничные ситуации»?

Карл Ясперс (немецкий философ XX века): Это *смерть, борьба, страдание, вина*. В переживании пограничных ситуаций для меня очевидно, что лежащая на поверхности опора на внешние условия может обрушиться, и я окажусь радикально отброшен назад, к себе самому. Сильнее всего это проявляется в осознании смерти: то, что остается нерушимым перед лицом смерти, относится к подлинному бытию, а то, что теряет силу, есть простое наличное бытие. Смерть – это самая высшая мера качества человеческой жизни, это «момент истины», требующий абсолютной честности перед самим собой.

Ignorant: Я, кажется, понимаю. Речь идет о «безвыходных» ситуациях, когда внешне ничего изменить нельзя. Это судьба. Единственное, что может сделать человек в этих ситуациях, – это измениться сам, изменить свое отношение к происходящему. Здесь за-философствуешь поневоле! И не хотел бы думать, голову ломать, а приходится.

Doctor: Лучше и не скажешь. Ты все понял.

Ignorant: Все-таки, возвращаясь к началу нашего разговора, можешь ли ты одним словом сказать, с какого самого простого и естественного свойства человека начинается философия?

Doctor: Пожалуй, с удивления. Об этом еще говорили такие прославленные философы, как Платон и Аристотель.

Ignorant: Я не совсем тебя понимаю. Я могу удивляться чему угодно, но это не значит, что у меня сразу же возникает потребность философствовать по этому поводу.

Мартин Хайдеггер (немецкий философ XX века): Видишь ли, у Платона и Аристотеля речь идет не о случайном и поверхностном удивлении, не о какой-то мимолетной эмоции. Удивление всецело захватывает меня, является основанием моей мысли, присутствует и правит в каждом шаге философии. Удивление не дает мне потерять мою мысль, не дает рассеяться моему вниманию. Благодаря удивлению я «предрасположен» мыслить [7, с. 155–156].

Ignorant: Интересно, чему это я могу так удивиться?

Мераб Константинович Мамардашвили (советский философ): А разве не удивительна сама возможность понять, что мы можем удивляться? Например, удивляться тому, что есть нечто, а не ничто.

Ignorant: В каком это смысле?

Мераб Константинович Мамардашвили: В том, что должно, казалось бы, быть ничто, а есть нечто. Таким образом, философия начинается с удивления, и это настоящее удивление не тому, что чего-то нет, а тому, что вообще что-то есть [5, с. 21].

Ignorant: Опять вы говорите загадками, господа философы. Вот, например, Я есть. И что же здесь удивительного?

Doctor: А ты подумай...

Ignorant: А что здесь думать?! Я себя ощущаю и «изнутри», и «снаружи». Например, я каждый день вижу себя в зеркале. У меня есть свой неповторимый внешний облик, благодаря которому я отличаюсь от всех других. Короче, Я есть!

Doctor: Хорошо. Теперь представь, что ученые изобрели «универсальный дубликатор» УД-1. Ты заходишь в комнату, ее плотно закрывают, все твоё тело сканируют до последнего атома и воссоздают с помощью нанотехнологий в другой комнате. Допустим также, что УД-1 может сделать несколько твоих копий. В принципе, все эти копии – это ты, они тождественны тебе, но они не тожде-

ственны друг другу, ведь их несколько, т.е. они тождественны тебе только качественно, но не тождественны количественно. Где же будешь подлинный ты? Или, став «многими», ты автоматически теряешь свою самоидентичность?

Ignorant: Я даже представить себе не могу такую фантастическую картину!

Doctor: Хорошо. Подумай о чем-то реальном. Например, что происходит с тобой, когда ты меняешься с возрастом? Ведь меняется не только твой внешний облик, но и твоё мировоззрение. Где же ты подлинный?

Ignorant: Я всегда был Я, сколько себя помню. У меня никогда не было ощущения «раздвоенности», «растроенности» или «раздесятиренности». Я – личность, и моя тождественность сохранялась всегда независимо от возрастных изменений. Я двухлетний и я сорокалетний неразрывно связаны. Эту непрерывную психическую связь хранит моя чувственная и биографическая память.

Doctor: В таком случае было бы ошибочно отождествлять наше Я только с внешним обликом. Например, когда ты спишь и видишь сон, где находится твоё Я? Было бы неуместно ответить: мое Я лежит в кровати. В кровати лежит твоё тело, которое в данный момент ты не чувствуешь и не осознаешь.

Ignorant: Неужели ты хочешь сказать, что мое Я во время сна «убежало» из моего тела, а когда я проснулся, то оно «вернулось»? Я всегда было во мне, потому что это продукт психической деятельности моего тела, точнее моего головного мозга.

Doctor: Хорошо. Допустим, медицине удалось осуществить пересадку головного мозга, и твой мозг пересадили в тело другого человека. Что ты при этом будешь чувствовать?

Ignorant: Если тебе хочется фантазировать, так уж и быть, я поддержу твою игру. Наверное, у меня будет ощущение, что мне подменили тело, но ощущение моего Я не пропадет. Следовательно, не все биологическое тело существенно для личности, а только головной мозг, который и есть Я. Видишь, все просто.

Doctor: Ладно. Теперь допустим, ученые научились сканировать мозг и изобрели «мозговой транслятор» МТ-1. Вся информация с твоего мозга была сканирована и с помощью МТ-1 полностью преобразила мозг другого человека. Что ты при этом будешь чувствовать?

Ignorant: Наверное, у меня опять появится ощущение, что я в другом теле, но ощущение моего Я не пропадет.

Doctor: Но это же будет не только не твое биологическое тело, но и не твой головной мозг!

Ignorant: Ты кажется меня опять запутал. Так где же тогда мое Я? Это удивительно!

Рене Декарт (французский философ XVII века): Попытайся представить, что ты спишь и при этом не видишь снов. В этот момент, что ты можем сказать о своем Я?

Ignorant: Ровным счетом ничего.

Рене Декарт: В том-то и дело. Наше Я не «где-то» (не в голове и не в головном мозге), оно не занимает места в пространстве. Оно нематериально, следовательно, оно тождественно сознанию. Его можно только помыслить. Наше Я не может существовать без сознания. Поэтому, я мыслю, следовательно, существую, ведь мы скорее знаем о том, что мыслим, чем о том, что существуем. Да и о самом своем существовании мы знаем только благодаря тому, что у нас есть мышление. Даже когда мы склоняемся к мысли об иллюзорности всего на свете, необходимо, чтобы Я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал [4, с. 268].

Августин Блаженный (средневековый философ IV–V веков): Конечно, ведь я могу заблуждаться относительно вещей вне меня; но, сомневаясь в них, я осознаю себя самого как сомневающегося. То, что я есть, достоверно заложено во всяком суждении, сомнении, заблуждении. Ведь, заблуждаясь, я есть [1, с. 29–33].

Ignorant: Я заметил одну удивительную закономерность: наше философствование начинается с удивления, затем мы проверяем свои доводы на состоятельность и подвергаем их сомнению и когда, казалось бы, заходим в тупик, сразу же находится неожиданное, но очень продуктивное решение проблемы.

Doctor: Ты сделал верное наблюдение. Ведь недаром древнегреческий философ Сократ утверждал, что для того, чтобы обрести истину или хотя бы приблизиться к ней, нужно твердо усвоить один единственный постулат: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Ignorant: Ты меня опять удивляешь, док. Как же данный постулат может помочь в поиске истины?

Doctor: Это утверждение как бы подсказывает нам: доверяй своей интуиции; все, что вызывает сомнение, должно быть подвергнуто сомнению; только так любое знание может быть проверено на состоятельность, ведь любое знание нуждается в тщательном и всестороннем рассмотрении.

Ignorant: Расскажи мне о Сократе. Меня заинтересовал его метод.

Doctor: Центральным пунктом философии Сократа был вопрос о благе и добродетели. Как утверждает Сократ в «Апологии» Платона, стимулом для этого послужила надпись на оракуле в Дельфах: «Познай самого себя».

Ignorant: Познай самого себя... Этим мы, по сути, и занимаемся, когда философствуем.

Doctor: Сократ толкует это как требование испытывать человеческое знание и определять, какое благо подобает человеку. Чтобы появилось представление о благе или какое-либо знание вообще, человеческая душа должна быть достаточно подготовлена. В беседах с согражданами Сократ убеждается в том, что хотя все верят, будто уважают благо и добродетели, но для подтверждения этого выдвигают ложные мнения, не выдерживающие проверки разумом в ходе диалога. Испытующими вопросами Сократ расшатывает ложное мнение собеседника, пока тот не начинает признавать, что не знает того, в чем еще недавно был уверен. Такая безвыходность (апория) – поворотная точка, с которой в диалоге могут начаться поиски истинного понимания.

Аристотель Стагирит (древнегреческий философ IV века до н.э.): Сократу по праву можно приписать две вещи: во-первых, обоснование через данные опыта, во-вторых, образование общих понятий [3, с. 327].

Doctor: Совершенно верно. Сократ принимает свою философию как *майевтику* (повивальное искусство), ибо хочет быть лишь помощником в достижении понимания и самопознания, которые каждому надлежит изыскать в себе самом, поскольку они не могут быть усвоены извне.

Ignorant: В таком случае наше незнание помогает нам в поиске истины. Никогда бы не подумал, что такое возможно!

Николай Кузанский (немецкий философ XV века): Но именно так и обстоит дело. Рассудок в состоянии познавать вещи, сравнивая известное с неизвестным и образуя понятия на основе подобий. Но поскольку в мире все всегда лишь более или менее подобно друг другу, а совершенного мерил подобия нет, ничего не познается так, чтобы нельзя было познать его еще совершеннее. Таким образом, стремясь к знанию, мы приходим к познанию нашего принципиального незнания. Человек учится этому незнанию благодаря своему разуму, ибо через это незнание он способен коснуться единства всех противоположностей в бесконечном. Значит, думающий человек

всегда находится в состоянии *ученого незнания* (*docta ignorantia*) [2, т. 2, с. 56].

Ignorant: Слушай, док, а ведь это «ученое незнание» объединяет нас.

Doctor: Ты весьма наблюдателен.

Ignorant: Мне хочется опять ненадолго вернуться к проблеме «где находится мое Я». Мне кажется, что на утверждении «я мыслю, следовательно, существую», как на прочном фундаменте, можно построить целую философию.

Иоганн Готлиб Фихте (немецкий философ XVIII–XIX веков): Ты близок к истине, мой друг. Но для построения философии нужен метод. Пусть наше рассуждение разворачивается по схеме «тезис – антитезис – синтез». Итак, тезис: «Я изначально просто полагает свое собственное бытие».

Ignorant: Например, Я есть!

Иоганн Готлиб Фихте: Как ты думаешь, так мыслишь только ты или к этому может прийти любой, кто будет рассуждать так же?

Ignorant: Конечно любой. Но для того, чтобы это понять, нужно отвлечься от всего поверхностного в нашем представлении о Я.

Иоганн Готлиб Фихте: То есть ты хочешь сказать, что абсолютное Я как единство мыслящего и мыслимого постигается через созерцание. Но до этого отвлечения можно возвыситься лишь посредством абстракции от всего остального (психологического) в личности.

Ignorant: О, хотя мне так не сказать, но мне кажется, что именно об этом я и думаю.

Иоганн Готлиб Фихте: Тогда давай рассуждать дальше. То, что определено в тезисе – это некая данность, основание нашего мышления. От этого мы можем оттолкнуться, чтобы дать предметное определение нашего Я. В этом нам поможет антитезис: «Я полностью противостоит не-Я».

Ignorant: Конечно. Например, мне противостоит кто-то другой. Он, как зеркало, отражаясь в котором, я лучше узнаю, кто я для него. Или, в самом общем виде: Я – это Я, а не-Я – это окружающий мир.

Иоганн Готлиб Фихте: Однако при этом не стоит забывать, что и кто-то другой, и окружающий мир – это конструкции твоего Я. Отсюда синтез: «Я и не-Я взаимно определяют и ограничивают друг друга».

Ignorant: На счет «определяют» – понятно, а почему «ограничивают»?

Иоганн Готлиб Фихте: А как же иначе? Ведь наше абсолютное Я – это бесконечное стремление, деятельность, активность. Оно содержит в себе требование: вся реальность должна полагаться Я как таковым. Но поскольку нет стремления без объектов, Я сталкивается с сопротивлением не-Я, чтобы, преодолевая его, стать практическим, побороть косность окружающего мира. Одновременно конечное Я должно отдавать себе отчет в том, действительно ли оно объемлет собой всю реальность? Граница объектов, на которую наталкивается Я, есть условие того, что стремление становится рефлексивным, а Я знает о себе самом и таким образом может определять себя [2, т. 3, с. 203–204].

Ignorant: Получается, что, философствуя, мы лучше понимаем себя и тем самым реализуем свое право быть свободными и творческими людьми.

Иоганн Готлиб Фихте: Думаю, ты прав.

Ignorant: А можно, объединив всю философскую мудрость, сформулировать самые главные проблемы философии, к которым, как ручейки к реке, стекаются все остальные?

Doctor: Думаю, можно. Например, Платон выразил это в своей знаменитой триаде «Истина – Добро (Благо) – Красота». Когда достигаешь одного, сразу же понимаешь смысл второго и третьего, ибо, как основы бытия, они неразрывно связаны между собой. Немецкий философ Иммануил Кант свел все многообразие философских проблем к четырем главным вопросам: что я могу знать? (метафизика); что я должен делать? (*этика*); на что я смею надеяться? (*религия*); что есть человек? (*антропология*). При этом последняя проблема, по Канту, включает в себя все другие.

1. Августин Аврелий. О свободе воли // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья в 2 т. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2001. Т. 1.

2. Антология мировой философии в 4 т. М.: Мысль, 1969–1971.

3. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.

4. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т.1.

5. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Издательство «Лабиринт», 1996.

6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.

7. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.443

Л.А. ЛИПСКАЯ, А.В. ГУРВИЧ

В истории всегда существовала неразрывная связь и взаимообусловленность развития образования и политики. Для того чтобы лучше понять инновационные процессы в сфере образования, необходимо соотнести их с особенностями реформирования в сфере политики, потому что, как писал С.И. Гессен: «Понять систему образования – значит, понять строй его жизни» [3, с. 25].

Целевая ориентация в сфере образования, как правило, всегда определялась целями государственной политики, а педагогические инновации в образовании были результатом важнейших стратегических направлений образовательной политики. Взаимовлияние историко-педагогического и политического процессов нашло отражение в интеграции педагогических и политических доктрин, объединение их на общеметодологической основе. На теорию и практику образования, так или иначе, оказывали влияние существующие политические парадигмы: авторитарные концепции государства были реализованы в таких же авторитарных по своей сути моделях образования. В советский период основной целью образования было воспитание унифицированного общественного человека, подготовленного к жизни и труду в условиях монополярной партийно-государственной власти, регламентации и идеологизации социально-политических отношений. Политическая социализация подрастающего поколения жестко контролировалась государством через систему высшего и среднего образования, которое являлось одним из самых эффективных средств формирования молодых граждан по его образу и подобию. Образование было направлено на адаптацию молодежи к существующей однопартийной политической системе, идентификацию с партией-государством.

Посткоммунистическая трансформация и последующая модернизация российского государства и общества сопровождалась кризисом и разрушением существовавшей длительное время традиционной объектной модели образования, которая отражала, в первую очередь, потребности государства, была основана на принципах сциентизма и

авторитарности, на представлениях о внешне детерминированном человеке-функции, на его подавлении и принуждении.

В связи с реформированием социальной и политической системы возникла острая необходимость обоснования новой государственной и региональной политики в области образования. Несмотря на провозглашение идеи «деполитизации» образования это вовсе не означало ее реализации на практике. Государство по-прежнему осуществляло определенный контроль над школой. Вместе с тем, если раньше он проявлялся в виде директивного планирования, так называемого социального заказа, который ученые пытались перевести на язык педагогики, а преподаватели – реализовать, то в последующие годы со стороны государства обозначился выбор тех или иных приоритетов, давалась определенная ориентационная установка [1].

Кардинальные преобразования общества и государства обусловили идейно-мировоззренческую и концептуальную трансформацию образования. Политика либерализации и демократизации привела к разрушению унифицированной, жестко административно управляемой системы образования, к ее вариативному развитию. Реальная ситуация в образовании стала характеризоваться бесконечной множественностью вариантов образовательных учреждений, разными условиями и качеством предоставляемых услуг, а также разными образовательными концепциями, которые лежат в основе функционирования учебных заведений разного типа. В условиях вариативности оказалось невозможным строить теорию современного образования на каком-то одном философско-методологическом основании, исходить из какого-то одного философского представления о человеке, с позиции которого производилась оценка того или иного типа воспитания, тех или иных принципов и целей образования. В связи с отказом от марксизма-ленинизма, как единственной методологической и мировоззренческой педагогической установки, и образовавшимся идейным и ценностным вакуумом в системе образования особенно

актуальным стал вопрос о разработке новой педагогической парадигмы.

С начала 90-х годов благодаря объединению усилий педагогического и философского сообщества начался интенсивный поиск новых философско-педагогических оснований образования, стали изучаться и апробироваться различные инновационные как западные, так и отечественные образовательные концепции. Ученые и политики пытались определить образ новой школы, новый идеал воспитания человека, осмыслить инновационный и альтернативный педагогический опыт, сформулировать цели и ценности образовательного процесса.

Государственные структуры, отвечающие за развитие образовательной политики в нашей стране, пытались выполнить определенную координирующую и интегрирующую функцию в плане объединения усилий представителей педагогики, философии и других социально-гуманитарных наук. К сожалению, интеграционные процессы и междисциплинарные исследования недостаточно отразились на педагогической науке и практике, оказавшейся вне «человеческого измерения». Российская политика в сфере образования пока мало считается с современными педагогическими исследованиями, в ней, к сожалению, не нашли отражения новые представления о роли человека как в обществе, так и образовании. Не произошло существенных изменений и в понимании самого образования, его места в модернизации общества и изменении российской ментальности.

Политический и методологический плюрализм, множественность современных философско-педагогических идей породили ситуацию теоретико-концептуальной неопределенности и противоречивости реформирования системы образования. Перед министерством образования и педагогической наукой возникла серьезная проблема, а именно: на какой из множества существующих философско-педагогических концепций следует остановиться в качестве ориентира и стратегии развития образования в России? Однозначного ответа на эти вопросы не было и нет, каждый исследователь и педагог вправе сам выбирать определенную методологию и философскую идею человека в процессе познания мира образования. В то же время необходимо определить те предельные философско-методологические основания, на которых может эффективно развиваться вариативная система отечест-

венного образования. В качестве такого основания, фундамента развития современной теории образования может выступать философская антропология, которая способна стать почвой для консенсуса разноречивых позиций ученых-педагогов. С точки зрения философско-антропологического подхода, или правильнее сказать подходов, образование рассматривается как уникальная, исторически развивающаяся система, в которую в качестве центрального компонента включен сам человек, рассматриваемый с разных позиций (социологических, культурологических, феноменологических, прагматических и т.д.). Не случайно в последние годы в теоретико-методологических исследованиях все большее внимание стало уделяться антропологической составляющей разнообразных педагогических концепций, поскольку образование всегда было одним из главных способов утверждения бытия человека, его становления и развития [4].

Следует отметить, что в процессе поиска за последние десять лет сформировалась новая педагогическая гуманистическая или субъектная парадигма, ориентированная на личность учащегося, его индивидуальную неповторимость и самоценность. С ее помощью ученые пытались обосновать теоретические конструкции, адекватные новым реалиям, сформировать новое педагогическое мышление, ориентированное на человека как главную цель и высшую ценность образования. О новом видении отечественного образования говорилось и в последнем послании Президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию. В русле лично-ориентированной парадигмы глава государства озвучил идею «Нашей новой школы», способствующей личностному росту учащихся, воспитанию личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире.

Однако идеи новой парадигмы, к сожалению, пока не нашли широкой поддержки у ученых-педагогов, ее утверждение происходит в замедленном темпе и пока не оказывает существенного влияния на педагогическую практику. Острота современной ситуации в науке об образовании состоит в мучительном, болезненном, конфликтном состоянии переходности, межпарадигмальном противоречии [2]. Во многом это обусловлено переходным состоянием общества, его политической модернизацией. Смена парадигмы (модели) образования тесным образом связана со сменой моде-

ли общественного развития, изменением менталитета и общественно-педагогического сознания. Пока этот процесс не завершен. В российском обществе, несмотря на формирование определенного слоя, ориентирующегося на индивидуальный выбор и личную ответственность, по-прежнему преобладает уравнилельная, склонная к патернализму и коллективизму ментальность. Политика либерализации и модернизации в образовании не привела к появлению большого количества энергичных, инициативных людей, способных организовать свою жизнь на новых началах.

В педагогической науке присутствуют и сосуществуют как традиционная (объектная), так и новая (субъектная) парадигмы, разделившие педагогическое сообщество на две большие группы. Сторонников объектной парадигмы объединяет исключительно прагматический, утилитарно-прикладной взгляд на образование, заключающийся в том, что оно, в первую очередь, должно давать человеку знания, умения и навыки, так называемые «ЗУНы», замененные сегодня словосочетанием «ключевые компетенции». В педагогической науке и практике вместо гуманизации все больше утверждается профессионализация образования, подчинение его потребностям не личности, а экономики, рыночным отношениям. Кстати, это противоречие нашло отражение и в Послании Президента, в котором успехи каждого ученика ассоциируются с развитием его компетенций и способностей, а программы обучения прямо связаны с выбором специальности [9].

Новый идеал комфорта и материально-го благополучия, который стал ассоциироваться у молодежи с получением высшего образования, привел к тому, что получение диплома для половины молодых людей является одним из главных слагаемых достижения успеха. Об этом свидетельствуют результаты массового социологического опроса на Урале [5, с. 4]. Они показали, что либерализация и «монетизация» образования обусловили целый ряд негативных явлений, связанных с проявлениями коррупции, снижением качества подготовки будущих специалистов. Среди опрошенных студентов только 18,3% стремятся к знаниям, в то время как сделать успешную карьеру любой ценой мечтают 21,8%. Всего лишь каждый десятый опрошенный выказал желание оказаться в культурной среде.

Казалось бы, функцию воспроизводства культурных традиций и ценностей,

воспитание духовной и интеллектуальной элиты нашего общества должны сегодня выполнять университеты. Однако благодаря своей самостоятельности и необходимости выдерживать конкуренцию на рынке образовательных услуг они также далеко не всегда соответствуют своему предназначению и способны отторгать и нередко отвергать попытки инноваций. Превращаясь в модель «предпринимательского университета», такие вузы занимаются большей частью прибыльной деятельностью и ориентируются в первую очередь на требования заказчиков, осуществляя функциональную подготовку, а не развитие самоорганизующейся личности специалиста [8].

Проявления рыночных отношений в образовательной среде приводят к тому, что девальвируется престиж знаний, а сам образ специалиста с высшим образованием уже не ассоциируется с человеком, имеющим разностороннюю подготовку и обладающим высокими моральными и духовными качествами. Ничем не сдерживаемая жажда денег и карьерного роста нередко сопровождается у молодых специалистов проявлениями эгоизма, ослаблением чувства нормы и ответственности в поведении. Как свидетельствуют данные Института социологии Российской академии наук, более половины выпускников вузов готовы преступить через любые моральные нормы ради максимального благополучия.

Исследования показывают, что разрабатываемые в настоящее время в ряде вузов компетентностные модели специалиста, хотя и включают наряду с профессиональными другие, в том числе социокультурные компетенции, однако политика учебных заведений отражает в основном запросы работодателей, заинтересованных не столько в социальных и личностных, сколько в профессиональных качествах выпускника [7].

В рыночных условиях в основу формирования инновационной системы управления вузом заложены не социокультурные потребности личности, а спрос потребителей на подготовку специалистов-функционеров. Вузы вынуждены быстро адаптироваться к резко изменяющейся окружающей среде, подстраивать систему вузовского управления под новые технологии, оказывая содействие научно-техническому развитию отечественной промышленности и «забывая» при этом о духовном развитии нации.

Вместе с тем, государственная политика по развитию инновационной деятельнос-

ти в высшей школе, нашедшая отражение в документе «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и на дальнейшую перспективу», ориентирует высшую школу не только на функционально-производственную подготовку высококвалифицированных кадров, но и на духовное воспроизводство научного потенциала страны.

Несмотря на сложность и противоречивость поиска новых моделей образования, способных обеспечить подготовку новой элиты, имеющей профессиональный и культурный капитал, он важен и продуктивен как для развития педагогической науки, так и для дальнейшего функционирования образовательной системы в России. Сегодня необходимо создание такой системы образования, которая обеспечила бы становление и разностороннее развитие человека, готового и способного жить в условиях новой социально-политической реальности.

В связи с политикой интеграции в европейское образовательное пространство отечественная педагогика не может не считаться с западной теорией и практикой образования. Однако она должна критически использовать ее достижения, выполняя своеобразную селективную функцию, выбирая из существующих педагогических систем те, которые выдержали критическую проверку и соизмеримы с фактическим положением дел в отечественном образовании.

Особенно это касается политики по реализации положений Болонской декларации в высшей школе. Попытки внедрения ее основных принципов, как показывают иссле-

дования, пока вызывают неоднозначную, критическую реакцию как преподавателей, так и студентов. Проведенные в ряде российских университетов опросы говорят о том, что группа явных сторонников («инноваторов»), которые полностью или частично поддерживают реформирование российского высшего образования на ее основе, составляет больше половины опрошенных студентов и преподавателей, согласных с внедрением инноваций в учебный процесс [6, с. 107]. Однако однозначно позитивно оценивает этот процесс только каждый десятый преподаватель. Порядка трети опрошенных настроены негативно по отношению к нововведениям и явно против разрушения традиционной (советской/постсоветской) системы высшего образования. Адаптация многих компонентов Болонского процесса (введение системы перезачета кредитов, синтезирование отечественных и европейских учебных планов и программ, переход на двухуровневую систему, развитие дистанционного обучения) многим респондентам представляется трудновыполнимой.

Несмотря на то, что внедрение ряда инноваций затруднено не только в области образования, но и в области государственной политики и взаимоотношений стран Европы и России на международном уровне, альтернативы Болонскому процессу пока нет. В то же время для России важно в этом процессе модернизации не понести существенные утраты и не растерять тот образовательный и интеллектуальный потенциал, который был накоплен у нас за предыдущие десятилетия.

1. Амонашвили Ш.А., Загвязинский В.И. О паритетах, приоритетах и акцентах в педагогической теории в образовании // Педагогика. 2000. № 2. С. 73–78.

2. Валицкая А.П. Как возможна общая теория образования, или О междисциплинарном статусе понятия «диалог». Диалог в образовании: сб. матер. конф. Серия «Symposium». СПб.: С.-Петербург. философское общество. 2002. Вып. 22. С. 9–16.

3. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1996. 238 с.

4. Липская Л.А. Систематизация концепций образования на философско-антропологической основе. М. Изд-во «Спутник», 2005. 213 с.

5. Макаров И. Инновации переходного периода // Аргументы недели. 2008. № 19 (95).

6. Макарова М.Н., Соломенников В.С. Болонский процесс: мнения и ожидания // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 106–109.

7. Майер В.В. Региональные особенности вузовского образования // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 111–112.

8. Розов Н.С. О моделях университета в современной России // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 71075.

9. Статья обществом умных, свободных и ответственных людей. Из Послания Президента // Известия. – 2009. 13 ноября.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В 1917–1932 гг.

УДК 792с

К.А. ТУХВАТУЛИНА

Искусство занимает в культурной политике одно из центральных мест. Это обусловлено тем, что образы определенной картины мира, которые демонстрирует искусство, усваиваются на уровне обыденного сознания легче, чем те которые демонстрирует научная теория или политическая концепция. Понимание неоспоримой важности художественного творчества, осознание его в качестве значимого информационного, воспитательного, ценностного фактора развития общества, вносится искусство в список прерогатив государственной деятельности. Особенно значимой составной частью государственной политики сфера искусства стала в период установления советской власти, когда искусству отводилась роль политического просвещения масс, повышения гражданской активности, вовлечения общества в социалистическое строительство.

Централизация управления театральной сферой стала одной из главных задач Советского государства в области культуры, к которой приступили непосредственно после основных революционных событий.

Первоначально центральным государственным учреждением, в котором в определенной мере выработывалась и на практике (через местные органы) осуществлялась концепция строительства культурной жизни, стал Народный комиссариат просвещения РСФСР (НКП), созданный 26 октября (8 ноября) 1917 года Декретом II Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов. В начальный период деятельности НКП обладал чрезвычайной широтой функций. На него возлагалось руководство школьным образованием, наукой и научными учреждениями, всеми вопросами культуры и искусства, социальным воспитанием и политико-просветительской работой среди населения. В составе Наркомата в июне 1918 года был образован театральный отдел для «осуществления культурно-просветительных задач в области театра и зрелищ» [8, с. 41], для общего руководства Театральным делом в стране, создания нового театра и упорядочения художественно-профессиональной

жизни в сфере театра. Практически одновременно с НКП в соответствии с Декретом ВЦИК СНК от 9 (22) ноября 1917 г. начала свою работу Государственная комиссия по просвещению для руководства и контроля культуры во главе с А.В. Луначарским. При НКП и при Государственной комиссии были образованы Отделы искусств, включающие Театральные отделы.

Важнейшим документом в области театральной политики первых послереволюционных лет стал Декрет «Об объединении театрального дела», изданный 26 августа 1919 года, согласно которому учреждался Центральный театральный комитет (Центротеатр) при Народном комиссариате по просвещению. Деятельность Центротеатра продолжалась до ноября 1920 года, когда распоряжением Луначарского о реорганизации управления театрами функции его были приостановлены. В Центротеатре было объединено руководство всеми театрами страны как государственными, так и принадлежащими отдельным ведомствам (военному, кооперативам, совдепам и т.д.). Все театральное имущество обьявлялось национализированным, т.е. переходящим в собственность государства. Таким образом, государство устанавливало контроль над средствами производства, и таким образом, над материальной частью театров, следовательно, и над людьми, участниками театрального процесса.

1 марта 1921 года Наркомпрос претерпел некоторую перестройку. Теперь центральный аппарат НКП состоял из 3 частей: Академического центра, Организационного центра и главков [5]. Основным органом, проводящим политику Советского государства в области театра на местах, должен был стать Главный политико-просветительный комитет Республики (Главполитпросвет). Он был образован с целью объединения всей политико-просветительной и агитационно-пропагандистской работы в стране. Идейно-политическое направление его работе давал Центральный комитет РКП (б), административно он подчинялся Наркомпросу. В

его состав и была передана Художественная секция (с отделами ТЕО, ИЗО, МУЗО, ЛИТО, ФОТО-КИНО). Театральный отдел (ТЕО) при Художественном отделе Главполитпросвета являлся Всероссийским центральным органом, ведающим всей политико-просветительской театральной работой [4].

Решение об образовании Главполитпросвета во многом было определено историческим моментом перехода страны к новой экономической политике в марте 1921 года, когда государство сняло театры с дотации и перевело их на хозрасчет [3]. По распоряжению Наркомпроса от 13 апреля 1921 года театральные учреждения всех видов и направлений, за исключением детских и школьных театров, переходили в ведение Губполитпросветов. Вместе с тем оговаривалось, что если художественная секция политпросвета не сможет покрыть расходы, то возможна частичная сдача предприятий в аренду театральным коллективам с процентным отчислением сбора в свою пользу [3]. Таким образом, в период нэпа были разрешены частные театральные предприятия – антрепризы. Существование частных предприятий в стране повлекло усиление политико-просветительской и агитационно-пропагандистской работы в Советском государстве, производником которой стал агитационный театр.

В тезисах Художественного сектора НКП и ЦК Рабис «Об основах политики в области искусства» в 1921 году были изложены взгляды советской власти на прерогативы государства в области идеологической работы. В частности, в данном документе акцентируется внимание на том, что новое пролетарское и социалистическое искусство может быть построено лишь на фундаменте всех приобретений прошлого. Но вместе с тем однозначно сообщалось, что «наследство прошлого должно быть беспощадно очищено от всех примесей буржуазного распада и разврата». Наряду с этим, говорилось далее, советская профессиональная культурно-художественная работа должна быть направлена к созданию чисто пролетарских художественных форм и учреждений [10, с. 57]. Так, была обозначена односторонняя политико-идеологическая направленность Советского государства по установлению пролетарских форм культуры.

Для проведения в жизнь вышеуказанных положений в Советском государстве особую роль в области культурной политики отвели механизму цензуры. Период с 1917 по

1922 г. был временем поиска оптимальной системы идеологического контроля над зрелищными предприятиями. 6 июня 1922 года было создано Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе. В Положении о Главлите указывалось, что в его обязанности входило, во-первых, выдавать разрешения на издание произведений (для чего наделен правом предварительной цензуры), а во-вторых, составлять списки произведений печати, запрещенных к продаже и распространению. В эти списки должны были входить произведения, которые: а) содержат агитацию против советской власти; б) разглашают военные тайны; в) возбуждают общественное мнение путем сообщения ложных сведений; г) разжигают националистический и религиозный фанатизм; д) носят порнографический характер [7].

Первоначально Главлиту был поручен контроль лишь за произведениями печати, однако в 1923 году было создано Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром (он же – Контрольно-репертуарный комитет) при Главлите НКП РСФСР (Главрепертком). Ему принадлежало право на разрешение к постановке всех драматических произведений. Кроме этой организации, цензурный контроль осуществляли Главполитпросвет, ОГПУ и идеологические отделы ЦК. Однако в области театральной цензуры главную роль сыграл Главрепертком.

На места регулярно высылались циркуляры со списком нежелательных и разрешенных произведений. Причем списки пьес, разрешенных к постановке, первоначально подразделялись на две категории, обозначенные условно литерами А и Б. В указаниях к изданным в 1923 году «Спискам пьес, разрешенных к постановке» отмечается: «При выдаче разрешений на ту или иную постановку следует с особым вниманием остановиться на пьесах с литерой Б. Необходимо учесть целый ряд обстоятельств: характер публики, которая будет смотреть пьесу (буржуазная, демократическая, пролетарская, смешанная), степень ее сознательности и способности противостоять нежелательным влияниям и местные условия. Т.о. пьесы с литерой Б нежелательно пускать в наиболее отсталую народную аудиторию. Пьесы с литерой А разрешаются на местах безусловно».

В число безусловно разрешенных пьес вошли произведения Леонида Андреева «Царь Голод», «Савва», Н.В. Гоголя «Ревизор», «Женитьба», «Игроки», практически

все произведения Н. Островского, за исключением некоторых, обозначенных ниже, пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы», «От нее все качества», «Плоды просвещения», некоторые произведения Шекспира и все пьесы Б.Шоу. Среди новых советских пьес были оставлены практически все произведения, имеющие пропагандистско-агитационное содержание, сатирические и обличительные инсценировки, агитсуды, драмы и трагедии.

В группу пьес, обозначенных литерой Б, вошли такие произведения, как «Дни нашей жизни», «К звездам», «Профессор Старицын» Л. Андреева, «Царевич Алексей», «Юлиан Отступник» Д. Мережковского, «Гроза», «Бешеные деньги», «Доходное место» А. Островского, «Живой труп», «Свет во тьме» Л. Толстого, «Юлий Цезарь», «Макбет», «Гамлет», «Укрощение строптивой», «Ричард III» В. Шекспира и др.

Список пьес, запрещенных к постановкам на советской сцене, включал такие произведения, как «Роза и крест» А. Блока, «Дневник Сатаны» Ге, «Огни Св. Доминика» Евгения Замятина, «Козьма Минин» Н. Островского, «Камо грядеши» по Г. Сенкевичу, «Орлеанская дева» Ф. Шиллера и др. [2].

Постановки в клубах и в сельской местности особо оговаривались новой властью. Здесь были запрещены пьесы по литературе Б. Поворотным в области театральной политики оказался 1925 год. В 1926–32 гг. основные задачи театрального строительства формулировались и решались партией и Советской властью как составная часть более широкой задачи – обеспечение победы культурной революции. Впервые в партийных документах понятие «культурная революция» было введено в резолюции ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года. ЦК партии констатировал, что советская страна вступила «в полосу культурной революции, которая составляет предпосылку дальнейшего движения к коммунистическому обществу» [1, с. 53–57]. Эта задача определила генеральное направление всей воспитательной и просветительной работы в стране на ближайшие годы.

Контроль над развитием театрального искусства осуществлялся по линии Главлита. Кроме этого, в театрах были созданы в конце 1920-х годов Художественные советы, на которые возлагалась «задача создания вокруг театра атмосферы общественного внимания, руководства и критики, без которых

невозможно действительное приближение театра к задачам советской культуры» [6, с. 516]. Постановление об этом было принято в сентябре 1929 года. В состав художественно-политических советов при театрах должны были войти дирекция, режиссер и другие работники театра (не более одной трети), а также представители ОНО, местных советов профсоюзов, в частности Рабис, представители местного парткома, ВЛКСМ, представители промышленных предприятий. В функции советов входило: рассмотрение, обсуждение и оценка производственного репертуарного плана театра; рассмотрение форм обслуживания зрителя, организация через аппарат театра общественных просмотров новых постановок и т.д. [9, с. 72].

В 1927–1929 гг. была проведена унификация театрального репертуара и полная его регламентация. В 1929–1931 гг. было осуществлено издание трехтомного Репертуарного указателя Главреперткома [1, с. 220].

В конце 1920-х годов стержнем всей государственной политики в области культуры становится формирование единой «социалистической культуры».

Принципы театральной политики были сформулированы на партийном совещании по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП (б) в мае 1927 года в полном соответствии с общими принципиальными установками, изложенными в резолюции «О политике партии в области художественной литературы». Применительно к области театра эти установки стали более конкретными и однозначными. В резолюции конференции было провозглашено: «Классовая борьба в области театра, принимая особые формы, является важным фактором, который должен учитываться при намечении и проведении театральной политики» [6, с. 478]. Основным критерием оценки работы театров становится социально-политическая значимость произведения.

Одним из главных итогов совещания стало новое объединение руководства театральным делом, введенное Постановлением Совнаркома РСФСР от 13 апреля 1928 года. В этом Постановлении объявлялось о создании в составе Наркомпроса Главного управления по делам литературы и искусства (Главискусство), к которому перешли все функции по руководству сферой театра, принадлежавшие ранее различным главам Наркомпроса. Главискусство просуществовало до 2 сентября 1929 года, когда по решению ВЦИК и Совнаркома РСФСР было преобразовано

в Совет по делам художественной литературы и искусства, а последний затем в 1931 году трансформировался в Сектор искусств. Если в обязанности Главискусства, а потом и Совета входило, главным образом, «объединение и усиление руководства всеми видами искусства» [9, с. 65], то задачи сменившегося их Сектора искусств формулировались определеннее. Он должен был осуществлять «идеологическое руководство, обеспечивающее интересы диктатуры пролетариата и марксистско-ленинской методологии во всех областях искусств; общее управление всеми художественными учреждениями, предприятиями, обществами и учебными заведениями, находящимися в ведении Наркомпроса» [9, с. 74]. К 1931 году была образована строгая вертикаль власти с подчинением Сектору искусств Наркомпроса, который объединил все вопросы театральной политики страны. На местах звеном театральной системы стали УЗП (Управления зрелищными предприятиями). В целом в области управления советскими театрами государство шло по пути централизации, сосредоточения всех вопросов театральной политики (организационных, идеологических) в ведении одного органа, каким стал к 1932 году Совет искусств при Наркомпросе РСФСР.

С целью наладить единоначалие в управлении сферой искусства в 1932 году Постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» ликвидировались все ассоциации, группы, течения в литературе, живописи, архитектуре и музыке. Этот документ привел к образованию единых творческих союзов, что существенно облегчало партийно-государственное руководство в сфере искусства.

Подводя итоги, необходимо отметить

следующее. В Советском государстве значимым становится создание специализированных органов по управлению театром. Театр был передан в ведение Народного комиссариата просвещения, что говорит об отношении к театру со стороны государства как к институту, имеющему важное культурно-просветительное и политико-идеологическое значение.

Национализация театров позволила создать механизм управления театральными предприятиями в пределах всей страны. Дальнейшее становление политики в области театра явилось закономерным следствием трансформации советского государства и находилось в русле всей осуществляемой политики. Изменение политической обстановки в стране влекло за собой и изменения политического курса в отношении театров. В первые годы после революции (1917–1919 гг.) театр находится в ведении театрального отдела НКП и на него возлагается осуществление, прежде всего, культурно-просветительных задач в области театра и зрелищ. Новая экономическая политика предопределила наделение театра агитационно-пропагандистскими функциями и передачу театра в ведение Главного политико-просветительного комитета. В период формирования тоталитарной модели советского государства происходит усиление контроля над театральной сферой, централизация, сосредоточение функций управления в одном органе. Была осуществлена унификация театрального репертуара. Главным критерием оценки работы театров становятся не эстетические достоинства спектакля, а социально-политическая значимость. Театр рассматривается как мощное средство обеспечения культурной революции и окончательно входит в орбиту государственного влияния.

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999. (Россия. XX век. Документы). – 868 с.

2. ГАОО. Ф.Р-454. Оп.1. Д. 16. Л. 13, 14, 16, 17, 18, 32.

3. ГАОО. Ф.Р-456. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

4. ГАРФ. Ф.А-2313. Оп. 6. Д. 14. Л. 57, 121.

5. ГАРФ. Ф.Р-130. Оп. 5. Д. 601. Л. 2.

6. Пути развития театра: стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. – М.-Л.: Театкинопечат, 1927. – 521 с.

7. РГАЛИ. Ф.645. Оп. 1. Д. 140. Л. 32 об.

8. Советский театр. Русский советский театр: Документы и материалы. 1921–1926/ Отв. ред. А.Я. Трабский. – М.: Изд-во «Искусство», 1975. – 451 с.

9. Советский театр. Русский советский театр: Документы и материалы. 1926–1932/ Отв. ред. А.Я. Трабский. – М., 1982. – 403 с.

10. Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация. – М.-Л.: Огиз-Изогиз, 1933. – 664 с., ил.

«ЭТИКА ВЫЖИВАНИЯ» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ УДМУРТСКОЙ ОБЩИНЫ С ВЛАСТЬЮ В XVIII– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

УДК 94 (470. 51) "16 / 18"

М.В. ГРИШКИНА

Как доказал в серии трудов о крестьянстве американский антрополог Джеймс Скотт, в основе не только системы хозяйства, но и системы традиций, моральных правил и социальных институций в деревне лежит «этика выживания». Этика выживания крестьянина соответствовала его самопрезентации как человека, «стоящего по шею в воде», так что малейшее волнение в водоеме, – будь то неурожай, политика местного начальства или государственные установления, – могут его утопить [19, с. 220]. Ответом крестьянства на вызовы власти являлись коллективные действия, минимализирующие риск и гарантирующие для всей общины прожиточный минимум. Взаимоотношения сельских общин с властью строились чаще всего под знаком, который Джеймс Скотт обозначил в своей следующей книге «Господство и искусство сопротивления. Скрытые послания» (1984) как принцип «подчиняюсь, но не повинуюсь».

Цель предлагаемой статьи – проанализировать, как «защита права на существование», этот универсальный мотив социального поведения и оправдания всех форм негативных действий в отношении власти, проявлялась в деятельности удмуртских общин в XVIII–первой половине XIX в.

Община была единственной формой самоорганизации удмуртского социума, после присоединения к Российскому государству включенного в разряд государственных крестьян. Она прошла путь эволюции от общины-доли на севере и общины-сотни в южных районах края до единообразной для всей России волостной общины, внедренной указами сверху в 1797 г. В 1838 г. волость была фрагментирована на сельские общества. Будучи встроенной в механизм управления, удмуртская община в значительной степени была сосредоточена на фискальных

функциях. Высший ее орган – мирской сход собирался по несколько раз в год. Главными вопросами, которые решались на нем, были раскладка податей и повинностей, выборы «мирских голов»: старост, целовальников, десятников и др. Десятские, пятидесятские выполняли полицейские функции, вели расследование краж и других преступлений. Пятисотские были ответственными за своевременную поставку рекрутов. В начале XIX в. мирские должности расширились за счет пожарных старост, лесных надзирателей, воровских старост [5, с. 390–394]. Наряду с обеспечением исправного поступления податей деревенский староста (после волостной реформы – старшина) отвечал «за тишину» во вверенной ему округе. Избранный деревенским старшиной в 1805 г. Максим Котлецов рассказывал, что от волостных начальников приказано было «ходить по соседям ввечеру и поутру и спрашивать, все ли дома, здоровы ли, и не отлучался ли кто ночью без спросу, и сторонних людей нет ли» [20].

Анализ материалов со всей очевидностью свидетельствует, что вся повседневная жизнь удмуртской общины и крестьянства была проникнута борьбой за выживание в непростых климатических условиях при постепенном наступлении власти на свободу его хозяйственной деятельности. Регламентация и усиливающиеся ограничения затрагивали прежде всего фундаментальное условие жизни – землю, на которой строилось многоотраслевое хозяйство, сочетавшее земледелие, животноводство и неземледельческие промыслы. При невысоком плодородии лесных подзолов успешное ведение земледелия было невозможно без подпитывающих трехполье элементов подсеки и залежи. Вплоть до реформы 1830–1840-х гг. каждое крестьянское хозяйство беспрепятственно

*Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой»

расчищало из-под леса по мере своих сил новый клочок пашни, запуская совершенно уже выпавшийся участок под перелог. Во время межевания землемеры обнаружили на территории Удмуртии огромные площади, значившиеся как «казенные строевые леса», которые «истреблением их самовольным расчищением совершенно превращены в пашенные земли, все запаханы и засеяны хлебами» [6, с. 44].

Комбинированная система была одним из важнейших условий выживания крестьянства, она исключала (хотя не всегда, как, например, в 1782, 1788, 1795, 1799 гг.) повсеместные масштабные неурожаи и голод. Общины стремились всеми способами сохранить закрепленные угодья, не только обработанные, но и резервные. В этой борьбе удмуртские крестьяне использовали весь арсенал «оружия слабых»: от составления «одинашных записей», где общинники клялись быть «заодно» и всемерно поддерживать челобитчиков, направляемых во все инстанции, вплоть до царя. Поскольку челобитные затрагивали непосредственные интересы местной власти, она предпринимала все меры, вплоть до расстановки на дорогах караулов, чтобы помешать появлению крестьянских ходочов в столицах. Да и здесь они переживали немало мытарств: «приехали к Москве и живем многое время, помираем голодной смертью, пити и ясти нечего, ходим меж двор», – описывали удмуртские челобитчики свои злоключения. В конце XVII – начале XVIII в. удмурты добились назначения и проведения государственного «сыска» (следствия), расследовавшего поземельные отношений удмуртских общин с монастырями, русскими общинами и татарским богатыями, захватившими значительные участки пашни и покосов и обрабатывавшими их силами закабаленных удмуртских крестьян.

Государство признавало «территориальную власть мира» – право на комплекс угодий, в том числе резервных, и шло навстречу требованиям крестьян. Масштабные сыски восстановили прежние границы землевладения удмуртских общин. Чтобы избежать дальнейшего вторжения чужаков, эти владения были узаконены «владенными выписями» [8, с. 78–80]. Переселение желающих на эту территорию шло с разрешения мирского схода при условии внесения всех податей в общинную «каску».

Крестьянство, в свою очередь, признавало безусловное право государства на

взыскание налогов за пользование «государевой» землей. Власть в идеале стремилась к неукоснительному соблюдению условия хозяйствования – на основе несения тягла или уплаты оброка: «...чтобы никто никакими землями безоброчно отнюдь не владел». По мере укрепления абсолютистского государства контроль за использованием земельными ресурсами усиливался. С 1704 г. охотничьи угодья, рыбные ловли и мельничные места были отнесены к государственным оброчным статьям, время от времени подвергались переоборочке по принципу «кто больше надаст» [16]. В 20 гг. XVIII в. леса по р. Каме и Вятке были приписаны к Адмиралтейству и объявлены заповедными. Особые «лесные знатели» в 1728 г. завершили составление «осмотру и описи своей лесам ведомости» [15]. Надзор за сохранностью «заповедных роц» осуществляли вальдмейстеры, бравшие с каждой ревизской души от 1 до 7 коп. своего рода «страховых», если же обнаруживали где-нибудь порубку, увеличивали сборы до 20 коп. с души [12, с. 62–63]. Во второй половине XVIII в. развитие в Удмуртии получило заводское землевладение: строящиеся частновладельческие и казенные железодельные предприятия закрепили за собой огромные участки леса. К 50-м гг. XIX в. только к Ижевскому и Воткинскому казенным заводам было приграничено 780 335 десятин [2]. Окончательно централизацию ресурсов в руках государства осуществило Генеральное межевание рубежа XVIII–XIX вв., завершенное в Вятской губернии в 1834 г. Крестьяне Удмуртии потеряли св. 2,8 млн десятин, отрезанных в казну «за излишеством», к которому были отнесены все угодья, помимо оставляемых за общинами из расчета 15 десятин на ревизскую душу. Фонд надельной земли сократился за счет «всемиловнейших пожалований» (20 тыс. десятин) известным сановникам. Чрезвычайную несправедливость межевания отмечали все высокопоставленные чиновники. В 1836 г. губернатор Корнилов писал: «...межевание было проведено с неимоверной несправедливостью, стеснением для крестьян и небрежностью. По беспорядкам и злоупотреблениям, допущенным при отводе земель по высочайшим пожалованиям частным лицам, во многих местах были отрезаны у крестьян лучшие поля, сенокосы, огуменники и огороды» [11, с. 146]. Общинники вынуждены были приобретать бывшие угодья за немалые суммы. Крестьяне Малополомской волости Глазовского уезда ку-

пили в 1828 г. 223 десятины, пожалованных тайному советнику фон Братке за 6710 руб. ассигнациями [26]. К 50-м гг. XIX в. все «высочайше пожалованные» земли были выкуплены крестьянами и купцами.

Вызывает удивление, что при таком масштабном ограблении крестьянство не продемонстрировало недовольства в открытой форме: в период межевания не зафиксировано ни одного случая явного и активного возмущения. Причина такого «благодущия» объясняется тем, что крестьяне на первых порах не осознали, насколько кардинально межевание изменило условия хозяйствования. Вопреки установкам власти они продолжали прибегать к осуществлению прочно внедрившегося в сознание трудового права, расширяя пашни за счет казенных и заводских дач, игнорируя межевые знаки, вторгались в ставшие казенными угодья [27]. В аргументации подобных действий крестьяне неизменно ссылались на необходимость выживания и желание быть исправными налогоплательщиками. Общинники нескольких селений, расчистившие лес во владениях Ижевского завода, заявили: «Если заводская контора нисколько лесу под пашню расчищать не позволит, то оне придут не в состояние к платежу государственных податей». Общинный сход Сардыкского десятка Глазовского уезда решил просить разрешения на расчистку прилегающего к починку Высокий Мыс леса: «...у них в волости поселились 23 души на новые места, на лес, и ныне на душу еще и четверика не высевається». Выборные от лесничего вернулись с отказом, но один из общинников продолжил расчистку, полагая, что не может обречь на голод 21 душу своего семейства. Однако уверенность крестьян пришла в явное противоречие с установками власти: притязания Фофанова на обеспечение минимальных потребностей были восприняты как «преступление». Уездный суд постановил: «на месте содеянного преступления в страх другим учинить нещадное наказание плетьюми» [24].

В 1830 г. все казенные леса были переданы под юрисдикцию губернских казенных палат, которые стали обеспечиваться соответствующим аппаратом служащих. Наказание за посягательство на лес ужесточались: 12 августа 1830 г. состоялся указ Сената: за самовольную рубку леса следовало наказание, полагавшееся за воровство. В итоге правилом стали огромные штрафные санкции. Удмурты Кляповской волости Глазовского уезда (26 человек), вырубившие лес

на постройку домов, были оштрафованы на 1092 руб. 82 коп., штраф был распределен на всех жителей общины [22]. Вводилась круговая порука, которая по замыслу власти должна была увеличить ответственность общины и усилить ее контроль.

Однако удмуртское крестьянство долго не могло отказаться от традиционных, столетиями формировавшихся воззрений на леса как на ничейный, природой созданный резерв. Общинники нередко во главе с руководством мира продолжали расчищать их, рубить на постройку и даже на продажу, драть лубья на мочало и т.д. Только за 1849–1850 гг. Глазовским уездным судом было рассмотрено св. 35 дел о самовольных порубках и расчистках [23]. Каждое из этих «деяний» имело следствием суровое наказание: возросшие денежные штрафы, от 40 и более ударов плетьюми, арест руководителей общины «за недонесение». В 1839 г. удмурты Поломской волости Глазовского уезда д. Кумогурт и Верхний Кумогурт (8 человек) за расчистку в казенной даче 13 десятин были оштрафованы на 2498 руб. 25 коп., как и в других случаях, крестьянам запрещалось «всякое прикосновение» к результатам их труда. Новокрещенные Малополомской волости (4 человека), дравшие лыко в лесах, отведенных генерал-лейтенанту Концынскому, были приговорены к 40 ударам плетьюми и к штрафу в 7 руб. серебром с каждого [25]. В 1850 г. губернская власть запретила подсеку, аргументируя «достаточным количеством земли под пашню и покосы» [1].

В надежде приобрести свежие участки пашни, отличавшиеся высокой урожайностью (до сам-40 и даже сам-60), крестьяне без особого энтузиазма стали тушить пожары в казенных лесах. На выгоревших местах они заводили пашню и пользовались ею, пока чиновники разбирались в обстоятельствах дела.

Только к 60-м годам XIX в. разнообразными наказаниями, штрафными санкциями, усилением контроля за общинным руководством губернская власть почти повсеместно добила соблюдение лесного законодательства. В результате норма надела на душу стала довольно быстро сокращаться. По данным 1862 г. на 1 ревизскую душу в Малмыжском уезде приходилось 8 десятин, в Елабужском – 7 десятин, в Глазовском – 6 десятин, в Сарапульском – 4 десятины угодий [4]. Уменьшение земельных наделов привело к кризису трехпольной системы. Следствием стало снижение урожайности,

которая, по наблюдениям Б.Г. Плющевского, в 1804–1840 гг. была ниже, чем в целом по России, и составляла в среднем сам – 2,94. В результате сокращения кормовой базы стало сокращаться и поголовье скота на душу населения: в 1825 г. по Вятской губернии числилось 368 445 лошадей и 563 417 голов крупного рогатого скота, в 1840 г. соответствующие цифры составили 458 249 и 701 312 [13, с. 134].

Другим ярким проявлением «этики выживания» было стремление закрепить ставшие традиционными податные отношения с государством, рассматривавшиеся крестьянами как своеобразный договор, обязательный для обеих сторон. Введение подушной подати вызвало серьезные волнения и мятежи. Мятежные действия тщательно готовились под руководством сотников. Удмурты ряда сотен выгнали сборщиков подати «вон», забрали уже взысканные деньги и заявили: «...ежели де и впредь по них будут посылать, они де тех посланных побьют до смерти» [11, с. 89–90, 132]. Когда открытые волнения были подавлены, а подати и повинности стали возрастать и разнообразиться год от года, крестьяне обратились к еще одному испытанному «оружию слабых», отчетливо выражающему принцип «подчиняюсь, но не повинуюсь» – утайке податных душ. Несмотря на тяжелые наказания, вплоть до смертной казни и конфискации имущества, грозившие старостам, убыль населения в первой четверти XVIII в. была громадной. За 5 лет между переписями 1711 и 1716 гг. в южных районах Удмуртии было 8 327 человек (46,6 % от учетных переписью 1716–1717 гг.) [5, с. 14]. Во время подушной переписи 1719 г. в северных районах утаенные составили 41% [17]. После V ревизии (1795 г.) вятский губернатор Рунич докладывал царю, что в лесах губернии проживает немало удмуртов, никогда не фиксировавшихся ревизскими сказками. Указ, предписавший «всех вотяков в Вятской губернии ...записывать в ревизские сказки ... не подвергая за сие штрафу и наказаниям», привел к регистрации новых 1 284 ревизских душ [11, с. 131].

Столь же массовым «оружием слабых» оставалось бегство. Удмурты бежали в леса, создавая новые починки на месте «отъезжей пашни». Часть беглых уходила в Башкирию. Введение паспортного режима не остановило этот поток. В 1725 г. Дорригний, командир Вологодского драгунского полка, приписанного для сбора подушной подати к Арской дороге, доносил в Сенат, что он вы-

явил здесь 3 892 беглых, многие изъявляли желание бежать «в башкирцы за скудостью и пустотой» [14].

Одним из самых тягостных для удмуртов была рекрутчина, ставшая обязательной после указа Петра I от 1722 г. Удмуртские общины не раз изъявляли готовность взамен вносить деньги, но не имели успеха. С 1722 по 1734 гг. с северных удмуртов и бесермян было мобилизовано 425 человек [18]. Бегство стало самым распространенным способом протеста: удмурты редко добирались до места службы, они скрывались и скитались десятилетиями. Только с февраля по март 1730 г. из взятых удмуртов и бесермян бежали 24 человека, в январе 1732 г. в полки не явилось 13 человек. Ожидавшие рекрутской очереди нередко приходили, как отмечали уездные врачи, «в иступление ума». В подобном состоянии они прибегали к членовредительству: в Глазовском уездном суде рассматривалось немало дел о повреждении глаз, пальцев на правой руке и др. [21].

Намерения превратить общину в послушное орудие, а пространство, населенное крестьянством, в единообразное, унифицированное, удобное для управления, никогда не могли реализоваться в полной мере. «Благие намерения» власти, даже выражавшиеся в патернализме, наталкивались на скрытое и упорное сопротивление. Запасные хлебные магазины, созданные в 90-е гг. XVIII в. на случай голода, игнорировались: поселяне не хотели сдавать хлеб, не веря в возможность его получения в случае нужды.

Стремлением не рисковать, чтобы не оказаться за нижними пределами потребления, определялось отношение крестьянства и к инновационным проектам. Земледельцы из года в год повторяли проверенные в данных природно-климатических условиях агротехнические приемы и отдавали предпочтение культурам, испытанным многовековой практикой. Попытки вятской администрации насильно внедрить на крестьянских полях картофель обернулись «картофельными бунтами», охватившими ряд волостей нескольких уездов [11, с.194–195]. Значительные сдвиги в развитии агротехники крестьянского земледелия произошли в 40–50 гг. XIX в., когда стали создаваться «образцовые хозяйства». К 1849 г. в Вятской губ. действовало 449 хозяйств, 21 имение функционировало в удельных приказах. Владельцев готовили на учебных фермах, к инновационной практике подключились приходские священники и члены причта. Основной их задачей была

апробация и пропаганда новых культур и способов ведения земледелия. В образцовых имениях были испытаны новые орудия: плуг-глыбодроб, плужок для окучивания картофеля, брабантская борона, английский серп, изобретенная Н. Саниным деревянная молотильная машина и др. Действенным способом пропаганды опыта крестьян-новаторов стали сельскохозяйственные выставки, губернская и региональные. На вятскую выставку 1858 г. крестьяне края представили 46 сортов овса в колосе и 30 сортов в зерне, 59 сортов ячменя в колосе и 30 в зерне, 30 сортов ржи и 26 сортов пшеницы [9, с.149–155].

«Этикой выживания» объяснялась и необычайная устойчивость самой удмуртской общины, которая была переплетена разнообразными сетями взаимопомощи. Община никогда не оставляла без призрения и не

допускала нищенства своих членов. Вятский губернатор в своих отчетах год за годом повторял: «...между вотяками и черемисами я не встретил ни одного нищего, по общим отзывам их совсем не существует» [3].

Таким образом, удмуртская община, обеспечивавшая выживание своих членов через институты взаимопомощи, опеки над малоимущими, сиротами, стариками, одиночками, в то же время была коллективным органом, вступавшим в повседневное взаимодействие с властью, местной и центральной, вплоть до верховной. Коллективные действия обеспечивали удмуртским крестьянам необходимый минимум угодий для ведения комплексного хозяйства. «Этика выживания», стремление сохранить прожиточный минимум диктовали и оправдывали в глазах крестьян самые разные способы противодействия власти в борьбе за ресурсы.

1. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 11. Л. 103.
2. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 17. Л. 95–95 об.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14 г. Д. 16. Л. 19–19 об.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 52. Д. 322. Л. 17.
5. Гришкина М.В., Берестова Е.М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XIX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 85 с.
6. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск: Удмуртия, 1977. 188 с.
7. «Территориальная власть мира» – адаптивный ресурс удмуртской общины // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы научной конференции, посвященной 20-летию ИИИА УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 394–399.
8. Гришкина М.В. Три сыска на Вятке // Удмурты: этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 67–90.
9. Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1994. 208 с.
10. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1958. 375 с.
11. История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 552 с.
12. Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева в Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1974. 341 с.
13. Плещевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX века // Записки Уд НИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 134.
14. ПСЗ-1. Т. XII. № 8733.
15. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1, Д. 65. Л. 32.
16. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 911. Л. 25–33.
17. РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 156. Л. 494–495.
18. РГАДА. Ф. 425. Оп. 2. Д. 52. Л. 34–35 об.
19. Скотт Джеймс. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ./ Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 202–211; 285–288.
20. ЦГА УР. Ф. 126. Д. 45. Л. 412 об. – 413.
21. ЦГА УР. Ф. 126. Д. 59. Л. 29–30; Д. 26. Л. 934–940 об.; Д. 144. Л. 40
22. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 136. Л. 335–335 об.
23. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 136. Л. 336–336 об.; Д. 141. Л. 373–373 об., 390, 606 об.; Д. 145. Л. 6–6 об.; Д. 155. Л. 55–55 об.; Д. 181. Л. 106 об. – 107, 108, 229 и т. д.
24. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 174. Л. 651–652.
25. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 176. Л. 169–170, 405–407, 408; Д. 126. Л. 764.
26. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 210. Л. 4–16, 22–23.
27. ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 223. Л. 77–78 об., 187, 293–293 об.

ОТКРЫТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОГОДУХОВСКОГО МИССИОНЕРСКОГО СТАНА В ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ (1901–1917 гг.)*

УДК 908.407

Е.М. ЕСИКОВА

В современном российском обществе развиваются разнообразие и разновекторные социокультурные процессы, среди которых особое место принадлежит поиску национальной идеи, способной объединить социум на основе общности глобальных целей развития. Одним из возможных вариантов нового национального самосознания государством рассматривается возрождение духовных традиций на базе основных российских конфессий. Русская Православная Церковь (РПЦ) выступает активным участником данного процесса, развивая свою миссионерскую деятельность.

В официальных документах РПЦ миссионерская деятельность рассматривается как одна из важнейших сторон христианской церковной жизни. В «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» отмечается, что миссия присуща самой природе Церкви и составляет главнейшую из обязанностей церковных людей [15]. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечал, что необходимо «возродить дух апостольства, ... помнить великое предназначение Церкви Апостольской – быть свидетелями о Христе воскресшем» [21]. В узкопрактическом понимании миссия – это деятельность по распространению православной веры, воцерковлению людей [15].

Исторический опыт миссионерской деятельности рассматривается РПЦ как основа современных миссионерских практик [14, с. 61–62]. В настоящей статье нами будет описан один из интересных исторических примеров православной миссии в условиях этнического и профессионального разнообразия. Речь пойдет об Оренбургской епархии, которая с самого начала своего существования относилась именно к таким

полиэтническим и поликонфессиональным местам страны.

Оренбургская епархия с 1859 года находилась в пределах Оренбургской губернии и областей Уральской (до 1908 года) и Тургайской. По вероисповеданиям в Оренбургской епархии население распределялось на православных и единоверцев, мусульман, раскольников и сектантов, католиков и протестантов, григориан, иудеев, язычников [23, с. 321–322]. В этнической мозаике Оренбургской губернии были представлены различные народности: русские, башкиры, татары, тептяри, украинцы, белорусы, мещеряки, мордва, калмыки, чувашы [22, с. 81].

Во второй половине XIX – начале XX века не раз обострялась проблема перехода в ислам новокрещеного населения поволжских и приуральских епархий [12, с. 25–26; 1, с. 99–100; 3, с. 147–148]. К 1905 году проблема исламизации значительных территорий империи особенно усилилась и появилась острая необходимость в открытии новых миссий и учреждений церковно-миссионерских школ [13, с. 881–886].

Для миссионерской деятельности среди поликонфессионального и полиэтнического населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX века, кроме работы на церковно-приходском уровне, была необходимость в организации специальных миссионерских учреждений и монастырей. Начало этой работе было положено в первых годах образования самостоятельной Оренбургской епархии. В трех верстах от Оренбурга на горе Маяк в 1864 году был основан Богодуховский Иоанно-Предтеченский монастырь, ставший впоследствии базой для открытия миссионерского стана со школой и интернатом [8, л. 16 об.; 19, с. 114–115].

В 1901 году при Богодуховском муж-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Государство, Церковь, общество в России по второй половине XIX – первой половине XX в.: на материалах Южного Урала». Проект РК 2009 Урал: Челябинская область. 09-01-85122 а/у.

ском монастыре был открыт Богодуховский миссионерский стан, единственный на всю Оренбургскую губернию. Его целью было повышение религиозно-нравственного уровня крещеных инородцев Оренбургской губернии, прежде всего нагайбаков и чуваш, и обращение в православие татар и башкир губернии. Начальником стана, экономом и законоучителем стал священник Иоанн Спиридонов, старшим учителем – диакон Алексей Сотников, выпускник Казанской учительской семинарии [16, с. 27–28].

Главным миссионерским методом в работе стана провозглашалось, прежде всего, школьное образование, а также собеседования миссионера с инородцами [4, л. 45]. В 1904 году при стане были крещены двое татар и один башкир [16, с. 27]. Летом 1906 года о. Иоанн Спиридонов объехал с миссионерской целью все нагайбакские селения губернии. При стане были крещены три мусульманина – два казаха и один татарин [18, с. 7].

К концу 1903 года было выстроено трехэтажное каменное здание для миссионерской школы Богодуховского стана на бессрочно отведенной городом земле при монастыре [16, с. 27]. Святейший Синод накануне открытия миссионерской школы 24 июля 1903 года поручил Преосвященному Владимиру (Соколовскому) согласовать программу обучения миссионерской Богодуховской школы со второклассными церковно-приходскими школами, чтобы воспитанники последних могли поступать в миссионерскую школу для продолжения обучения; а также устроить новую школу по примеру миссионерских школ в Казани и Симбирске. Планировалось настолько расширить программу школы, чтобы после ее окончания выпускники могли поступать в инородческие училища и в Оренбургскую духовную семинарию [20, л. 1–1 об.].

Учебное заведение Богодуховского миссионерского стана стало действовать в качестве миссионерской двухклассной школы с начала 1903/04 учебного года. Школа готовила кандидатов на учительские и псаломщические должности в инородческие приходы епархии. В первый год в ней обучался 41 ученик, в том числе русских – 7, нагайбаков – 26 и 8 чуваш [16, с. 27]. Ученики поступили в нее после школ грамоты из разных уездов губернии [21, л. 1 об.]. В июне 1904 года окончило курс двухклассного училища 9 человек. По особому разрешению

Епархиального комитета Православного миссионерского общества эти 9 выпускников были оставлены еще на один год для прохождения курса второклассной школы [16, с. 27]. Таким образом, Богодуховская школа со второго года своего существования официально считалась двухклассной, хотя учащиеся проходили курс второклассной школы.

В 1905 году состоялся первый выпуск учеников миссионерской школы. Окончили курс второклассной школы 9 человек, из них: 6 нагайбаков, два чуваша, один русский [17, с. 18]. В 1906 году состоялся второй выпуск учеников Богодуховской школы. Окончили курс второклассной школы уже 16 человек: 10 нагайбаков, 4 чуваша и два русских [18 с. 6].

К 23 декабря 1906 года был подготовлен «проект преобразования второклассной (по факту, а не официально – от автора) миссионерской инородческой школы при Богодуховском монастыре в Церковно-Учительскую миссионерскую русско-инородческую школу». В программу школы были введены две миссионерские специальности – «расколоведение и мусульмановедение» [9, л. 5 об. – 7 об.].

В целях воспитания учеников в духе православной церкви весь внутренний строй жизни в школе носил на себе печать церковности: день начинался и оканчивался общею молитвою, совершаемою в школьном храме, молитвою предвечерялся и оканчивался каждый урок. В воскресные и праздничные дни ученики присутствовали за богослужением; причем ученики школы, под руководством старшей группы, исполняли по очереди обязанности чтецов. Несколько раз в год богослужение совершалось на татарском языке. Христианский долг исповеди и причастия учащимися исполнялся дважды: на первой и страстной неделях Великого поста [5, л. 79 об.–80]. По средам и пятницам Великого Поста ученики присутствовали в монастырском храме за литургией Преждеосвященных Даров [10, л. 83]. 3-го марта 1914 года школу посетил Синодальный миссионер-проповедник, протоиерей Восторгов. Постановка учебно-воспитательного дела была отмечена им как вполне удовлетворительная [10, л. 85 об.].

В 1907 году проблема приобретения Богодуховской школой официального статуса второклассного учебного заведения не была решена. С этого года продолжи-

лась тенденция в развитии Богодуховской школы – фактически соответствовать второклассной инородческой миссионерской школе. Именно так – по факту – именовалась школа в отчетах епархиального Комитета Православного миссионерского общества в 1908 [4, л. 45], 1910 [4, л. 66] годы, тогда как епископ Феодосий (Олтаржевский) в отчете по епархии за 1911, 1913, 1914 годы отмечал неоднозначность положения Богодуховской школы [5, л. 79; 7, л. 47 об.; 8, л. 51], только в 1912 году он назвал ее второклассной, без уточнения официального ее положения [6, л. 75].

С 1911 года заведующим станом и школою был священник Николай Краморенко, окончивший курс учительской семинарии и миссионерские курсы при Казанской духовной академии по татарскому отделу; он же состоял законоучителем школы и преподавателем татарского языка, вероучения и обличения ислама. Старшим учителем с 1911 года был Михаил Пушкин; вторым – с 1913 года – Иван Кузнецов; и третьим, с того же времени, – Гавриил Петров; все трое окончили курс Церковно-Учительской школы [10, л. 82 об].

В 1913 году епископ Феодосий (Олтаржевский) отмечал, что прогрессивно увеличивается число желающих из инородцев поступить в Богодуховскую школу [7, л. 49]. К началу 1913/1914 учебного года всех воспитанников в школе было 62. По народностям учащиеся распределялись так: русских – 33, нагайбаков – 24, мордвы – 5 и калмыков – 1 [10, л. 82 об].

Судя по докладу епископа Мефодия (Герасимова) обер-прокурору Святейшего Синода, к 1917 году Богодуховская школа все же стала официально второклассной Церковно-Учительской миссионерской школой епархии, притом единственным подобным учебным заведением на всю Оренбургскую губернию [11, л. 4–5]. Спустя 10 лет, к началу драматических событий в империи, кардинально изменивших положение РПЦ, учебное заведение Богодуховского стана приняло ту форму, какая планировалась в проекте 1903–1907 годов.

Деятельность Богодуховского миссионерского стана оказалась крайне необходимой для инородческих приходов Оренбургской губернии, прежде всего нагайбакских, особенно после изменений, произошедших вследствие издания Высочайшего Манифеста от 17 апреля 1905 года о свободе ве-

роисповедания. По епархиальным отчетам фиксируется, что после 1905 года «татары открыто начали проповедовать свою веру среди нагайбаков, уверяя их, что предки их были мусульманами... Мусульмане не ограничивались одной устной пропагандой, но еще оказывали нагайбакам щедрую материальную помощь» [4, л. 44]. Наиболее подверженными магометанской пропаганде явились те поселки, где нагайбаки проживали в близком соседстве с мусульманами: Неженский поселок Оренбургского уезда; Ильинская станица и Подгорный поселок Орского уезда; Требиатский поселок Верхнеуральского уезда и отчасти Поповский и Краснокаменский поселки Троицкого уезда [4, л. 44]. Пример данных селений на фоне остальных нагайбакских приходов, где регулярно проводились религиозно-нравственные беседы с нагайбаками на их родном языке, а также и часть богослужения совершалось на их языке [2, с. 134–136], ярко подчеркнул необходимость специальной подготовки священников и учителей для служения в инородческих приходах. Именно эта задача и была первостепенной в деятельности Богодуховского миссионерского стана и учебного заведения при нем. Всего за время существования школы (данные на конец 1914 года) в ней окончили курс около 85 человек; из них один стал священником в переселенческом приходе Тургайской области, другой продолжил учебу в Оренбургской пастырско-миссионерской школе, несколько человек стали псаломщиками в инородческих приходах, а остальные занимали учительские должности в русско-татарских школах или в школах православных инородцев – нагайбаков и чуваш. К ним, как к людям своим, вышедшим из их среды, инородцы относились с большим уважением и доверием, нежели к тем, кто не знал их язык и обычаи [8, л. 51 об.].

По данным архиерейских отчетов, в 1912–1914 годах начинает постепенно ослабевать отступническое движение среди нагайбаков в тех поселках, где наблюдалась исламизация населения после изменений в вероисповедной политике государства. «Ныне, благодаря проповедованию Слова Божия и совершению богослужения на их родном языке, суеверные обычаи их постепенно упраздняются, и сии сами по вере и жизни становятся истинными христианами», – писал в это время Преосвященный Феодосий (Олтаржевский), характеризуя религиозное состояние нагайбаков [6, л. 74; 7, л. 47].

Таким образом, учебно-воспитательная работа Богодуховского миссионерского стана с инородческим подрастающим поколением, подготовка кадров, необходимых для миссии среди крещеных, но еще не утвердившихся в вере инородцев, сыграли важную роль в деле воцерковления нерусского крещеного населения епархии, способствовали сохранению своеобразной крещенотатарской группы в Оренбургской губернии – нагайбаков, помогали удерживать в равновесии и отно-

сительном спокойствии религиозную ситуацию в епархии после изменений в конфессиональной политике империи после 1905 года. Исторический опыт миссионерской деятельности РПЦ наглядно демонстрирует возможность и эффективность распространения православных духовных традиций в полифоническом этническом и конфессиональном социокультурном пространстве без ущерба религиозных и национальных интересов всех членов социума.

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 10 576.
5. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10577.
6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10578.
7. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10579.
8. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10580.
9. ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 39.
10. ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 161.
11. ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 24.
12. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 год. СПб., 1867.
13. Иноепархиальная жизнь: Положение Православия в епархиях с магометанским населением // ОЕВ. 1911. № 39, часть неофиц.
14. Итоговый документ научно-богословской конференции «Миссия Церкви. Свобода совести. Гражданское общество» (14–17 июля 1998 г., г. Белгород) // Православная миссия сегодня: Учебное издание / Составитель В. Федоров, протоиер. СПб.: НП Межцерковная образовательно-просветительская организация «Апостольский город – Невская перспектива», 1999. ISBN 5-93112-004-1.
15. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. 2007 г. // www.portal-missia.ru/node/45.
16. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1904 год. Оренбург, 1905.
17. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1905 год. Оренбург, 1906.
18. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1906 год. Оренбург, 1907.
19. Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2000. 176 с. (Печатается по изданию: П.Д. Райский. «Путеводитель по гор. Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом». Оренбург, Губернская типография, 1915 г.) ISBN 5-88788-06708.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 73. Д. 349.
21. Слово Святейшего Патриарха Кирилла за Божественной литургией в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга 12 июля 2009 года // www.patriarchia.ru/db/text/693126.html
22. Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям 1866 года. СПб, 1871.
23. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ТАНКОВОЙ ИНДУСТРИИ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС УРАЛА (1945–1965 гг.)

УДК 93/94

Л.В. ШУБАРИНА

Изучение истории оборонно-промышленного комплекса СССР представляет собой противоречивый процесс, в котором нашли свое отражение все основные особенности развития историографии последних десятилетий.

Процесс исторического познания содержания деятельности оборонно-промышленного комплекса нужно разделить на три этапа.

Первый этап продолжался с 1946 по 1985 гг. В течение этого периода в открытую печать за очень редким исключением не попадала даже самая безобидная информация историко-технического характера ни по одной из отраслей ОПК. Категорически воспрещалось само употребление терминов «атомная», «ракетная» или «танковая» промышленность. Исследования по истории военной промышленности заканчивались маем 1945 года. Все архивные документы как в центре, так и в регионах были засекречены и не доступны историкам.

Второй этап охватывал период с 1986 до 1994 г. Характерной чертой историографии этого времени было то, что она развивалась в условиях гласности, перестройки и ослабления режима тотальной секретности. Абсолютная закрытость темы ОПК была преодолена благодаря двум обстоятельствам: Чернобыльской трагедии и появившейся возможностью открыто говорить о проблемах военной индустрии. Вследствие чего изучение истории ОПК началось с атомной промышленности.

В этот период появились сотни материалов в средствах массовой информации и самые первые исследования, посвященные проблеме реализации атомного проекта СССР 1942–1949 г. Главной особенностью данных публикаций являлась мозаичность, почти полное отсутствие документальной базы, субъективизм, опора на непроверен-

ные и зачастую фальсифицированные сведения. Кроме того, практически все издания этого периода носили ярко выраженный идеологический характер и полноценными историческими исследованиями признаны быть не могут. Причины сложившейся ситуации носили объективный характер и со временем все больше нивелировались.

Современный, *третий этап*, начавшийся в 1995 году, отличается значительным расширением документально-архивной базы исследований. Историкам стали доступны многие фонды государственных, а в некоторых случаях и ведомственных архивов, в которых хранятся документы по атомной, ракетной, танковой, электронной, авиационной и другим отраслям ОПК. Следует отметить, что процесс рассекречивания в максимальной степени затронул центральные архивы, в меньшей региональные, и в самой минимальной – архивы предприятий. В результате отдельные историки, получившие эксклюзивный допуск к архивам всех уровней, стали лидерами научных школ. К ним следует отнести Центр военной истории Института российской истории РАН во главе с И.В. Быстровой, Челябинский центр истории государственных и муниципальных органов власти под руководством В.Н.Новоселова, группу ученых Института истории и археологии Уральского отделения РАН во главе с А.В. Сперанским.

Современная историография акцентирует свое внимание, в первую очередь, на истории атомной промышленности, в значительно меньшей степени исследуется ракетная отрасль, чрезвычайно низка активность исследователей в изучении истории танковой, радиоэлектронной и промышленности боеприпасов. Следствием данной ситуации явилось то, что большинство из девяти отраслей ОПК почти не изучаются, поэтому современное знание военной промышлен-

ности не соответствует потребностям общества.

Как указывалось выше, до середины 1980-х годов изучение истории ОПК носило опосредованный характер. Этот недостаток был преодолен на втором этапе развития историографии ОПК (1986–1995 гг.), который проходил в условиях значительного расширения доступа к ранее недоступным архивным документам. С 1989 года в периодической печати стали появляться сначала единичные, а затем многочисленные публикации, во многом спровоцированные чернобыльской ядерной катастрофой. В связи с этим данные материалы приняли сразу специфический характер. Атомная энергетика и атомная промышленность преподносились как источник огромной опасности, который должен быть немедленно уничтожен. Сорок лет существовавшая в условиях абсолютной секретности, атомная промышленность оказалась беззащитной жертвой в руках средств массовой информации и политиков. Не имея навыков диалога с обществом, Минсредмаш безнадежно проиграл информационную войну, хотя к этому времени его архивы содержали около ста томов подготовленных к публикации очерков по истории всех предприятий атомной промышленности СССР. В результате до 1994–1995 гг. за редким исключением не выходило позитивных, а тем более объективных работ, посвященных работе атомных электростанций и предприятий атомной отрасли.

Первой и единственной крупной работой, написанной на основе архивов Минсредмаша, стала книга А.К. Круглова «Как создавалась атомная промышленность в СССР» [12]. Несмотря на то, что в исследовании нет ни одной ссылки на документы, сегодня можно сделать вывод, что оно написано на уникальных источниках Первого Главного Управления при Совмине СССР периода 1942–1953 гг. Опираясь на мощную источниковую базу, автор впервые системно изложил этапы зарождения и начального развития ядра ОПК СССР – атомной промышленности. В книге аргументированно показаны причины создания атомной промышленности, ресурсы, привлекаемые для этого, при этом автор не стремился скрыть трудности создания ядерного оружия. Вместе с тем, данная работа – это взгляд на историю ядерной индустрии с технократической позиции, но не с позиции историка. Вследствие

этого книга Круглова – скорее всего история техники, технологии, но не собственно история. Кроме того, изложение событий заканчивается 1949 годом и, по существу, является описанием истории атомной промышленности на Урале. Как бы то ни было, издание данной книги сыграло огромную позитивную роль на начальном этапе изучения истории важнейшей отрасли ОПК.

Еще в 1991 году один из активных участников освоения технологии обогащения урана Н.М. Синев издал брошюру «Обогащенный уран для ядерного оружия и энергетике» [20]. Ее содержание раскрывает организацию производства обогащенного урана для ядерного оружия. Эта публикация не выходит за рамки описания технологий и трудностей их освоения. Несмотря на высокий пост в Минсредмаше автор не счел целесообразным привлечь документы, которые могли бы рассказать не только о технологии, но и о других важных проблемах, определявших содержание деятельности урановой подотрасли ОПК в целом.

В период с 1991 по 1994 г. началась публикация воспоминаний ветеранов разных отраслей ОПК. Лидером и здесь стала атомная промышленность. Первой по времени появилась брошюра директора радиохимического завода М.В. Гладышева «Плутоний для атомной бомбы» [5], в которой автор откровенно рассказал о важнейших этапах развития смертельно опасного производства. Несмотря на то, что брошюра написана с субъективных позиций, она впервые системно излагает ход событий. Не признаваясь в этом открыто, М.В. Гладышев подводит читателей к мысли о том, что необязательные ошибки в выборе технологии и проектировании радиохимического завода привели к гибели и потере здоровья первых трех составов персонала завода.

В 1993 году Г.А. Полухин опубликовал первый краткий очерк истории плутониевого комбината № 817 [16]. По форме – это конспективное изложение отдельных, не связанных между собой эпизодов истории предприятия. Значительный интерес представляют воспоминания директора комбината № 817 в 1971–1989 годах Б.В.Броховича «И.В. Курчатов на Южном Урале» [3]. Борис Васильевич входил в число первых руководителей подразделений комбината и его свидетельства представляют особую ценность. В начале 1990-х гг. журналист В.С. Губарев опубли-

ковал серию брошюр «Русские сенсации», посвященных отдельным предприятиям и организациям атомной промышленности [5]. Эти публикации представляют собой запись интервью руководителей и главных конструкторов. Автор не ставил перед собой научно-исследовательских задач, считая необходимым привлечь внимание к актуальным проблемам истории создания ядерного оружия, но не атомной промышленности.

Из подобных публикаций, посвященных ракетной промышленности, на этом этапе следует отметить книгу В.А. Пяткина о генеральном конструкторе межконтинентальных ракет для атомных подводных лодок академике В.П. Макееве [17].

В условиях тотальной секретности в первой половине 1990-х гг. могли выходить издания лишь в форме воспоминаний, а по существу они повествовали об истории развития отраслей ОПК. Самой фундаментальной работой в четырех томах по истории ракетной промышленности является книга Б.Е. Чертока «Ракеты и люди» [23]. Это издание охватывает основные этапы развития ракетной промышленности СССР с 1945 по 1980-й г. Книгу отличают взвешенность авторской позиции, яркие характеристики создателей ракетных систем.

К работам локального характера можно отнести книгу А.В. Карпенко «Российское ракетное оружие 1943–1993» [9]. Фактически эта публикация представляет собой справочник тактико-технических данных ракетных комплексов и поэтому его использование носит ограниченный характер. К подобным изданиям принадлежит и сборник статей конструкторов ГРЦ имени академика В.П. Макеева [2].

В целом *второй этап* историографии ОПК характеризуется всплеском публикаций по истории атомной индустрии, появлением содержательных воспоминаний и биографических работ по ракетной промышленности. Другие же отрасли ОПК, такие, как танковая, электронная, авиационная, по-прежнему находились в условиях секретности. На втором этапе появилась возможность изложить важнейшие проблемы развития технологического процесса ОПК, но в условиях продолжавшегося ограниченного доступа к технологической документации, все авторы подобных работ вынуждены были или скрывать основное содержание известных им архивных документов, или писать свои

книги исключительно на воспоминаниях как своих собственных, так и своих коллег. Такие авторы принадлежали системе ОПК, были немногочисленны и стояли на технократических позициях в изложении материала. Профессиональные историки, которые были далеки от ОПК, и на втором этапе историографии доступа к информативным источникам не получили.

Третий этап изучения истории российского ОПК привел к системному прорыву в данном научном направлении. Принципиальное отличие третьего этапа историографии от первых двух заключается в том, что в данный период, за исключением атомной промышленности, произошло рассекречивание центральных и региональными архивами значительной части документов по всем отраслям ОПК.

В 1996 году вышла книга по истории ОПК СССР Н.С.Симонова, за исключением атомной промышленности [19]. Эта книга оказала большое позитивное воздействие на процесс изучения всех отраслей оборонно-промышленного комплекса СССР. Опираясь на фонды Госплана СССР и некоторых министерств военной промышленности, автор глубоко проанализировал экономический аспект работы ОПК и показал высокую эффективность мобилизационной экономики СССР. Автор впервые опубликовал полную структуру ОПК СССР, дал анализ деятельности системы управления отрасли на всех уровнях, проследил динамику нарастания удельного веса оборонных расходов в бюджете Советского Союза.

Начатое Н.С. Симоновым направление в изучении российской ОПК продолжила и развила И.В.Быстрова [4]. Сохранив и усилив военно-экономическую составляющую исследования, автор сделала предметом специального анализа ряд социально-политических проблем ОПК, прежде всего, обратившись к исследованию элиты оборонно-промышленного комплекса, ее взаимодействия с другими элитами и степени ее влияния на военную политику СССР. Значительный интерес представляет комплекс документов из архивов США, использованный в работе.

Однако когда в 1995 году в США была опубликована двенадцатитомная история американского Атомного проекта, президент Российской Федерации в июне 1996 года выпустил Указ о подготовке аналогичного издания. При этом было рассекречено около 10

тысяч документов, большая часть которых вошла в издание «Атомный проект СССР», выпуск которого будет закончен в 2010 году. Уникальный сборник документов содержит все основные постановления государственных органов власти, а также сотни справок, информации, докладов, научных статей, сообщений научно-технической разведки и другие материалы.

Следует отметить, что все научные исследования по истории атомной отрасли ОПК с 1997 года обязательно включают ссылки на указанный выше сборник документов. Однако массовое использование его начинается только с середины первого десятилетия XXI века. Вследствие этого с 1995 по 2005 г. исследования по истории атомной промышленности проводились на ограниченном круге первоисточников и преимущественно опирались на многочисленные воспоминания ветеранов Минсредмаша.

Атомное ведомство совершило несколько попыток самостоятельно издать историю своей отрасли. В 2001 году опубликована книга «Ядерная индустрия России» [24]. Этот объемный фолиант большого формата содержит 1120 страниц текста, подготовленного всеми, без исключения, предприятиями и организациями атомной промышленности. Однако авторы не придерживались единого плана, вследствие чего материал подан бессистемно, содержит преимущественно информацию по технологии производства, в то время как биографические данные немногих руководителей даны неполно.

Более удачным вариантом истории отрасли является книга группы авторов под руководством бывшего министра атомной промышленности В.М.Михайлова «Создание советской атомной бомбы» [21]. В основу этой публикации положена книга А.К.Круглова, дополненная тремя главами, посвященными анализу структуры управления, руководящим кадрам и медицинским проблемам отрасли. Содержание книги дает, в целом, объективную картину процесса создания ядерного оружия в 1942–1953 гг.

Современная историография атомной промышленности представлена несколькими работами общего характера, среди которых следует отметить монографию А.И.Йорыша [7]. Построенная с учетом новейших зарубежных и отечественных публикаций, рассекреченных архивных документов, она

рассказывает об истории создания советской атомной бомбы, раскрывает роль ведущих ученых-атомщиков, заложивших основы ядерной энергетики России.

Технократический подход к истории атомной промышленности представлен капитальным исследованием В.М. Кузнецова. К этому же направлению примыкает исследование группы специалистов Семипалатинского полигона, в совместной монографии которых сделан акцент на исследование научных и технических предпосылок создания ядерного оружия, освещена разработка ядерной бомбы и термоядерных зарядов второго и третьего поколений [13].

На третьем этапе развития историографии ОПК продолжают выходить из печати биографии крупнейших конструкторов ракетной техники [11]. Издаваемые узким кругом авторов подобные публикации отличаются значительными расхождениями в изложении исторических фактов, дат, информационного материала и т.д. Ни одна из этих книг не имела ни ссылок на документы, ни научно-справочного аппарата.

На рубеже XX–XXI веков появились книги, посвященные юбилеям крупнейших организаций ракетостроения [18]. Они носят ведомственный характер и поэтому не предполагают объективного анализа истории развития данных организаций. Вместе с тем отдельные факты, статистические данные, сведения биографического характера во многом достоверны и могут быть использованы в ходе исторических исследований.

На третьем этапе вышли и продолжают выходить книги по истории создания отдельных ракет и их систем, написанные на базе, как правило, ведомственных источников. Такого рода издания не имеют научно-справочного аппарата и уж тем более ссылок на архивы. Их авторы – специалисты отрасли, что придает этим изданиям, с одной стороны, профессионализм и информационную насыщенность, а с другой – субъективизм и историческую ограниченность [1].

Следует отметить, что в отличие от атомной и ракетной промышленности историография танковой промышленности немногочисленна. Она представлена локальными публикациями, как правило, научно-популярного характера, и только в нескольких работах предпринята попытка сделать некоторые обобщения и сформу-

лизовать стратегию развития производства танков в годы «холодной» войны [8].

Следует отметить, что подавляющая часть публикаций танковой тематики посвящена описанию тактико-технических данных бронетанковой техники. Использование этих изданий в исторических исследованиях носит ограниченный характер, поскольку в них отсутствует научно-справочный аппарат, а приведенная информация не имеет указаний на источник происхождения [15].

Нам не известны монографические исследования западных ученых, посвященные истории танковой промышленности СССР второй половины XX века. Вместе с тем на русском языке издан ряд работ, представляющих интерес в изучении данной темы [22].

Лишь в последние годы предметом глубоких исследований стала история отдельных предприятий танкопрома. Силами региональных историков в этих книгах предприняты попытки на основе доступных архивных документов и воспоминаний ветеранов танковой промышленности воссоздать

наиболее значимые этапы становления и модернизации производства [10].

Другой особенностью историографии танкопрома является то, что в отличие от атомной и ракетной промышленности (историография которых начинается с публикаций биографий их основателей), публикация ряда глубоких и содержательных исследований, в которых представлены биографии выдающихся организаторов и конструкторов танковой индустрии, приходится на последние годы [14].

Таким образом, следует признать, что при достаточно большом количестве публикаций по вопросам становления и развития основных отраслей ОПК раскрыты далеко не все проблемы и, прежде всего, отсутствуют исследования, предметом которых стало бы изучение процесса взаимодействия атомной, ракетной и танковой промышленности – ведущих на Урале в период «холодной» войны. Между тем изучение данной проблемы позволит совершенно по-новому представить как развитие каждой из этих отраслей в отдельности, так и ОПК в целом.

1. Альперович К.С. Ракеты вокруг Москвы. – М.: Машиностроение, 2001; Афанасьев И.Б. Р-12. «Сандаловое дерево». – М.: Машиностроение, 1997; Губарев В.С. Южный старт. – М., 1998; Евстифеев М.Д. Долгий путь к «Буре». – М.: Машиностроение, 1999; Евстифеев М.Д. Из истории создания зенитно-ракетного щита России. – М.: Машиностроение, 2000; Мишин В.П. От создания баллистических ракет к ракетно-космическому машиностроению. – М.: Машиностроение, 1998; Первов М.М. Системы ракетно-космической обороны создавались так. – М.: АВИАРУСС-XXI, 2003. Паппо-Корыстин В., Платонов В., Пашенко В. Днепровский ракетно-космический центр (Краткий очерк становления и развития. – Днепропетровск: Южмаш, 1994; Уманский С.П. Ракетные носители. Космодром. – М.: Машиностроение, 2001; Фаворский В.В. Космонавтика и ракетно-космическая промышленность. – М.: Машиностроение, 2003 и др.
2. Баллистические ракеты подводных лодок России. Избранные статьи. Под общ. ред. И.И.Величко. – Миасс: ГРЦ «КБ им. академика В.П.Макеева», 1994.
3. Брохович Б.В. Курчатов на Южном Урале. – Озерск, 1993.
4. Быстрова И.В. «Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития» (1930–1980-е гг.). – М.: ИРИ РАН, 2000.
5. Гладышев М.В. Плутоний для ядерной бомбы. – Озерск, 1991.
6. Губарев В.С. А-бомба. – М.: ИздАт, 1991; Губарев В.С. Арзамас-16. – М.: ИздАт, 1992; Губарев В.С. Челябинск-70. – М.: ИздАт, 1993. и др.
7. Йорыш А.И. Советский атомный проект. Судьбы. Документы. Сверхшения: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
8. Карпенко А.В. Обзорение отечественной бронетанковой техники (1905–1995 гг.). – СПб.: Невский бастион, 1996; Шмелев И.П. История танка. 1916–1996. – М.: Техника – молодежи, 1996; Оружие и технологии России: Энциклопедия / Под общ. ред. С.Иванова. – М.: Оружие и технологии. Т.7. Бронетанковое вооружение и техника. – М.: Оружие и технологии, 2003; Драгозов И.Г. Танковый меч Страны Советов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001; Холявский Г.Л. Полная энциклопедия танков мира. – 1915–2000. – Минск, 2000; Свиринов М. Стальной кулак Сталина. История советского танка. – 1943–1955. – М., 2006; Костенко Ю.П. Танки (воспоминания и размышления). В 3-х частях. – М., 1999; Танковая мощь СССР / Авт.-сост. Г.Л.Холявский. – М.: Энциклопедия, 2008.
9. Карпенко А.В. Российское ракетное оружие 1943–1993. – СПб.: Машиностроение, 1993.
10. Комаров Л.С. Россия танков не имела. – Челябинск, б/и, 1994; Свердловский завод транспортного машиностроения. – Свердловск: Ср.-Ур. кн. изд-во, 1968; Сквозь огненные годы. Очерк истории завода транспортного машиностроения (1895–1966). – Харьков: Трактор, 1967; Очерки истории Харьковского завода «Красный Октябрь». – Харьков: Трактор, 1966; Лоренцо Д.Н. Уральский вагоностроительный завод. – Москва–Свердловск: Машиз, 1961; Очерк истории Харьковского тракторного завода им. С. Орджоникидзе. 1931–1961. – Харьков: Харьковское книжное издательство, 1961; 60 лет Омскому танковому. – Омск, б/и., 1999; Устьянцев С.В., Колмаков Д.Г. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-72. – Нижний Тагил: Медиа-принт, 2004; Устьян-

цев С.В., Колмаков Д.Г. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-64. – Нижний Тагил: Медиа-принт, 2003; Устьянцев С.В. Челябинский тракторный завод. – Екатеринбург, 6/и, 2008; ХПЗ – завод имени Малышева, 1895–1995. Краткая история развития. – Харьков, 1995; Бакунин А.В., Бедель А.Э. Уральский промышленный комплекс. – Екатеринбург, 1994; Попов Н.С., Петров В.И., Попов А.Н., Ашик М.В. Без тайн и секретов. – СПб.: 1995.; Зубов Е.А. Двигатели танков. – М., 1991; История двигателестроения на ХПЗ – заводе имени Малышева. – 1911–2001 гг. – Харьков, 2001; Комаров Л.С., Боярчиков В.Г. Летопись Челябинского тракторного. В 2-х томах. – М.: Профиздат, 1972, 1982; Мы – с автотракторного факультета... К 60-летию автотракторного факультета ЮУрГУ / Авт.-сост. В.А. Путин, А.П. Моисеев. – Челябинск: АБРИСС, 2003; Лютов В.В., Вепрев О.В. ОАО «Электромашина». СКБ «Ротор». Нам вместе сто лет. Страницы истории. – Челябинск: «Аркаим», 2004; Карцев Л.Н. Моя судьба – Нижний Тагил. – М.: Космос, 1991; Соболев Э. Конструкторское бюро: судьбы людей и машин. – Челябинск: ЧТЗ, 1997.

11. Коробов В.К. Оружие Российского флота. – СПб.: Ладога, 1996; Павутницкий Ю.В., Мазарченков В.А., Шиленков М.В., Герасимов А.В. Отечественные ракеты-носители. – Ладога, 1996; Широкоград А.Б. Оружие отечественного флота. 1945–2000. – Минск: Вече, 2001; Шунков В.Н. Ракетное оружие. – Минск: Вече, 2001; Ребров М.Ф. С.П. Королев и его дело. – М.: Машиностроение, 1998; Корнеев Н.М., Неустров В.Н. Генеральный конструктор, академик Владимир Павлович Бармин. – М.: Машиностроение, 1999 и др.

12. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. – М.: ЦНИИ-атоминформ Минатома России, 1994.

13. Кузнецов В.М. Становление атомного комплекса Российской Федерации (историко-технический анализ конструкционных, технологических и материаловедческих решений). – М.: МНЭПУ, 2006; Грешилов А.А., Егунов Н.Д., Матущенко А.М. Ядерный щит. – М.: Логос, 2008.

14. Листовой В.Д., Слободин К.М. Конструктор Морозов. – М., Политиздат, 1983; Орлов В.А. Выбор – М.: Политиздат, 1979; Сергейчук В.И. Щит Отчизны: к 85-летию со дня рождения Н.Л. Духова. – Киев: Знание, 1988; Богуненко Н.Н. Музруков. – М.: Молодая гвардия, 2005; Конструктор Н.Л. Духов и его школа / Ред. сост. А.П. Моисеев. – Челябинск, Юж.-Ур. кн. изд-во, 2004; Конструктор танковых дизелей И.Я. Трашутин / Авт.-сост. В.А. Путин, В.Н. Бондарь, Ю.В. Рождественский, Б.А. Шароглазов. – Челябинск: Юж.-Ур. кн. изд-во, 2006; Сергейчук В.И. И.М. Зальцман – король танков. – Саров: ВНИИ ЭФ, 2005; Чалмаев В.А. Пламя на ветру. – М.: Воениздат, 1990.

15. Митрофанов А.Н. Огонь, броня, маневр. – М.: ДОСААФ, 1978; Современные танки / Мураковский В.Н. и др. – М.: Арсенал-пресс, 1995; Курков Б.А., Мураковский В.Н., Сарыгов Б.С. и др. Основные боевые танки. – М.: Арсенал-Пресс, 1993; Вознюк В.С., Шапов П.Н. Бронетанковая техника. – М.: ДОСААФ, 1987; Газенко В.Н. Бронетранспортеры и бронемашин России. – М.: АСТ, 2001; Саенко М. Основной боевой танк Т-64. – М.: Военный музей, 2002; Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины, XX в.: В 4-х т. – М.: ЭКСПРИНТ, 2002; Всемирная история бронетехники / Авт.-сост. Е.Г. Горбачева, Л.Н. Смирнова. – М.: Вече, 2002; Холявский Г.Л. Энциклопедия бронетехники. Гусеничные боевые машины. 1919–2000. – Минск, 2001.

16. Полухин Г.А. Первые шаги. История производственного объединения «Маяк». – Озерск, 1993.

17. Пяткин В.П. Генеральный конструктор. – Миасс: ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева», 1994.

18. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им. С.П. Королева. Под ред. Ю.П. Семенова. – М.: Энергия, 1996; Кожухов Н.С., Соловьев В.Н. Комплексы наземного оборудования ракетной техники. 1948–1998 / Под ред. Бирюкова Г.П. – М.: Радуга, 1998; Старейший ракетный полигон / Под ред. Ю.Д. Троицкого. – Волгоград, 2000; Давыдов М.В. Годы и люди. Из истории НИЭМИ. – М.: Энергия, 2001 и др.

19. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. – М.: РОССПЭН, 1996.

20. Сивин Н.М. Обогащенный уран для ядерного оружия и энергетики. – М.: ЦНИИ-атоминформ Минатома России, 1994.

21. Создание советской атомной бомбы / Под общ. ред. В.М. Михайлова. – М.: Энергоатомиздат, 1996.

22. Хогг И. Сокрушающие броню. – М., 2006; Трюитт Ф. Танки и самоходные установки. – М., 2000; Рассел А. Танки современных армий. – М., 2000.

23. Черток Б.Е. Ракеты и люди. В 4-х тт. – М.: Машиностроение, 1994.

24. Ядерная индустрия России / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. – М.: ИздАт, 2001.

20-ЛЕТИЕ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТОЛОГИИ: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСАМИ

(Материалы выступлений участников заседания
Клуба уральских политологов)*

УДК 32

Рецепт не нов – не потрясать основ!

Сергей Кондратьев

Я не политолог, я историк. В связи с пассажем, высказанным Г. Бурбулисом о Конституции как универсальном кладезе мудрости и универсальном инструменте решения проблем, мне вспоминалась строфа из Блока: «Ты будешь доволен собой и женой, / Своей конституцией куцей. / А вот у поэта всемирный запой. / И мало ему конституций». К чему я это говорю, да только к тому, что определенные инструменты работают только при условии, если они адекватны существующим культурным стандартам. У нас есть традиция проводить решения в жизнь неформальным образом. И Конституция является простым демократическим фасадом, за которым удобно скрыты неформальные, а зачастую личные интересы и отношения. Большинству нужны не права, а привычный патернализм. У него договор с властью не на основе правовых положений, а на основе патерналистских традиций. Люди согласны, что власть будет показывать им потемкинские деревни, ограничивать права, но за это должна кормить их с руки. Пища может быть скудной, но главное, чтобы она была гарантированной. Стилистика отношений власти и населения фактически остается неизменной. Она малоподвижна. Мы говорим «Конституция!», а год назад я постоянно ловил себя на мысли, что возвращаются времена моего детства. Тогда нам показывали все время претендентов на пост Президента, и все пытались угадать, кого назовут фаворитом. Я вспоминал Хрущева: вот к нему бегут пионеры с цветами, вот он на целинном поле перебирает колосья, вот он с интеллигенцией, со строителями, с чушками на ферме. Прошло почти 50 лет. И все то же самое: дети, интеллигенция, строители, спортсмены и даже был

эпизод с поросятами. Но как-то я возвращался из-за границы и, включив в гостинице телевизор, услышал сразу же чей-то истощенный вопль: «Дорогой Владимир Владимирович! Жить под Вашим управлением – это счастье! Не лишайте меня этого счастья!» Тогда я понял, что возвращается не мое детство, а детство моих дедушек и бабушек.

Геннадий Эдуардович говорит, что «Нужно проповедовать философию малых дел, проповедовать Конституцию, конституционное мировоззрение». Но ведь и это мы уже проходили. Тот же Блок писал о XIX в. так: «Век умозрительных понятий, / Матерьялистских малых дел, / Бессильных жалоб и проклятий, / Бескровных душ и слабых тел!» Вспомним, как в 70-е годы диссиденты все время обращались и апеллировали к Конституции. Говорят, она была вполне демократической. Тогда зачем нужны были 1985, 1991, 1993 гг.? Видимо, только для того чтобы вторые и третьи секретари обкомов, уставшие ждать, наконец-то обрели реальные рычаги управления. Иначе говоря, если бы мы медленно и эволюционно поднимались в гору – по большому счету не важно с какой Конституцией, – то результат был бы, не исключено, более продуктивным. И быть может, мы бы сегодня уже жили бы по другим стандартам.

Вспомните, революция в Британии началась именно потому, что стандартные представления о прерогативах монархии существенно разошлись с ее финансовыми запросами к подданным. Французскую революцию инициировала либеральная идеология Просвещения. Все эти «эгалите, фратерните, либерте» уже стали своеобразными культурными стандартами для элиты. У нас же либеральные идеи, включая право, было простым инструментом, который помог произвести смену элит и распределить ответственность. Быстро выяснилось, что культур-

* Продолжение. Начало в № 3. 2009. С. 106 – 116.

ные стандарты новой элиты такие же, какие были 50–70 лет назад. Вспомните выборы 1996 г. Не отсюда ли сегодняшние электоральные имитации. Можно сколько угодно уподоблять Конституцию Библии, но без смены стандартов поведения, готовности хотя бы нести ответственность за собственные решения, ничего не произойдет. Но это такая длительная, большая работа.

Лучше любого русского это понимала известная нам хорошо со школы немка София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, сделавшаяся в России императрицей Екатериной Великой. Тогда в Европе было модно, хотя и утопично, сочинять конституции для России. Учредить конституцию рекомендовал Екатерине, например, Дидро. Та же отвечала знаменитому энциклопедисту примерно так: «Вы, господин Дидро, имеете дело с бумагой, которая все стерпит. А я каждодневно – дело с человеческой шкурой, которая уязвима и весьма не терпима!»

Об Уральской политологической школе

Владимир Куликов

Хотелось бы обратиться к теме политологической школы, поскольку это один из формальных поводов нашей встречи, посвященной 15-летию Уральской школы. Политологическая школа – это взаимосвязь учителя и ученика по поводу актуализации и передачи политического опыта от одного поколения к другому. Мы – поколение, которое воспитывалось у одних и тех же учителей, обучавшихся по одним и тем же учебникам, вовлеченных в один общественный опыт (например, строительство студентов, выезды на картошку и т.д.). И сегодня мы, став учителями, точно так же передаем опыт тому поколению, которое выросло за рамками советской жизни и советского политического опыта. В то же время мы сами по-прежнему носители и участники прошлого политического опыта. Возникает практическая образовательная проблема – каким образом, что и кому передавать. Сегодняшние наши ученики в значительной степени от нас отличаются: они лучше подготовлены в плане информационных технологий, но их общеобразовательный потенциал весьма слабый. В общем, они совсем другие. Но, согласитесь, здесь и возникает проблемное поле для политического учителя, есть что делать. Вспомним, по поводу нас самих, когда мы учились, наверное, точно так же учителя говорили: “Кто пришел, что это за люди? Они способны обеспечить наше будущее разви-

тие?” Но именно тогда была осознана необходимость освоения пространства философской методологии, которая впоследствии оказала существенное влияние на профессиональное формирование нас в политическом контексте. Те из присутствующих на сегодняшнем обсуждении, кто обучался в 70-е годы на философском факультете, хорошо помнят увлечения методологическими идеями Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, Гуссерля, Хайдеггера, Бубера. Может, и сегодня актуально в политическом плане обучение методологическим основам политических предствлений и процессов. Это и есть фундамент неформального сообщества – Уральская политологическая школа. А в формальном аспекте есть ученики, есть журнал, есть сообщество не только теоретизирующих, но и практикующих политологов. Поэтому я особенно хотел бы поддержать организаторов нашего собрания в их усилиях способствовать восприятию политики как концентрированного пространства передачи опыта политического мышления и политической культуры.

Сергей Мошкин

Очень хорошо помню, как именно двадцать лет назад, в мае 1989 года, по всем вузам бывшего СССР пошел стихийный процесс переименования кафедр научного коммунизма. Упоенные гласностью и перестройкой преподаватели больше не хотели читать надоевший всем научный коммунизм, хотя, заметьте, до событий августа 1991 года оставалось чуть больше двух лет, а желали чего-то иного, более современного, идеологически нейтрального и, если хотите, – более прозападного. Какие только названия ни придумывались: «кафедра политических наук», «кафедра политической теории», «кафедра политических учений», «кафедра социально-политических дисциплин» и пр., а наиболее смелые (по тем временам) прямо так и стали называться – «кафедра политологии».

С тех пор прошло двадцать лет. Что мы имеем? Политология как отрасль гуманитарного знания и учебная дисциплина прочно утвердилась в научном сообществе. Слово «политолог» никого уже не пугает своей экстравагантностью. Появились сотни докторов и тысячи кандидатов политических наук. Сотни выпускников политологических факультетов и отделений ежегодно получают дипломы о высшем образовании с квалификацией «политолог». Создана профессиональная ассоциация РАПН, общественная академия политических наук. Регулярно проводятся политологические

конгрессы и конференции, издаются профессиональные журналы и альманахи. Казалось бы, нет никаких оснований для беспокойства, политология в России прочно встала на ноги. Но, тем не менее, мы, что ежедневно работает в этой сфере, понимаем: что-то с нашим ремеслом происходит не то.

И дело даже не в том, что мы по-прежнему питаемся концептуальными наработками своих зарубежных коллег, пытаемся, в лучшем случае, адаптировать их к российским реалиям, и, в свою очередь, не произвели ни одной более или менее приличной концепции, принятой или хотя бы обсуждаемой в мировом политологическом сообществе. Дело в другом: случилось так, что за прошедшие двадцать лет даже внутри нашего профессионального цеха мы так и не пришли (или не хотели прийти) к единому пониманию, в чем собственно состоит предмет политологии, каков ее язык, категориальный аппарат, применяемые методологии и техники исследования. На наших глазах и при нашем молчаливом согласии произошло чудовищное размывание политологии как науки и, как следствие этому, в неё сегодня включают всё подряд и понимают под политологией всё, что имеет хоть какое-то, порой весьма отдаленное, отношение к политике и политической сфере. А потому и политологом в России сегодня с полным основанием называется всякий, кто публично рассуждает или пишет о политике. Таковым может оказаться профессиональный журналист, историк, социолог, чиновник администрации, партийный активист, депутат, правозащитник и много кто еще. А потому и в массовом сознании, на фоне известной доли нигилизма россиян к политике как таковой, занятие политологией воспринимается не как кропотливое академическое усердие, а скорее как пустопорожняя и подчас безответственная болтовня неких людей, по каким-то причинам допущенных к микрофону.

Тем не менее, из этого с трудом очерчиваемого сонма «политологов» можно выделить некоторые группы и страты, сам характер которых дает весьма определенное представление о российской политологии.

Самая большая и представительная группа – это различного рода специалисты по организации и проведению предвыборных политических кампаний. Они не занимаются никакими теоретическими изысканиями, работают исключительно в прикладном технологическом режиме с разной долей успешности. Будучи весьма деятельными и амбициозными, они достаточно быстро коммерциализировали эту сферу, породив у населения явно преуве-

личенные слухи о своих доходах. И именно они своими заявлениями (и не только заявлениями, но зачастую и эффективной работой) о возможности сделать из любой «обезьяны» приличного депутата еще больше отвратили людей от участия в политической жизни. Сегодня называть себя в приличном обществе специалистом по выборам или политехнологом означает быть готовым к тому, что тебя будут воспринимать как беспринципного, жадного до денег, прожженного циника, у которого за душой нет ничего святого.

Следующую группу составляют так называемые «придворные политологи». Это штатные чиновники всякого рода администраций и властных структур, выполняющие конкретный политический заказ своих патронов. Ни о какой науке здесь тоже речи не идет, хотя многие из них имеют ученые степени. У этих людей задача предельно простая – объяснять населению правильность того или иного властного решения, исходящего от мудрого и пронизательного руководства. По сути, они занимаются самой обычной политической пропагандой со всеми вытекающими последствиями соотношения правды и лжи.

Рядом с «придворными политологами» находится следующая группа – так называемое медийное экспертное политологическое сообщество. Члены этой группы, как правило, не являются штатными сотрудниками власти, но ангажированы ею. Они предстают перед массовой аудиторией на телеканалах и в радиостудиях, создавая у населения иллюзию независимости суждений. Но, учитывая, что все более или менее влиятельные СМИ сегодня подконтрольны и зависимы от власти, не трудно догадаться, что эти эксперты также выполняют роль пропагандистов, но, может быть, в более утонченной форме.

Вузовские преподаватели – весьма значительная по количеству, но ограниченная по своему влиянию на общественные процессы, группа политологов. Так уж сложилось в нашей стране, что преподаватели в вузах, скорее, не создают научное знание, а ретранслируют существующее. За весьма скромное жалованье при всё возрастающих штатных нагрузках они вынуждены обеспечивать свое существование на трех-четырех работах, в буквальном смысле, горлом. Здесь не до исследований, здесь главное – сохранить за собой «часы», что с каждым годом становится сделать все труднее и труднее, ведь политология как учебная дисциплина исключена из списка обязательных предметов в вузах.

Вот и получается, что пытаться хоть что-то сделать в политической науке в нашем

Отечестве может позволить себе небольшая кучка энтузиастов, сосредоточенных, как правило, в академических институтах, или исследователи-одиночки. Да и те, чтобы элементарно выжить, время от времени соблазняются то на обслуживание власти, то на «халтурки» на выборах. С зарубежными грантами из-за пресловутой шпиономании стало худо, отечественные же – типа РГНФ или РФФИ – государственные, а значит – подцензурные. В них вольнодумство не принято. Поддержку могут получить только те темы, которые безопасны для правящего режима. Это в полной мере касается и публикаций в так называемых «ваковских» журналах.

И здесь мы подошли к главному вопросу – а кто, собственно, сегодня в России заинтересован, чтобы политология как наука развивалась? Чтобы она выросла из «детских штанишек» освоения зарубежного наследия и начала производить собственный полноценный научный продукт?

Власть? Нет. Ей проще иметь под рукой штатных пропагандистов. Бизнес? Но у него и своих проблем хватает. Политические партии? Может быть, но их интерес утилитарный, не выходящий за рамки избирательных технологий. Некоммерческий сектор? Не думаю, он такой рыхлый и разобщенный, что не способен сформировать социальный заказ на новое знание.

Вывод из всего сказанного довольно грустный: если не брать в расчет отдельных энтузиастов, сегодня в России нет осязаемой потребности в развитии политической науки. А потому она по-прежнему будет питаться зарубежными наработками или вариться в собственном соку, что, безусловно, будет еще хуже для нее самой.

Миссия политической науки и российские реалии

Олег Подвинцев

Мне кажется, следует более четко разграничить два различных значения слова «политолог», сложившиеся в современной России. С одной стороны речь идет о представителях политической науки, с другой – о политических технологах, добавьте к словам «менеджер», «эксперт», «консультант» определение «политический» и мы получим соответствующие разновидности этой профессии. Большинство из нас выступают и в том, и в другом качестве. Однако это не отменяет необходимости разграничения, поскольку речь идет о близких, но все же различных по сути видах деятель-

ности. Претензии, предъявляемые к политтехнологам, не могут быть слишком высоки – по определению их миссия заключается в том, чтобы находить и осуществлять пути решения тех задач, которые перед ними ставят. Ученый же сам формулирует задачи, однако, не практического, а исследовательского свойства. Естественно, эти задачи должны быть актуальными. Однако необходимо, чтобы полученные результаты были еще и востребованы теми, кто принимает практические решения. Востребованы не только в том, что касается частных, прикладных вопросов, но и принципиальных стратегических решений.

Современная российская политическая наука, как представляется, не уходит от принципиальных и актуальных вопросов. Возьмем, например, проблематику «империи» («державы» в российской трактовке). Для рождения (или *возрождения*) империи необходим импульс, который в силу неких процессов или событий получает то или иное общество. Получила ли современная Россия в настоящее время такой импульс? То, что происходит сейчас, – это действительно возрождение державы или только его видимость? Возможна ли вообще сейчас новая империя? Отечественная политическая наука не только ставит эти вопросы, но и пытается на них ответить. Да, получаемые ответы и собственно вопросы зачастую неудобны для представителей власти, для тех или иных политических сил и, вероятно, вообще для очень большой части современного российского общества. Да, это неудобство в ряде случаев сказывается и на форме выражения позиции исследователей и на самой этой позиции. Более того, некоторые представители научного сообщества при рассмотрении данной темы сами не могут избавиться от субъективного подхода, политической ангажированности. Но все это не меняет того обстоятельства, что исследования в этом направлении продолжают развиваться.

Я не одобряю самобичевание и самоуничижение в политологической среде. Сегодня, худо, бедно ли, мы свою миссию, как ученые, как исследователи, выполняем. Наверное, могли бы делать это лучше. Но основная проблема, на мой взгляд, в заказчике и потребителе, а также в нашем отношении к ним.

В заключениях диссертационных советов, в рецензии на научные труды мы часто вставляем формулировки типа «выводы и материалы исследования могут быть использованы органами власти». Но используются ли хоть какие-то из них? Думается, что если такие примеры существуют, то представляют

собой исключения из правил. Власть интересуют преимущественно именно конкретные политические технологии.

Принимая стратегические решения в постсоветскую эпоху, политические лидеры, на мой взгляд, не только не задумываются особенно о принципиальном характере делаемого ими выбора, но и не приветствуют, когда это делают другие. Тактика постоянно берет верх над стратегией.

Принятие действующей российской Конституции – характерный пример в этом отношении. Действительно ли это был принципиальный выбор в пользу федерализма и его определенной разновидности? Действительно ли таким же выбором была президентская форма правления, без поста вице-президента? Действительно ли собирались в полном объеме обеспечить декларируемые свободы? И т.д. Все эти вопросы относятся к той части элиты, которая обеспечила принятие этого документа. Для масс это тем более не было принципиальным выбором – вряд ли кто будет спорить, что большинство российских граждан, проголосовавших в декабре 1993 года за новую Конституцию, на самом деле просто в очередной раз демонстрировали лояльность установившемуся режиму. Можно ли при таких обстоятельствах ожидать пиетета и даже простого уважения к конституционным постулатам как со стороны элиты, так и в массах?

Подобное отношение к принципиальным вопросам сохранялось и в дальнейшем. В частности, есть все основания считать, что и решение о повсеместном введении прямых выборов глав субъектов РФ, и решение о полной отмене таких выборов принималось, прежде всего, из тактических соображений. Само «собрание власти» при В.В.Путине – из той же серии. Собрание ради чего? Что дальше с этой властью делать? Как представляется, у руководства страны не только нет четкого ответа на эти вопросы, но и особого желания над ними задумываться.

Соответствующим образом формулируется и запрос власти к научному сообществу. Один из чиновников самого высокого уровня, выступая осенью 2008 года на открытии Всероссийского социологического конгресса, затронул самую «горячую» на тот момент политическую тему – конфликт в Южной Осетии – и попросил помощи у научного сообщества в объяснении того, почему пропагандистское противостояние с Западом по этому вопросу оказалось не слишком удачным. Это, на мой взгляд, очень показательно. От науки ждут не ответа на вопрос, что это за конфликт по своей природе и, соответственно, к каким последс-

твиям может привести. И не оценки эффективности действий российских властей в условиях случившегося обострения данного конфликта, объяснения, почему степень этой эффективности была именно такой, не могла ли быть выше. Нет, власть на самом деле интересуется только то, как лучше подать свои действия.

Конечно, отношения между властями предрержащими и учеными-обществоведами, вероятно, нигде не складываются идеально. Но в современной России все осложняется тем, что власть привыкла бегать от неудобной реальности, предпочитает видеть все в удобном для себя свете. Такое же видение она стремится сформировать и у народа. Впрочем, он и сам большей частью к этому склоняется. Более того, в таких условиях и рождается сомнение – а сами-то мы, положила руку на сердце, хотим чтобы нас по-настоящему услышали и по-настоящему правильно поняли? Это уже не позиция ученого – позиция гражданина.

Ольга Русакова

Современная политическая наука в последние годы испытывает существенные трансформации в плане дискурса. Геннадий Эдуардович вводит в оборот понятие «политософия», подразумевая, что дискурсная трансформация способна иметь этико-ответственный вектор. Скорее данный вектор предполагает некую нормативную основу, которой должен придерживаться в своей риторике и практике современный политолог. Лично для меня политолог – это не тот экранный персонаж, чей дискурс на самом деле является либо дискурсом власти, либо дискурсом шоу-политики, а чаще – и того и другого одновременно. Политологический дискурс – это профессиональный академический дискурс, который обладает собственным категориальным аппаратом, своей особой концептосферой, принятой в профессиональном сообществе (к примеру в РАПН, в авторских коллективах периодических изданий). Политософское начало политолога-профессионала, на мой взгляд, следует видеть прежде всего в его способности поднимать конкретные злободневные проблемы на уровень категорий и концептов современной политической философии, как это делают такие яркие политологи и философы современности, как А. Бадью, С. Амин, А. Негри, С. Жижек и, конечно же, Ю.Хабермас, чей 80-летний юбилей мы отмечаем в этом году. Смотрите, как концептуально и в то же время актуально заточенно они выступают в своих эссе и в СМИ относительно истоков и смыслов современного глобального финансово-эконо-

мического кризиса, говоря, в частности, что данный кризис в своих идейных корнях восходит к кризису дискурса неолиберализма, т.е. именно той самой модели либерального радикализма, которую наши придворные политологи исповедовали, начиная с 1992 года. Обычные же граждане испытали эту модель в ходе различных приватизаций, монетизаций, коммерциализаций, а также реформ образования, включая тотальный переход к системе ЕГЭ.

Главными же субъектами-носителями основных дискурсных трансформаций в политологии сегодня являются те мыслители, которые выступают с позиции критики политософии неолиберализма – это известные идейные лидеры мультикультурализма, альтерглобализма, неомарксизма (сверхновые левые) и постмодернистского феминизма. У нас в Уральской школе политической дискурсологии и политического пиар-дискурса данные направления не только исследуются, но и получают определенную теоретическую поддержку, прежде всего со стороны молодых ученых, магистров и аспирантов. Они весьма активно сотрудничают с РАПН, с нами – организаторами международных конференций по дискурсологии, с журналами «ПОЛИС» и «Политические науки», которые на сегодня выступают лидерами дискурсных трансформаций в российской политологии.

Политическая наука на Среднем Урале: содержание и статус

Марианна Фадеичева

Проблематика, связанная с сущностью и генезисом научных школ, представляется интереснейшей и важнейшей в науковедении. Особого внимания заслуживает изучение научных школ в общественных и гуманитарных науках. Можно утверждать, что изучение школ в российской политологии, некая политологическая саморефлексия, имеет большие перспективы. В начале 90-х годов XX века в соответствии с государственным образовательным стандартом в учебных планах образовательных учреждений высшего профессионального образования появилась учебная дисциплина «политология». Этот факт можно расценивать как формальное свидетельство появления новой политической науки, отличающейся от ее советской предшественницы, существовавшей в виде «научного коммунизма». С принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации появились правовые основания для развития политической науки в новом направлении. Та-

ким образом, развитию политических исследований в постсоветской Российской Федерации 90-х годов XX в. и нынешней, неопостсоветской России первого 10-летия XXI в., можно насчитать не более 15 лет.

Политическая наука в Свердловской области была и остается сконцентрированной в столице Среднего Урала – областном центре, городе Екатеринбурге. Здесь политологические исследования проводятся в основном в двух научных центрах. Один из них относится к вузовской науке. Таковым является образованный в 1994 г. на базе направления и специальности «политология и социология», существовавших с начала 90-х гг. в рамках философского факультета, факультет политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Об авторитете факультета, в частности, свидетельствует то, что факультет был принят в члены Международного союза историков рабочего и других социальных движений (1997), Европейского консорциума по политическим исследованиям (1999), содружества институтов и учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов по государственному и общественному управлению в странах Центральной и Восточной Европы. Вся политологическая исследовательская работа сосредоточена на двух кафедрах факультета. Во-первых, это кафедра социально-политических наук, которой с 1990 г. заведует кандидат философских наук, доцент Борис Борисович Багиров (он же является деканом факультета политологии и социологии с момента его возникновения). В качестве научных проблем, которые в настоящее время интересуют этого исследователя, можно отметить такие, как «власть и собственность», «избирательный процесс», которые также обращены к студенчеству в виде авторских курсов «Введение в политическую теорию», «Избирательная система России», «Актуальные проблемы современного политического процесса». Во-вторых, это кафедра истории и теории политической науки, существующая с 1993 г. В настоящее время заведует кафедрой доктор политических наук, профессор Наталья Александровна Комлева, которая в 2003 г. представила масштабную докторскую диссертационную работу «Геополитическая экспансия: сущность, акторы, формы осуществления». Как правило, идеи и выводы, изложенные в докторских диссертационных исследованиях, продолжают свою жизнь не только в виде научных публикаций, но и в виде спецкурсов. Так, Н.А.Комлева читает для студентов-политологов целый ряд авторских курсов: «Основы национальной безопасно-

сти»; «Восточная политика» и «Русская политика», выявляющие основные черты политической жизни в странах Востока и в России, специфику государства, гражданского общества, особенности политического лидерства, роли церкви, специфику социально-политической ментальности; «Хронополитика» повествует о сущности политического времени и формах его существования. Имеются и другие вузовские кафедры в Екатеринбурге, где также проводятся политологические исследования как в области теории и методологии политической науки, так и в направлении изучения политических процессов.

Другой центр политологических исследований относится к академической науке и существует в Институте философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Хотя этот научно-исследовательский институт был создан еще в 1988 г. в Уральском научном центре Академии наук СССР, в нем не было и нет структуры, имеющей в своем названии обозначение видовой принадлежности к политической науке. С 2002 г. его возглавляет доктор юридических наук Виктор Николаевич Руденко, в сферу научных интересов которого входят проблемы популизма в политике, политические и правовые проблемы развития демократии в современном обществе. С начала 90-х политологические исследования аккумулируются в отделе философии, а с 2000 г. отделом философии заведует политолог – доктор политических наук, профессор Ольга Фредовна Русакова, в 2000 г. инициировавшая школу теории политического дискурса, широко известный специалист в области методологии политической науки, философии истории, дискурс-анализа. Ученые-политологи, работающие в Институте философии и права, как правило, поддерживают связь с теми, кто в перспективе волеется в их ряды. Так, например, научные интересы О.Ф. Русаковой находят отражение в читаемых студентам отделения политологии факультета политологии и социологии Уральского государственного университета авторских курсах таких, как: «Радикализм в России и современном мире»; «Современные теории дискурса»; «Методология дискурс-анализа»; «Политическая дискурсология и политическая философия».

Школы политологических исследований можно выявить по двум основаниям, определяющим их возникновение, становление и функционирование: тематика исследований (направление); руководитель направления исследований (персона). Политологическая

школа при ее определении должна удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к научной школе. При анализе деятельности структур, объединяющих вокруг себя ученых-политологов Свердловской области, удалось обнаружить, что исследования складываются не вокруг «направления», а вокруг «персоны». В конечном счете персона определяет направление. Невозможно переоценить роль руководителей отделов и кафедр, так как именно под их руководством проводится основной массив диссертационных исследований, издаются коллективные монографии и сборники научных статей, организуются и проводятся научные конференции, формируется особое пространство политической науки. В некотором смысле это не столько политологические научные школы, сколько политологические научные классы, возглавляемые мастерами. Первичность персоны руководителя, «персоналогический» принцип формирования политологических научных классов в Свердловской области подтверждается результатами сопоставления тематики научных исследований ведущих ученых-политологов и тематики диссертационных работ, выполненных под их руководством. За полтора десятилетия в двух указанных центрах подготовлено более пятидесяти диссертационных работ по политологическим специальностям, представленных на соискание ученых степеней по политическим наукам, в том числе более десяти докторских диссертаций.

Анализируя политологические научные классы, прежде всего, следует подчеркнуть большое разнообразие тематики, что объясняется интересами рядовых исследователей и широкой научной эрудицией мэтров политологической науки Свердловской области, способных курировать учеников по различным направлениям. Исследовательские интересы редко определяются политической конъюнктурой или властным заказом. Выбор тем для научных исследований, осуществляемых политологами в Свердловской области, отличается самостоятельностью и независимостью от научных авторитетов. Все это свидетельствует о демократической научной культуре и ценности свободы научного творчества, признаваемой политологическим сообществом. В значительной мере выбор тем определяется социально-политическими проблемами, имеющими место в постсоветской России, так как ученый-политолог – человек и гражданин – всегда и включенный наблюдатель. Именно последнее обстоятельство объясняет наибольший

интерес к отечественной ситуации и научным проблемам, решаемым на отечественном материале, с учетом российской специфики, применительно к Российской Федерации. Если внимание обращается «за рубеж», то, как правило, в сравнении с Россией.

Возможно, исследовательское внимание к зарубежью, как ближнему, так и дальнему, могло бы быть большим, если бы международные контакты не были по преимуществу «заочными». Чаще всего международные связи ученых-политологов осуществляются в рамках международных научных и научно-практических конференций, проводимых в Екатеринбурге, куда приезжают иностранные участники. Так, в частности, в рамках факультета политологии и социологии Уральского государственного университета до 2007 г. было проведено десять международных конференций, в которых наряду с социологической проблематикой нашли отражение научные изыскания уральских, российских и зарубежных политологов. Не истинным было бы утверждение, что ученые-политологи Свердловской области не имеют международных связей. Одно их перечисление по персоналиям может оказаться весьма пространным. Главным и, пожалуй, единственным препятствием широкой известности и постоянного авторитетного присутствия уральских политологов в интернациональном пространстве политической науки является недостаток финансовых средств по этому направлению.

Вместе с тем политологические исследования в Свердловской области проводятся с обширным привлечением работ зарубежных авторов, о чем говорят, в частности, традиционно описываемые в диссертационных работах и введениях монографий разделы, посвященные степени разработанности проблемы, а также применяемые в политологических исследованиях современные методологии. Все это свидетельствует о научной эрудиции и осведомленности екатеринбургских ученых-политологов в отношении состояния зарубежной политической науки, а также о большой степени исследовательской свободы, о наличии неповторимого лица. Вместе с тем было бы ошибкой считать политическую науку на Среднем Урале провинциальной. Политологические исследования, проводимые в Свердловской области, и их результаты определенно превосходят региональный масштаб.

Тематика политологических исследований в значительной мере соответствует потребностям политической практики, однако

власть, как потенциальный адресат, к результатам и выводам исследований обращается недостаточно, возможно, прежде всего, из-за отсутствия коммуникативного механизма, способного донести до властных структур как регионального, так и федерального уровня результаты и практическую значимость политологических исследований. Другой причиной ограниченной востребованности властью результатов политологических исследований и властных сомнений в их валидности может быть сложность выводов и дискуссии, имеющие место в самой науке. Также существуют причины финансового и социально-статусного свойства, которые не позволяют власти привлекать политическую науку в полной мере для решения политических проблем. Вместе с тем политическая наука, как «шагреновая кожа», вынуждена «сжиматься» по мере удовлетворения идейных желаний власти.

Объективным свидетельством того, что факультет политологии и социологии УрГУ и Институт философии и права УрО РАН действительно являются ведущими центрами политологических исследований в Свердловской области, является организация в этих структурах диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по политологическим специальностям. Известно, что диссертационные советы по политическим наукам создаются при авторитетных, широко известных своими достижениями в области политических исследований образовательных учреждениях и научных организациях. Начало деятельности этих двух советов практически совпадает с началом динамичного развития политологической науки в Свердловской области и означает возрастающую положительную динамику исследовательского интереса к политологическим проблемам.

В начале 90-х годов при Уральском государственном университете был открыт диссертационный совет, созданный по инициативе и функционировавший под председательством доктора философских наук, профессора Льва Наумовича Когана, принимавший к защите диссертационные работы по двум специальностям: 23.00.01 – теория и философия политики; 23.00.02 – политическая культура и идеология. Однако здесь ученые степени присваивались соответственно по историческим и философским наукам. Это была своеобразная и богатая предыстория политологического совета. Собственно история началась с изменения номенклатуры научных специаль-

ностей в 2001 г., когда им на смену пришла специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии с присуждением ученых степеней по политическим наукам. Диссертационные советы поделили исследовательские сферы в политологической науке. Немного схематично, но можно утверждать, что диссертационный совет при Институте философии и права УрО РАН объединил специалистов по теории и методологии политической науки, а диссертационный совет при Уральском государственном университете – специалистов по политическим институтам и процессам. Очень важно то, что оба совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук на протяжении всего времени своего существования реально выполняют функции квалифицированных экспертных центров, в которых сформировалось требовательное и критичное сообщество ведущих ученых-политологов Свердловской области.

Диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук при Институте философии и права УрО РАН действует с 1994 г. Одна из двух специальностей, по которым с момента создания совета проводились защиты диссертаций, – это специальность 23.00.01 – теория и история политики с присуждением ученых степеней доктора и кандидата политических наук. В 2001 г. с изменением номенклатуры научных специальностей, оставшись с тем же шифром, она поменяла название. С тех пор это специальность 23.00.01 – теория политики, история и методология политической науки. Казалось бы, на первый взгляд формальная мера в некоторой степени скорректировала направление тематики диссертационных работ, предопределила их академизм и фундаментальность. Со времени возникновения совета им руководит председатель – доктор философских наук, профессор Анатолий Войцехович Гайда, главный научный сотрудник, в 1993–2001 гг. – директор Института философии и права. Широко известны его работы по истории философии, социальной философии, философии политики, политологии, права. А.В.Гайда инициировал научное направление по изучению неомарксистской философии истории. Можно сказать, что в его политологическом классе изучаются проблемы федерализма и региональной политики, гражданского общества и государства. В начале 90-х годов А.В.Гайда руководил группой разработчиков проекта Конституции Ураль-

ской республики и Устава Свердловской области. Он выступил в качестве научного руководителя по ряду кандидатских и научного консультанта по докторской диссертации.

«Передний край» политической науки в Свердловской области можно обнаружить, подвергнув анализу тематику научно-квалификационных работ, представленных на соискание ученых степеней по политическим наукам. Именно в работах такого рода исследователь особое внимание уделяет обоснованию актуальности темы исследования, выявлению научной новизны своей работы. Диссертационное исследование не может быть неактуальным, то есть не имеющим значения для политической науки и политической практики. Более того, с одной стороны, политологическая диссертация – это результат нескольких лет исследовательской работы. С другой стороны, направление, обозначенное в диссертации, развивается исследователем в дальнейшем. Это видно из библиографических списков работ, опубликованных после защит диссертаций. Иначе говоря, диссертации, защищенные учеными-политологами – это квинтэссенция их исследовательской деятельности.

Анализ тематики диссертационных работ по политическим наукам позволяет сделать вывод, что в авангарде политологических исследований в Свердловской области находятся четыре проблемных блока, которые можно условно обозначить: «Власть», «Государство и общество», «Человек и гражданин в политике», «Политические идеологии». Кроме них, можно обнаружить более десятка разнообразных тем, не укладывающихся ни в один из этих выше названных блоков. Однако все они могут быть объединены под названием «Феномены политики и политической науки».

Результаты, достигнутые за полтора десятилетия существования новой политической науки, впечатляют. Меняется политическая мода, обозначая новые тренды. Сейчас можно услышать, и не только среди обывателей, такое же мнение о политологии, какое существовало полтора столетия назад о философии: польза от нее не доказана, а вред несомненен. Политология как учебная дисциплина по целому ряду специальностей перестала быть обязательной для изучения, что определенно является симптомом нового поворота в отношении к политической науке в ее общероссийском и региональном масштабе.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ИННОВАЦИОННЫЙ ШАГ В РАЗВИТИИ РОССИИ?

(Итоги Седьмой Всероссийской научно-практической конференции)

УДК 325.45

30 октября 2009 г. в Челябинском институте (филиале) Уральского академии государственной службы состоялась Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы эффективности государственного и муниципального управления в условиях преодоления экономического кризиса: возможен ли инновационный шаг в развитии России?». Соорганизатором форума выступила Общественная палата Челябинской области.

Активное участие в конференции приняли ученые из Челябинска, Екатеринбурга, Магнитогорска, Сыктывкара и ряда других городов, а также представители власти и гражданского общества.

Обсуждение на конференции развернулось в рамках трех дискуссионных площадок.

1. Актуальные проблемы политического управления в современной России.

2. Возможные тренды инновационного развития России в условиях преодоления кризиса и стратегии развития конкурентных преимуществ в посткризисный период.

3. Особенности подготовки профессиональных управленческих кадров в условиях выхода из кризиса.

Также в рамках конференции *прошли презентации* результатов:

- социологического исследования, проведенного учеными Челябинского института (филиала) УрАГС;

- диссертационных исследований Елены Зиминой, Александра Подопригоры, Игоря Филюкова.

Острую полемику в ходе конференции вызвали такие темы, как:

- Пережил ли кризис российский средний класс?

- Что можно отнести к «социальной инновации»?

- Россия и коррупция: кто кого?

Приятно отметить тот факт, что наравне с маститыми учеными в полемике приняли

участие студенты Челябинского института УрАГС, в частности, будущие менеджеры государственной и муниципальной службы и юристы.

В рамках дискуссионной площадки «Актуальные проблемы политического управления в современной России» директором Челябинского института (филиала) УрАГС, доктором политических наук *Сергеем Зыряновым* были представлены результаты социологического опроса «Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления Челябинской области в условиях кризиса», проведенного ЧИ УрАГС по заказу Правительства Челябинской области в рамках реализации Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607. Ученый обратил внимание, что в ходе социологического опроса вслед за оценкой деятельности органов местного самоуправления респондентам задавался вопрос: «В какой мере вы чувствуете себя готовыми влиять на происходящее в стране?» Ответы заставили в очередной раз задуматься о становлении институтов гражданского общества в нашей стране: в полной мере – 2,8%; в значительной мере – 3,5%; не в значительной мере – 16,7%; не ощущаю готовности – 31%; затруднились ответить – 46%.

Неизменный интерес вызвало выступление ведущего научного сотрудника Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, доктора экономических наук, профессора *Владимира Белкина*, который рассказал о теории цикличности экономических кризисов и синхронизации с 2000 года экономических (деловых) циклов ВВП России и США.

Оценка эффективности российского федерального и регионального законодательства в контексте совершенствования системы управления в РФ прозвучала в докладах заместителя директора Института философии и права УрО РАН кандидата философских наук *Константина Киселева* и заведующего кафедрой государственно-правовых дис-

циplin ЧИ УрАГС, кандидата юридических наук, доцента *Алексея Фартыгина*.

Во второй части конференции участники в своих выступлениях, так или иначе, затрагивали тему «инновационной инфраструктуры как ключевого фактора успеха в посткризисном развитии России».

Например, директор ООО «Консультационная компания «Советник» *Александр Подопригра* представил проект разноразрядной реформы регионов РФ как социальную инновацию. «Ключевое звено новой российской модернизации, по мнению ученого, – решительная демонополизация политических и экономических рынков и повышение конкурентности общества».

Проректор по учебной и воспитательной работе, заведующий кафедрой менеджмента Уральского социально-экономического института АТиСО, кандидат технических наук, профессор *Олег Иванов* в своем выступлении отметил то, что: «Выход России из кризиса и дальнейшее устойчивое развитие во многом определяются переходом ее экономики, а главное менталитета предпринимателей и чиновников, на рельсы инновационного развития. Эффективность этих изменений будет зависеть не столько от простой финансовой поддержки инновационной деятельности, сколько от создания государством эффективной инновационной инфраструктуры».

Учитывая, что в работе конференции приняли участие директора Курганского и Магнитогорского филиалов Уральской академии государственной службы – кандидат технических наук, доцент Валерий Яхонтов и Юрий Миронов; заведующие кафедрами ГМУ Института управления и предпринимательства УрГУ кандидат социологических наук Людмила Воронина и Коми республиканской академии государственной службы и управления при главе Республики Коми Сергей Ткачев, то дискуссия последнего «круглого стола» «Особенности подготовки профессиональных управленческих кадров» прошла в формате бурного и заинтересованного обсуждения.

В итоге работы участники данной дискуссионной площадки поддержали следующий вывод, сформулированный *Людмилой Ворониной*: «Мнение о том, что внутрикорпоративное обучение персонала имеет системный характер, а также может заменить

профессиональную переподготовку или повышение квалификации в учреждениях профессионального образования, во многом иллюзорное. Во-первых, многие работодатели неохотно вкладывают средства как на целевую контрактную подготовку работников и повышение квалификации в учреждениях профессионального образования, так и на обучение внутри предприятий. Во-вторых, прагматизм в поведении собственников, вкладывающих хотя бы минимальные средства, находит проявление в том, что собственник ожидает сразу же получение прибыли».

Завершилась конференция риторическим докладом заведующего кафедрой философии и политологии УрАГС, доктора философских наук, профессора *Юрия Ершова* «Россия и коррупция: кто кого?». В своем выступлении ученый отметил серьезную опасность превращения политики противодействия коррупции в очередную кампанию, приводящую к тем же результатам, что и борьба с пьянством, сев кукурузы за Полярным кругом и т.п. Тогда получится, что коррумпированность публичной власти закономерно затронет и само слово власти, коль скоро ее лозунги, программы, декларируемые цели заранее фальшивы и демонстрируют не более чем стремление к самосохранению. Докладчик выразил глубокую уверенность в возможности, пусть связанной со значительными трудностями, сужения коррупции до социально приемлемых масштабов – при наличии действенной политической воли и разумном использовании всей палитры средств противодействия коррупции.

Организаторы конференции далеки от иллюзий, что мероприятие прошло идеально, но ниже приведенные отзывы наших гостей – участников форума позволяют нам надеяться, что мы идем в правильном направлении в организации диалога научного сообщества и властных структур.

Сергей Синецкий, проректор по НИР Челябинского института экономики и права им. М.В. Ладина, к.п.н., доцент, член Общественной палаты Челябинской области: «Весьма насыщенная по содержанию и мощная по полемическому накалу конференция. В последнее время редко встретишь научное мероприятие, где дискуссия является главным инструментом поиска истины. Конференция в ЧИ УрАГС – приятное ис-

ключение, свидетельствующее, что реальная наука жива. Приятно, что в научном мире сохранились люди, умеющие думать самостоятельно, вступать в спор с оппонентами невзирая на должности, ученые степени и звания, выдвигать оригинальные, а, порой и экстравагантные, идеи. Получил интеллектуальное наслаждение и стимул к самосовершенствованию».

Заведующая кафедрой ГМУ Института управления и предпринимательства УрГУ, кандидат социологических наук *Людмила Воронина*:

«В целом конференция оставила приятное впечатление. Во-первых, интересная форма проведения «круглых столов», в которых могли участвовать все, а во-вторых, интересные выступающие и неординарные модераторы, которые во многом определили успех конференции. Спасибо за приглашение».

Проректор по научной работе, зав. кафедрой ГМУ Коми республиканской академии государственной службы и управления при главе Республики Коми *Сергей Ткачев*:

«Конференция, безусловно, явилась ярким событием научной жизни не только Южного Урала, но и России в целом. Проведение подобных мероприятий, объединяющих усилия науки, власти и общественности, способствует не только поиску новых путей решения рассматриваемых на них проблем, но и позволяет приблизиться к ответу на ключевой вопрос состоявшейся конференции: возможен ли инновационный шаг в развитии России?».

Первый заместитель главы администрации Тракторозаводского района города Челябинска, кандидат педагогических наук, доцент *Владимир Грищук*: «Участие в данном мероприятии позволило более детально разобрать проблемы эффективности управления в условиях экономического кризиса, а также услышать предложения по их решению».

Для проведения подобных мероприятий на более высоком уровне было бы лучше расширить круг приглашенных лиц, а также увеличить время проведения конференции. Администрация района готова оказать помощь в организации данных мероприятий, а

также принимать в них активное участие».

Отзывы принимающей стороны – ученых ЧИ УрАГС:

«Конференция 2009 года отличалась от других более узким составом представителей всех уровней власти и большим представительством научного сообщества и не только Челябинской области, что не в ущерб практической эффективности добавило конференции научного ресурса, полемичности, живого, подчас темпераментного обмена точками зрения, в частности – интересного соперничества представителей челябинской и свердловской научных школ».

Интеллектуальному оживлению, на сей раз не формализованному привычной обязательностью выступлений с трибуны, способствовал новый шаг в освоении физического пространства конференц-зала. Основные участники, задающие тематику и тон конференции, выступали и полемизировали на площадке по типу «круглого стола», образуя энергетический и мыслительный концентрат, который кругами расходился по залу, вовлекая в водоворот мысли всех присутствовавших – от маститых профессоров до студентов-первокурсников».

Анатолий Лукин, профессор кафедры ГМУ ЧИ УрАГС, кандидат культурологии, доцент: «Необычная форма проведения конференции – дискуссионные площадки – способствовала тому, что каждый доклад сопровождался живым обсуждением. Практически не было проходных дежурных выступлений. Там, где имеет место унификация мировоззренческих или научных позиций, возникает опасность духовного застоя, а может даже и деградации. Думаю, что большинство участников приняли для себя решение о том, что через год они вновь соберутся в стенах нашего замечательного вуза, чтобы стать участниками очередного интеллектуального действия».

Учитывая, что конференция в Челябинском институте (филиале) Уральской академии государственной службы приурочена ко дню рождения вуза (26 октября) и стала уже традиционной, то организаторы форума подтверждают приглашение через год!

С.В. Нечаева

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.В. ЛЮБИЧАНКОВСКОГО «РЕМОНТИРУЕМАЯ ВЕРТИКАЛЬ: ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА В ПЛАНАХ ПРАВИТЕЛЬСТВА НИКОЛАЯ II».

Оренбург. Изд-во ОГПУ, 2009. 404 с.

Рецензируемая монография представляет собой обстоятельный анализ проектов реформирования губернской администрации в России рубежа XIX–XX столетий, выработанных в столичных и региональных уральских бюрократических кругах. Исследование свидетельствует о неуклонном росте публичного интереса к истории поздней имперской России, обусловленном потребностью осмысления альтернативного опыта государственного строительства. Наиболее существенные процессы современной российской жизни имеют в рассматриваемом периоде отечественной истории вполне очевидные аналогии. Автор предпринял попытку оценить потенциал реформирования государственной власти в эпоху царствования последнего российского императора, способствуя решению фундаментальных вопросов исторической науки о характере трансформаций системы отношений власти и населения в начале XX в., глубинных причинах революционных событий и краха Российской империи. Выбор хронологических рамок исследования связан с актуальностью изучения как деятельности правительства Николая II по изменению губернского управления, так и особенностей заключительной стадии в развитии местного управления империи на основе третьего издания «Общего Учреждения Губернского» 1892 г.

В предисловии к труду автором обозначена актуальность исследования, сформулированы основные понятия, спорные и нерешенные вопросы темы, указаны используемые научные методы. Источниковую базу монографии составили документы, извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, а также Государственных архивов Кировской, Оренбургской областей, Центрального государственного историческо-

го архива Республики Башкортостан. Публикация впервые вводит в научный оборот документальные материалы или возмещает их библиографическую редкость.

Исследование основано на методе контент-анализа, позволившем автору учесть максимальное количество элементов текста и обеспечившем высокую степень формализации источников. Автор последовательно рассмотрел министерские и региональные чиновничьи проекты губернской реформы. Основной текст исследования включает анализ проектов губернской реформы И.Л. Горемыкина, В.К. Плеве, П.А. Столыпина, а также оренбургские проекты И.М. Страховского и В.И. Ершова, уфимский проект И.Н. Соколовского, вятские проекты Н.М. Клингенберга и П.Ф. Хомутова. Завершает труд анализ проекта областной реформы, обоснований ее необходимости и ключевых принципов, представленных монарху в «записке» председателя Совета министров Б.В. Штюрмера (1916 г.).

Во введении автор изложил собственное понимание ситуации «кризис власти», связав ее с определенным качеством функционирования учреждений государственного управления и указав на вариантное состояние равновесия правительственных структур с социальной средой, характеризующееся отрицательным балансом между личными интересами чиновников и официально поставленными перед ними задачами. При этом внутренний кризис аппарата государственного управления автор рассматривает в тесной взаимосвязи с иными базисными элементами системного кризиса Российской империи. Ключевым свидетельством перехода внутреннего кризиса аппарата управления из фазы дискретных проявлений в фазу системного автор назвал неформальное объединение чиновничества

как «антигосударственной корпорации». Организация губернаторской власти в начале XX в. оценена автором как нерациональная и неоптимальная. Реформирование губернской администрации в позднеимперской России не осуществилось. Однако автор не соглашается с распространенным в исторической литературе мнением об архаичной, сложившейся в XVIII в., законодательной основе функционирования губернской администрации в исследуемый период. Комплекс законодательных норм, выработанных преимущественно в 1826–1881 гг., рассматривается как показатель «здоровой консервативной стабильности» аппарата управления в конце XIX в.

Итоги контент-анализа обобщены автором в таблицах, наглядно демонстрирующих характеристики действовавшей системы губернского управления, а также стратегические цели реформы и пути ее осуществления, изложенные в названных проектах. Автор выделил схожие моменты министерских проектов губернской реформы, отметив повышенное внимание разработчиков к институту губернаторства и организации канцелярской части губернского управления. С конца XIX в. в проектах расширялись круг объединяемых учреждений и набор целевых установок губернской реформы, усиливались прагматизм в предполагаемом решении поставленных задач и детальность разработки тактических приемов в достижении целей, что обуславливалось, прежде всего, участием в обсуждении проектов представителей гражданского общества. Автор пришел к выводу о принципиальном сходстве документов вятских, уфимских и оренбургских чиновников, признавших полезным объединить основные губернские коллегии в единое учреждение на базе губернского правления и необходимым усилить личную власть губернатора. Радикализацию уральских проектов губернской реформы автор убедительно

объяснил неуклонным ростом проблем в области местного административного управления в начале XX в.

В исключительных условиях военного времени на высшем правительственном уровне было оказано вынужденное внимание усугубляющемуся внутреннему кризису губернской администрации. На финальной стадии развития империи была осуществлена попытка рассмотреть проблему низкой эффективности губернского управления на основе идеи автономизации регионов. В период Первой мировой войны правительство Николая II готовилось пойти на поступательное изменение государственного устройства страны, способное оказать перспективное влияние на объем и качество прав и свобод населения России, – заключает автор.

Таким образом, в монографии С.В. Любичанковского впервые осуществлен комплексный сопоставительный анализ проектов губернской реформы, выработанных в рамках правительственного курса последнего российского монарха. Рецензируемая монография является несомненным вкладом в изучение реформаторского потенциала государственной власти в России начала XX в.

Самостоятельную ценность научного труда представляют оригинальные тексты всех основных проектов губернской реформы, подготовленных правительственной администрацией в центре и на Урале. Публикация документов снабжена обстоятельными комментариями, дающими их краткую археографическую характеристику, обосновывающими их датировку и авторство, содержащими биографические сведения о создателях, а также данные об упоминаемых фактах, нормах законодательства, учреждениях и лицах. Книгу завершает краткая библиография опубликованных научных трудов и источников по истории губернских администраций позднеимперской России.

В.А. Воропанов

СОЦИУМ

SOCIUM

Шрейбер В.К. Гражданское общество: понятие и некоторые проблемы. Статья имеет преимущественно методологический характер и организована вокруг двух проблемных центров: (1) смысл понятия гражданского общества и внутрироссийские причины его актуализации и (2) зависимость между гражданским обществом и социальным капиталом.

Ключевые слова: история идей, гражданское общество, социальный капитал, классы.

Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция «публичной сферы» Ю.Хабермаса. В статье анализируется нормативная концепция «публичной сферы» и возможности ее использования при изучении гражданского общества. Автор излагает нормативную концепцию Ю.Хабермаса, выделяет сильные и слабые стороны этой концепции.

Ключевые слова: гражданское общество, публичная сфера, нормативная теория, демократия.

Трахтенберг А.Д. Информационная революция в зеркале обыденного сознания: компьютеры и Интернет в дискурсе повседневности. Серия фокус-групп, проведенных в 2008 г. в г. Екатеринбурге, показала, что социальный контекст, в котором разные группы пользователей воспринимают информационно-коммуникационные технологии, не связан с элитарными дискурсами «информационного общества» и «виртуальной реальности», а опирается на представления, заимствованные из массовой культуры и пропущенные через личный опыт (или отсутствие такового) пользователей.

Ключевые слова: элитарный дискурс, конструкты обыденного сознания, «информационное богатство», «информационная бедность»

Руденко Е.Ю. Интегративная функция коммуникации в бытии социума. Статья посвящена анализу многозначности понятия «социум» и взаимосвязи коммуникаций со всеми аспектами жизни человеческого общества. Раскрываются основные составляющие процесса общения, определяются типы отношений, возникающие между людьми в процессе коммуникации.

Ключевые слова: общество, коммуникативный процесс, общественные отношения, языковая система.

Грунт Е.В., Хрущев О.В. Факторы формирования информационной культуры профсоюзных работников. Статья посвящена анализу факторов формирования информационной культуры профсоюзных работников. Анализ социальных, культурных, экономических факторов формирования и развития информационной культуры современных профсоюзных работников позволил авторам оценить две группы факторов: объективные и субъективные, определить их взаимосвязи.

Ключевые слова: информация, информационная культура, факторный анализ.

Рудой В.В. Актуальные вопросы подготовки и использования кадрового резерва органов государственной власти и местного самоуправления. В статье рассмотрены актуальные

Shreiber V.K. Civil society: the notion and the problems. The paper is predominantly methodological in character and organized around two problem centers: 1) the sense of the notion of civil society and the reasons of the current interest to it in Russia; 2) interrelationships between civil society and social capital.

Key words: history of ideas, civil society, social capital, classes.

Semenov A.V. Rethinking civil society: J.Habermas' normative conception of the public sphere. In this article the normative conception of the public sphere is under consideration. The author describes J.Habermas' notion of the public sphere and examines its pros and cons.

Key words: civil society, public sphere, normative theory, democracy.

Trakhtenberg A.D. Information revolution in the mirror of common sense: computers and the Internet in day-to-day discourse. The author analyzes how Internet and computer users include new technologies into social context and which ideological constructs are used for this purpose. She shows the cultural difference of understanding computer-mediated communication and social consequences of information revolution depending on users' skills and their demographical status. The article is based upon results of focus-group series which took place in Ekaterinburg in 2008.

Key words: elite discourse, ordinary mind constructs, "information wealth", "information poverty".

Rudenko E.Yu. The integrative function of the communication in the existence of society. The article is devoted to the analysis of multiple meaning of the notion "society" and of the communications' interconnection with all the aspects of human life. The key elements of the process of communication are revealed, the types of relations between people in the course of communication are defined.

Key words: society, process of communication, society relations, language system.

Grunt E.V., Hrushev O.V. The factors of forming the information culture of trade-unionists. The article is devoted to the problem of the factor analyses of forming the information culture of trade-unionists. They believe that two groups of factors influence this process. They are objective factors (for example, gender, age and so on) and subjective (for example, needs of a person in acknowledging new information and so on).

Key words: information, information culture, factor analyses

Rudoy V.V. Significant issues of the preparation and the usage of the bodies of state power and local selfgovernment. The significant issues of the preparation and the usage of the bodies of state

вопросы подготовки кадрового резерва органов государственной власти и местного самоуправления, его использования обобщен практический опыт их успешного решения, даны соответствующие научно-практические рекомендации.

Ключевые слова: резерв кадров, управленческое решение, элитарный клуб, повышение квалификации, стажировка, Центр планирования и развития карьеры.

ВЛАСТЬ

Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса. Статья посвящена исследованию шоу-дискурса как феномена современной политической культуры и практики. В статье рассматривается четырехфазовая модель шоу-дискурса: фаза стратегического проектирования, фаза перформанса, фаза обратной связи, фаза интеграции в глобальную семиосферу.

Ключевые слова: шоу-политика, шоу-дискурс, политический дискурс, перформанс, презентация.

Дубовцев В.А. Либерально-западнические трактовки русской истории и современной России. На основе обзора и анализа либерально-западнических воззрений на российское прошлое и современную ситуацию России выявлены основания данного идеологического направления: ставка на разум, расчлененность власти и общества, власти и собственности, разделение самих властей; установка на практичность, прагматизм; секуляризованный антропоцентризм, однолинейный эволюционизм как основа концепции модернизации, национально-исторический негативизм, отчуждение от интересов и забот власти и бюрократии.

Ключевые слова: современная идеология в России, либеральное западничество, основания идеологии.

Ветренко И.А. Методологические особенности изучения политических процессов. В статье представлена авторская концепция рассмотрения политического процесса через категорию «изменение». Выделены особенности политических процессов как объектов научного исследования и анализа, которые порождают методологические сложности постижения их сущности.

Ключевые слова: политический процесс, методы исследования, эксплицитность, системность, контролируемость.

Чесноков А.С. Участие иммигрантов-неграждан в политических процессах в принимающих странах. Основное внимание в статье уделяется описанию и анализу практики электорального участия иммигрантов в политических процессах в принимающих странах. Рассматриваются теоретические и практические аспекты проблемы предоставления иммигрантам-негражданам политических прав, а также возможности и ограничения политического участия иммигрантов.

Ключевые слова: иммигранты, неграждане, политические права, участие в выборах.

Соколова Е.П. Приемы политической манипуляции в период выборов президента Российской Федерации 1996 года (по материалам

power and local selfgovernment are discussed in the article. The practical experience of the successful solution of these issues is analyzed and the appropriate scientific practical recommendations are given.

Key words: staff reserve, managerial decision, the elite club, retraining, placement, the Center of planning and development of the career.

POWER

Rusakova O. F. Show-politics: features of the discourse. The article is devoted to the analysis of the show-discourse as a phenomenon of contemporary political culture and practice. The article observes the four-phased structural model of the show-discourse: the phase of strategic projection, the phase of performance, the phase of back relation, the phase of integration into global semiosphere.

Key words: show-politics, show-discourse, political discourse, performance, presentation.

Dubovtsev V.A. Liberal and western-oriented interpretations of the Russian history and modern Russia. The analysis of the liberal and westernized views on Russian history and the current situation in Russia reveals the following grounds of the ideological trends: special respect of rationality, division of authorities and society, the division of authorities and property, the division of powers themselves, setting-up on practicality, pragmatism; secularization and anthropocentrism, plane evolutionism as the basics of the theory of modernization, national-historical negativism, alienation from the interests and concerns of government and bureaucracy.

Key words: modern ideology in Russia, liberal westernism, ideological trends.

Vetrenko I.A. Methodological peculiarities of political processes analysis. The article states the author's concept of the political process consideration through the category of "change". The peculiarities of the political processes as the objects of the scientific research and analysis that cause methodological complexities in comprehending political processes' essence are singled out in the article.

Key words: political process, research methods, explicitness, system, controllability.

Chesnokov A.S. Participation of the immigrants (non-citizens) in political processes in receiving countries. The main attention in the article is paid to the description and analysis of the immigrants' electoral participation in political processes in receiving countries. The author raises some theoretical and practical aspects of the problem of granting political rights to immigrants'. Moreover both possibilities and limitations for political participation of the immigrants are discussed in the article.

Key words: immigrants, non-citizens, political rights, participation in elections.

Sokolova E.P. Political manipulation techniques within the format of Russia's Presidential Election campaign in 1996 (on the basis of

региональной прессы). На основе анализа публикаций региональной прессы в статье рассматриваются приемы политической манипуляции, используемые в период выборов президента РФ 1996 года.

Ключевые слова: масс-медиа, политическая коммуникация, политическая манипуляция, избирательная кампания, массовое сознание.

Брозовский В.П. Методологические проблемы исследования региональных элит. В статье проводится анализ существующих методологических подходов по исследованию элит, выделяются основные методологические проблемы и трудности. На основании проведенного анализа конструируется авторская гипотеза изучения региональных элит в современной России.

Ключевые слова: элиты, политический процесс, постиндустриальное общество, теории элит, региональная элита.

Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. Социологический профиль региональных политических элит Юга России. Рассмотрены вопросы функционирования и взаимодействия российских политических элит, даны их характеристики и оценки со стороны экспертов, а также со стороны населения. Дан анализ источников формирования состава элит, их управленческого опыта и т.д.

Ключевые слова и словосочетания: элитное общество, протоэлиты, воспроизводство элит, источники формирования элит.

Осипов О.В. Русская Православная Церковь и гражданское общество в России: историко-политологический ракурс. Анализируется исторический генезис положения и влияния Русской Православной Церкви в жизни государства. Показаны причины и обстоятельства «вхождения» РПЦ в состав институтов гражданского общества, нормативно-правовое регулирование отношений церкви и государства, тенденции и противоречия этого процесса.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, синодальный период, Патриаршество, гражданское общество, конфессии.

Печерских О.И. Российская парадигма международной безопасности. В статье сделана попытка анализа и сравнения двух противоположных концептов формирования и обеспечения системы международной безопасности: однополярной системы с отчетливым доминированием одного актора и многополярной системы коллективного принятия решений.

Ключевые слова: международный конфликт, коллективное принятие решений, международная безопасность, международные организации, многополярность.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Норекян М.С. Европолитики и регулирование финансового рынка. Статья посвящена проблемам регулирования финансового рынка. В последнее время все чаще слышатся требования усилить регулирующие функции государства. В современном мире не только международные обязательства, но и принципы внутригосударственной координации деятельности субъектов государства требуют кардинального переосмысления.

the regional press). The article is devoted to the techniques of political tampering used within the election campaign of the President of Russia in 1996. The analysis of the techniques has been made on the basis of the regional press.

Key words: mass media, political communication, political tampering, election campaign, mass consciousness.

Brozovsky V.P. Methodological issues of the regional élite's study. The article analyses existing methodological approaches to the research of élites and emphasizes main methodological problems and difficulties. On the basis of the conducted analysis the author develops his own hypothesis of studying regional élites in modern Russia.

Key words: elites, political process, postindustrial society, theory of élite, regional élite.

Rudoy V.V., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Lyzenko V.D. Sociological profile of the regional political élites in the South Russia. The matters of functioning and interaction of Russian political élite are considered in the article. The expert and public assessments and descriptions are given to the élites. The analysis of the sources of the élite formation and their management experience is made.

Key words: élite community, protoelite, élite reproduction, the sources of the élite formation.

Osipov O.V. Russian Orthodox Church and Russian civil society: historical and political aspect. The historical genesis of the status and influence of the Russian Orthodox Church (ROC) on the state is analyzed. The article shows the reasons and circumstances of ROC entry to the institutional structure of the civil society, normative legal regulation, the tendencies and contradictions of this process.

Key words: Russian Orthodox Church, synodal period, patriarchate, civil society, confessions.

Pecherskih O.I. Russian paradigm of the international safety. In this article the attempt to analyze and compare two opposite concepts of formation and guaranteeing of the system of international security (unipolar system with clear domination of one actor and multipolar system of making decisions collectively) is made.

Key words: international conflict, cooperative decision making, international security, international organizations, multipolarity.

ECONOMIC POLICY

Norekian M. S. Europoliticians and the regulation of the financial market. The article is devoted to the problems of the regulation of the financial market. Recently one can hear more and more demands for the strengthening of the regulatory functions of the state. In the modern world not only international obligations of national states, but also domestic principles of their formation require cardinal reconsideration.

Ключевые слова: финансовый рынок, европолитика, банки, регулирующие органы, групповой контроль.

Key words: financial market, europolitics, banks, regulatory organs, group control.

КУЛЬТУРА

CULTURE

Борисов С.В. Что такое философия? Или пропедевтика ко всякой прошлой и будущей метафизике... Основания философской рефлексии. Основаниями философской рефлексии являются удивление, сомнение и переживание экзистенциальных состояний жизненного опыта. Предельные философские вопросы обеспечивают, с одной стороны, рефлексию по поводу проблемных зон «знания-незнания», с другой – саморефлексию по поводу Я, как границы и горизонта самой способности мыслить.

Ключевые слова: философия, философствование, рефлексия, мышление.

Липская Л.А., Гурвич А.В. Инновационная политика в сфере высшего образования. В статье раскрываются пути и стратегии развития высшего образования, анализируется деятельность государства по внедрению инновационно-образовательных программ в высшей школе.

Ключевые слова: модернизация образования, методологический плюрализм, компетентностные образовательные модели, «предпринимательский университет», Болонский процесс.

Тухватулина К.А. Культурная политика в сфере театрального искусства в 1917–1932 гг. В данной статье рассматриваются вопросы деятельности первых государственных органов управления театром в условиях трансформации Советского государства, прослеживается изменение политического курса в отношении театров, стремление советской власти интегрировать их в общественно-политическую систему общества.

Ключевые слова: театр, культурная политика, культурная революция, агитация, централизация управления.

ИСТОРИЯ

HISTORY

Гришкина М.В. «Этика выживания» во взаимоотношениях удмуртской общины с властью в XVIII – первой половине XIX в. В статье анализируется коллективная деятельность удмуртских общин XVIII – первой половины XIX в. по минимализации риска и обеспечению права на существование своих членов, которая в современном крестьяноведении характеризуется как «этика выживания».

Ключевые слова: власть, удмуртская община, этика выживания, «оружие слабых», борьба за ресурсы.

Есикова Е.М. Открытие и деятельность Богодуховского миссионерского стана в Оренбургской епархии (1901–1917 гг.). Исторический опыт миссионерской деятельности рассматривается Русской Православной Церковью как основа современных миссионерских практик. В настоящей статье описан один из интересных исторических примеров православной миссии в условиях этнического и конфессионального разнообразия – Богодуховский миссионерский стан Оренбургской епархии (1901–1917 гг.).

Borisov S.V. What is philosophy? Or propaedeutics to any last and future metaphysics... The basis of the philosophical reflection. The basis of a philosophical reflection is surprise, doubt and experience of existential conditions of the life experience. Limiting philosophical questions provide, on the one hand, the reflection in the problem zones “knowledge-ignorance”, on the other hand – the self-reflection in the Ego as the border and the horizon of the ability to think.

Key words: philosophy, philosophizing, reflection, thinking.

Lipskaya L.A., Gurvich A.V. Innovational politics in the sphere of higher education. The ways and strategies of the higher education development are disclosed in the article, and the national application of the innovational and educational programmes in the universities is analyzed.

Key words: modernization of the system of education, methodological pluralism, competent educational models, «the university of businessman», the Bologna process.

Tukhvatulina K.A. Cultural Policy in the sphere of theatrical art in 1917–1932. This article considers the activities of the first state's organs of the theatre government under the conditions of the Soviet state's transformation. It analyses the changes of the political course as to the theatre, and the Soviet authorities' aspirations to integrate theatres into the political and social system.

Key words: theatre, cultural policy, cultural revolution, propaganda, government centralization.

Grishkina M. V. Survival ethics in the relationship of the Udmurt community with the authorities in XVIII – first half of XIX centuries. The article analyzes the collective activity of the Udmurt communities of XVIII-first half of XIX centuries in minimizing the risks and guaranteeing the right to existence for all the members, which is characterized in the modern as «survival ethics».

Key words: power, Udmurt community, survival ethics, «weapon of the weak», fight for resources.

Yesikova E.M. The opening and activities of the Bogodukhovskiy missionary camp in Orenburg Diocese (1901–1917). The historical experience of the missionary activities is considered by the Russian Orthodox Church as the basis of modern missionary practice. This article describes one of the most interesting historical examples of the Orthodox mission in the context of ethnic and confession diversity – Bohodukhivskiy missionary camp in Orenburg Diocese (1901–1917).

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Оренбургская епархия, Богодуховский миссионерский стан, миссионерская школа, нагайбаки.

Шубарина Л.В. Историография изучения проблемы интеграции танковой индустрии в оборонно-промышленный комплекс Урала (1945–1965 гг.). В статье рассматривается отражение в исторической литературе советского и постсоветского времени основной проблематики процесса интеграции танковой индустрии в оборонно-промышленный комплекс Урала, которая осуществлялась в первое послевоенное двадцатилетие (1945–1965 гг.).

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, историография ОПК, интеграция, атомная промышленность, ракетная промышленность, радиоэлектронная промышленность, танковая промышленность.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Уральская школа политологии. 29 мая 2009 года в Челябинске состоялось очередное заседание Клуба уральских политологов: «20-летие Уральской школы политологии: испытание кризисами». Участники клуба обсудили вопросы феноменальности конституции, миссии российской политической науки. Во второй части публикуются материалы выступлений С. Кондратьева, В. Куликова, С. Мошкина, О. Подвинцева, О. Русаковой и М. Фадеичевой.

Ключевые слова: Уральская школа политологии, Клуб уральских политологов.

Возможен ли инновационный шаг в развитии России? В статье представлен отчет о проведении Седьмой Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы эффективности государственного и муниципального управления в условиях преодоления экономического кризиса: возможен ли инновационный шаг в развитии России?», которая состоялась 30 октября 2009г. в Челябинском институте (филиале) Уральской академии государственной службы. Соорганизатором форума выступила Общественная палата Челябинской области.

Ключевые слова: конференция, проблемы эффективности государственного и муниципального управления.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию С.В. Любичанковского. Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II. Монография С.В. Любичанковского направлена на выяснение реформаторского потенциала государственной власти в эпоху царствования Николая II. В книге дан контент-анализ проектов губернской реформы, выработанных бюрократической элитой столицы и Уральского региона в позднеимперский период. Представлена научная публикация текстов всех анализируемых проектов реформы.

Ключевые слова: губернская реформа, правительство Николая II.

Key words: missionary activity, Orenburg Diocese, Bohodukhivskiy missionary camp, missionary school, nagaybaki.

Shubarina L.V. Historiography of the problem study of the tank industry integration into the defense-industrial complex of the Ural in 1945–1965. The article describes the main problems of the process of tank industry integration into the defense-industrial complex in the Ural in the post-war period, mentioned in scientific works on history.

Key words: defense-industrial complex, historiography of the defense-industrial complex, integration, nuclear industry, missile industry, radio-electronic industry, tank industry.

SCIENTIFIC LIFE

The Ural School of Political Science. On 29th May 2009 the latest meeting of political scientists' club was held in Chelyabinsk: "The 20th anniversary of the Ural School of Political Science: trial by the crisis". The participants discussed the problems of the phenomenality of the constitution and the mission of Russian political science. The second part presents the speech materials of S. Kondratiev, V. Kulikov, S. Moshkin, O. Podvintsev, O. Rusakova and M. Fadeitcheva.

Key words: the Ural School of Political Science, the Ural Political Scientists' Club.

Is the innovative step in the development of Russia possible? The article presents the report about the seventh All-Russian scientific and practical conference «The problem of the effectiveness of the state and municipal government in the state of overcoming the economic crisis: is the innovative step in the development of Russia possible?» which took place on 30th October 2009 in the Chelyabinsk Institute of the Ural Academy of Public Administration. The co-organizer was the Public Chamber of the Chelyabinsk region.

Key words: conference, problems of the effectiveness of the state and municipal government.

CRITICS AND REVIEWS

S.V. Lubichansky's monography review. Repairable vertical: the province reform in the reign of Nicholas II. S.V. Lubichansky monography is devoted to the clarification of the reformatory potential of the political authority during the reign of Nicolay II. The book gives the content-analysis of the projects of the province reform that were made by the bureaucratic elite of the capital and the Ural region during the late imperial period. The scientific publication of the texts of all the reform projects is presented here.

Key words: province reform, reign of Nicolay II.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ» В 2009 ГОДУ

СОЦИУМ

Арсеньева О.Ю., Краско М.Г. Социально-экономическое положение семей группы риска: региональный аспект. **№ 1**

Борисенков А.А. Гражданское общество: сущность и особенности формирования. **№ 1**

Горелова Г.Г. Новое мышление в социальном управлении: от стратегии манипуляции – к осознанию ценностей. **№ 1**

Грунт Е.В., Хрущев О.В. Факторы формирования информационной культуры профсоюзных работников. **№ 4**

Дедюлина М.А. Адхократия в современном обществе. **№ 1**

Денисова Н.А. Пресс-служба в системе информационной политики. **№ 2**

Дьякова Е.Г. «Электронное правительство» как идеологический конструкт. **№ 3**

Зайцева Л.Ю. Индивидуализация как принцип антирисковой социоинженерии социума. **№ 2**

Зырянов С.Г., Лесняк В.И., Богданова Д.В. Молодежная политика и значение образования в профессиональной судьбе работающей молодежи. **№ 3**

Зырянов С.Г., Соколова Г.В. Формирование гражданского общества и гражданской культуры в современной России: региональный аспект. **№ 2**

Подхомутникова М.В. Молодежь и политика: формальные и неформальные практики власти в сознании молодежи. **№ 2**

Попов В.Д. Информационная экономика и финансовый кризис. **№ 1**

Пустошинская О.С. Интернет-репрезентация молодежных организаций и движений Уральского федерального округа: виртуальная активность или реальная политика? **№ 3**

Руденко Е.Ю. Интегративная функция коммуникации в бытии социума. **№ 4**

Рудой В.В. Актуальные вопросы подготовки кадрового резерва органов государственной власти и местного самоуправления. **№ 4**

Салохин Н.П. Синергетическая парадигма самоорганизации и самоуправления общества в трансформирующейся России. **№ 1**

Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция «публичной сферы» Ю. Хабермаса. **№ 4**

Трахтенберг А.Д. Информационная революция в зеркале обыденного сознания: компьютеры и Интернет в дискурсе повседневности. **№ 4**

Шрейбер В.К. Гражданское общество: понятие и некоторые проблемы. **№ 4**

ВЛАСТЬ

Арчаков М.К. Русский религиозно-националистический радикализм в политическом процессе современной России. **№ 1**

Балынская Н.Р. Группы как субъекты политического процесса. **№ 1**

Борисенков А.А. Политическое развитие: сущность и формы. **№ 3**

Брозовский В.Б. Методологические проблемы исследования региональных элит. **№ 4**

Ветренко И.А. Методологические особенности изучения политических процессов. **№ 4**

Денисов Ю.П. Образ Б.Н. Ельцина в российском официальном дискурсе начала 2000-го года: «уходящий Президент» (На основе анализа «Российской газеты»). **№ 3**

Дубовцев В.А. «Миссия великой империи» и «особый путь»: державнические и почвеннические взгляды на русскую историю и современность. **№ 2**

Дубовцев В.А. Либерально-западнические трактовки русской истории и современной России. **№ 4**

Иванова Л.Л. Формирование резерва управленческих кадров – приоритетное направление кадровой трансформации. **№ 2**

Меркушев В.И. Практика объединительных процессов в российском федерализме. **№ 3**

Нечаева С.В. Историко-политологический анализ эволюции управленческой элиты Южного Урала в XIX – начале XX вв. **№ 3**

Нечаева С.В. Элитогенез Южного Урала (историко-политологический анализ). **№ 2**

Осипов О.В. Русская Православная Церковь как политический институт гражданского общества России: историко-политологический ракурс. **№ 4**

Печерских О.И. Российская парадигма международной безопасности. **№ 4**

Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса. **№ 4**

Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. Социологический профиль региональных политических элит юга России. **№ 4**

Савинов Л.В. Элементы российской этнополитики. **№ 1**

Ситник А.Ю. Российское измерение многопартийной системы. **№ 1**

Соколова Е.П. Приемы политической манипуляции в период выборов президента Российской Федерации 1996 года (по материалам региональной прессы). **№ 4**

Сонина Е.О. Российская политическая система: типологический аспект. **№ 2**

Файзрахманов Р.Х. Вооруженное насилие на постсоветском пространстве. **№ 3**

Чернов Г.Ю. О массовизации элит. № 2

Чесноков А.С. Теоретико-методологические подходы к анализу влияния миграции на политические процессы. № 1

Чесноков А.С. Участие иммигрантов-неграждан в политических процессах в принимающих странах. № 4

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Жданов Ю.А. Вопросы организации проведения конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы. № 1

Ильиных А.В., Старостина И.А. Территориальное построение государства как фактор выбора избирательной системы (к постановке вопроса). № 1

Пиптюк А.Н. Полномочия органов местного самоуправления по управлению и распоряжению земельными участками, находящимися в муниципальной собственности. № 2

Ромадова Л.А. Принципы трудового законодательства как регулятива оптимального функционирования социума. № 1

Тенетко А.А. Механизм многостороннего наднационального регулирования мировой экономики. № 3

Цыганов С.И. Совершенствование законодательства об особых экономических зонах. № 1

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Егорова Т.А. Понятие рентного потенциала конъюнктуры рынка и развитие теории общественных благ. № 3

Норекян М.С. Европолитики и регулирование финансового рынка. № 4

Павлов К.В. Инвестиции и инновации интенсивного и экстенсивного типа: макроэкономический подход. № 2, 3

Попов Е.В., Лавров И.В. Институты экономики благосостояния: теория и методология. № 3

Третьяков А.В. Российская металлургия в зеркале мировых и региональных проблем экономического развития. № 1

КУЛЬТУРА

Борисов С.В. Что такое философия? Или пропедевтика ко всякой прошлой и будущей метафизике... № 2

Борисов С.В. Что такое философия? Или пропедевтика ко всякой прошлой и будущей метафизике... Основания философской рефлексии. № 4

Брянцев И.И. Диалог между властью и национально-культурными общественными организациями: проблемы и перспективы их разрешения. № 3

Липская Л.А. Инновационная политика в сфере высшего образования. № 4

Липская Л.А., Липская Е.В. Духовно-нравственные традиции как основа современной образовательной политики. № 1

Мошкин С.В. Общедоступные учреждения культуры Среднего Урала: социально-статистический анализ. № 2

Татаркина А.Р. Проблема организации досуга в южно-уральском городе на рубеже XIX–XX вв. № 1

Тухватулина К.А. Культурная политика в сфере театрального искусства в 1917–1932 гг. № 4

Чупров А.С. Истоки и особенности развития русской социальной философской мысли. № 2

ИСТОРИЯ

Бурмейстер А.Н. «Приглашение». № 2, 3

Воропанов В.А. Институт стряпчих в системе государственных должностей в 1775–1864 гг. (на примере губерний Урала и Западной Сибири). № 1

Гришкина М.В. «Этика выживания» во взаимоотношениях удмуртской общины с властью в XVIII – первой половине XIX в. № 4

Есикова Е.М. Открытие и деятельность Богодуховского миссионерского стана в Оренбургской епархии (1901–1917 гг.). № 4

Загребин С.С. Власть и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. № 3

Коваленко А.И. Казачье самоуправление на восточных окраинах России. № 2

Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935). № 3

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Организация генерального межевания в России. № 1

Шубарина Л.В. Историография изучения проблемы интеграции танковой индустрии в оборонно-промышленный комплекс Урала (1945–1965 гг.). № 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

20-летие Уральской школы политологии: испытание кризисами (Материалы выступлений участников заседания Клуба уральских политологов). № 3, 4

Возможен ли инновационный шаг в развитии России? (Итоги Седьмой Всероссийской научно-практической конференции). № 4

Второй международный научный семинар историков «Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы «холодной» войны». № 1

Юбилею Челябинской области посвящается. № 1

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу С.В. Любичанковского «Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II». № 4

АВТОРЫ НОМЕРА

Борисов С.В., доктор философских наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Брозовский В.П., глава администрации г. Березовский (Свердловская область), соискатель кафедры философии и политологии Уральской академии государственной службы. E-mail: brozovskiy@brozex.com

Ветренко И.А., кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: Inna-Vetrenko@yandex.ru

Воропанов В.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доцент. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Гришкина М.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, профессор, г. Ижевск. E-mail: grishkina@ni.udm.ru

Грунт Е.В., доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета, г. Екатеринбург. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Гурвич А.В., старший преподаватель кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: gel74@mail.ru

Дубовцев В.А., кандидат политических наук, заместитель министра по управлению государственным имуществом Свердловской области, г. Екатеринбург. E-mail: dva1952@yandex.ru

Есикова Е.М., аспирант кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета, заведующая отделом истории края Челябинского областного краеведческого музея. E-mail: e.m.esikova@rambler.ru

Кондратьев С.В., директор института истории и политических наук Тюменского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. E-mail: skondratiev@utmn.ru

Куликов В.Б., доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: vbkulikov@list.ru

Липская Л.А., заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, доктор педагогических наук, г. Челябинск. E-mail: Lipskaya@mail.trigorf.ru

Лысенко В.Д., кандидат философских наук, доцент Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: ponedelkov@skags.ru

Мошкин С.В., доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: osa-sv@yandex.ru

Нечаева С.В., заместитель директора по научной работе Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: nechaeva@urags-chel.ru

Норекян М.С., доктор экономических и социальных наук, ФРГ. E-mail: dr.norekian@norekian.de

Осипов О.В., заместитель директора по учебной работе Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат исторических наук. E-mail: osipov@urags-chel.ru

Печерских О.И., кандидат философских наук, доцент кафедры международного менеджмента Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: pom03@reginf.urfu.ac.ru

Подвинцев О.Б., директор Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доктор политических наук. E-mail: ipl_perm@mail.ru

Понеделков А.В., проректор по работе с органами власти и учебными заведениями Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. E-mail: ponedelkov@skags.ru

Руденко Е.Ю., старший преподаватель кафедры экономики и управления Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: helen-rudenko@rambler.ru

Рудой В.В., ректор Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат экономических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону. E-mail: rector@skags.ru

РусакOVA О.Ф., заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, главный редактор альманаха «Дискурс-Пи», доктор политических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Семенов А.В., аспирант кафедры политологии Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: semenoff_av@bk.ru

Соколова Е.П., заведующая кафедрой массовой коммуникации факультета журналистики Южно-Уральского государственного университета, кандидат политических наук, г. Челябинск. E-mail: e_socolova@mail.ru

Старостин А.М., проректор по науке, послевузовскому и дополнительному профессиональному образованию Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopodr@skags.ru

Трахтенберг А.Д., кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: cskit@yandex.ru

Тухватулина К.А., аспирант Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: Ksusha-81@inbox.ru

Фадеечева М.А., доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: fm366@uraimail.com

Хрущев О.В., заместитель директора Екатеринбургского филиала Академии труда и социальных отношений, кандидат социологических наук. E-mail: atiso@r66.ru

Чесноков А.С., кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета, г. Екатеринбург. E-mail: alexright@mail.ru

Шрейбер В.К., кандидат философских наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета. E-mail: shreiber@csu.ru

Шубарина Л.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и естественных дисциплин Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: shubarinalv@mail.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет в редакцию один экземпляр рукописи в электронном варианте (на дискете, CD-диске или по электронной почте).

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблице. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество ссылок не более 15.

8. Сноски оформляются в соответствии

с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора в журнале указывается обязательно.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: saa@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.